

Annotation

Анн и Серж Голон. Роман «Анжелика». 10 том - «Анжелика и заговор теней прошлого»

Перевод с фр. О. Е. Пивень

Симферополь : Редотд. Крымского ком. по печати : МП «Арктур», 1993г.

•

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВЫСТРЕЛ В НОЧИ

Глава 1

Анжелика проснулась. Была глубокая ночь. Слабое покачивание корабля на якоре показалось ей единственным признаком жизни вокруг нее. Проникающий сквозь окна призрачный свет луны подчеркивал контуры добротной мебели в салоне «Голдсборо» и отсвечивал на золоте и мраморе изящных вещей.

Луч застыл у края алькова, у подножия широкого восточного дивана, на котором лежала Анжелика.

Ее пробудило от сна желанное, пронзающее до боли чувство любви, смешанное с тревогой, да же со страхом перед чем-то ужасным, что приближается и угрожает ей. Ей захотелось восстановить в памяти сон, возбудивший в ней эти ощущения — страх и желание, — которые заставили ее открыть глаза. Снилось ли ей, что Жоффрей де Пейрак нес ее на руках? Или ей привиделось, что его хотят убить? Она ничего не помнила.

Осталось только сладострастное желание, разливающееся по всему телу, от впадины живота до кончиков сосков и до корней волос. И еще страх. Она осталась одна, но это стало уже обычным. Ложе рядом с

ней еще хранило тепло того, кто отдыхал здесь несколько часов. Жоффрей де Пейрак часто оставлял ее спящей, а сам отправлялся в караульный обход.

Анжелика вскочила. Впервые с тех пор, как они поднялись вверх по течению реки Святого Лаврентия, дремавшая в ней мысль вдруг оформилась и вылилась в слова: они находились во владениях короля Франции.

Он, ее супруг, давно приговоренный к смерти, и она, проклятая, за чью голову обещана награда, только что проникли на территорию, с которой когда-то были с позором изгнаны. Конечно, они сильны. У них есть флот из пяти кораблей. Но могущество Людовика XIV, хотя он и находился далеко, разве не было решающим? Его власть распространялась и на эти отдаленные области.

Здесь у них множество врагов, которые руководствуются указаниями короля. Авторитет сюзерена решал вопросы и жизни и смерти.

* * *

С тех пор, как она испытала свою судьбу, подняв восстание против короля Франции в Пуату, никогда Анжелика не ощущала так ясно, как теперь, что она в тупике, загнана в ловушку. Ценой нечеловеческих усилий им удалось бежать из Франции, обрести свободу в Америке и вот теперь приходится слепо подставлять под удар голову за одно это желание: посетить Квебек, восстановить связи со Старым Светом, с их родиной.

Какое безумие! Зачем она позволила Жоффрею решиться на это? Почему она не обратила внимание на эту опасность сразу же, как только он решил: «Едем в Квебек»? Не заметила, что назад все пути будут закрыты, что там, где царит всемогущий король, их всегда будет подстерегать опасность. Какой иллюзии они поддались? Может, их на это подтолкнула ностальгия? Почему вдруг они вообразили, что чувство родины может устранить препятствия и что время

ослабит вердикт короля? Теперь они снова оказались в его власти.

Ночная тьма в соединении с этими мрачными мыслями вызвала в ней ощущение, что это дурной сон. Ей казалось, что она действительно вернулась во Францию, что она находится в своем замке в Пуату, где всего шесть лет назад была совсем одна, оставленная всеми, где она просыпалась среди ночи, томимая желанием мужской любви, воспоминанием об утраченном счастье и навязчивой мыслью о подстерегающей ее опасности. По ее телу пробежала дрожь. Анжелика была не в состоянии контролировать это привычное уже ощущение приближающейся неминуемой катастрофы.

Она встала с постели. Руками ощупала мебель, стараясь определить реальность окружающего. Глобус и астролябия были на месте. Но это ее не успокоило. Она чувствовала себя пленницей этого салона, этой неподвижной мебели, стеклянного экрана кормовых окон, разделенных серебристым лунным светом на одинаковые квадраты, которые Анжелике казались непреодолимой тюремной решеткой.

Жизнь была позади.

Она умерла.

Ее и здесь подстерегал король. Ее больше не защищала завеса из зарослей ее неприступной провинции, где она когда-то безумно восстала против короля. Не было ничего надежного, что могло бы противостоять власти сюзерена. Как бы далеко она ни убежала, король может ее настигнуть и придавить всей тяжестью своей злопамятности. Она угодила в западню. Теперь пришел конец. Она мертва.

А он, Жоффрей де Пейрак, исчез. Где он? Он на другом конце земли, там, где светит солнце, а не луна, где торжествует жизнь и нет места смерти. Никогда уже ей не соединиться с его обнаженным телом, умирая

от желания. Она обречена на жизнь пленницы этого корабля-фантома, этих призрачных мест, до самой казни храня в сердце воспоминания о земных радостях, об объятиях и бесконечных поцелуях, ставших теперь недоступными для нее.

Это ад.

Эти мысли исторгли из нее стон. Она боялась повторения своей судьбы.

Сраженная безнадежным отчаянием, она вслушалась в безмолвную ночь и услышала вдалеке как будто звук шагов. С этим нечетким шумом к ней вернулось ощущение реальности. Это были живые звуки, и она сказала себе: «Мы же в Канаде!», — и вновь прикоснулась к глобусу, чтобы убедиться в реальности происходящего. «Мы на «Голдсборо», — повторяла она. Она говорила «мы», чтобы воссоздать реальность, воспоминание о которой внезапно возникло в памяти, причиняя боль.

Он, Жоффрей де Пейрак, должен быть наверху, на полуюте, оберегам ее ночной покой в этой суровой и далекой части Нового Света. А потом, вокруг него его люди, его корабли — этот флот на якоре у подножия утесов Сент-Круа-де-Мерси. Вот какое название дали этому месту: Сент-Круа-де-Мерси.

Какой-то фиорд, глухая излучина реки, куда без перерыва набегали волны бурного беспокойного океана. Лоцман сказал им: «Это Сент-Круа-де-Мерси. Здесь можно бросить якорь на ночлег». Это было название вполне определенного участка берега, но для Анжелики оно оставалось чем-то таинственным, мифическим, как будто лоцман вдруг оказался перевозчиком через Стикс. В этих местах царствовала Смерть. Это были ворота в ад.

Она машинально оделась. Из осторожности она не стала зажигать свечу в серебряном подсвечнике, который белел у изголовья ее кровати. Ею овладел

страх: что если свет вдруг подтвердит ее кошмарное предположение: «Я мертва, а он исчез».

Она накинула на плечи мантию и открыла дверь. Она почувствовала свежее дыхание ночи, которое сжало ей горло, и Анжелика вновь ощутила замах корабля: запах соли, хорошо вымытой палубы, снастей, парусов, дыма, жареного мяса, что исходит из кухни: обычно матросы готовят пищу каждый по-своему. Бог знает, сколько рецептов перемешалось в этой разноязычной команде, набранной со всех уголков света.

Анжелика оперлась о дверь. К ней вернулось хладнокровие. Она вздохнула полной грудью, и сразу утихли беспорядочные удары сердца.

Жоффрей где-то рядом. Через несколько мгновений она его встретит. Нужно только сделать несколько шагов, пройти несколько ступенек винтовой лестницы, свернуть налево, и она его увидит. Увидит его широкие плечи под камзолом, тонкий стан, его промокшие ноги в дорогих башмаках. Он не обратит на нее сразу внимания. Он будет занят своими мыслями. В основном по ночам, в бессонном одиночестве он строил свои планы, связывал узлы тысяч проектов и мероприятий. Она приблизится к нему. А он скажет:

— Вы не спите, моя дорогая?

А она ответит:

— Я хотела вас видеть, быть рядом, чтобы успокоится, любовь моя. Мне приснился дурной сон. Мне очень страшно.

Он рассмеется. А она почувствует себя лучше, согретая теплом его глаз, ласково глядящих на нее.

Анжелика уже знала, что только она может вызвать чувство радости в сердце этого мужчины, высокомерного, порывистого, иногда неумолимого. Этот взгляд, устремленный на нее, становился таким нежным и мягким. Она одна, положив руки на его плечи, заставляла трепетать этого человека,

единственная, кого он понимал. Он, хозяин стольких судеб, только перед ней падал на колени.

Одним взглядом она могла очаровать этого знатного сеньора, этого воина, закаленного в битвах. Она знала, что одной своей улыбкой врачует его душевные раны, нанесенные ему оскорблениями и унижениями, когда он был вдали от нее. Ион не обманывал, когда говорил, что благодаря ей он стал счастливейшим из людей. Уверенность во власти над этим грозным обольстителем женщин, который только ей дал привилегию ревновать, сознание уз между ними, настолько неразрывных, что они вдохновляли Анжелику свободно проявлять свою потребность в любви. Еще несколько шагов, и она увидит сто возле себя.

Робко она возьмет ста за руку, теплую, сильную, красивую, со слабым запахом табака. Она поцелует каждый его палец, как делают это мужчины, целуя пальчики женщин, а он погладит ее щеку, прошептав: «Дорогая, глупенькая!».

Глава 2

Его не было нигде.

Анжелика заметила только Эриксона, курящего свою длинную трубку. Он был верным исполнителем приказов, понимающим хозяина с полуслова, гением сурового и грозного моря, управлявшим командой, почти не раскрывая рта, сторожевым псом с мертвой хваткой.

Анжелика долго всматривалась в него, пока не убедилась в том, что это не Жоффрей. Через мгновение полуют корабля превратился в зловещую площадку, где решалась ее судьба. И снова лес надвигался своей черной массой на заколдованную воду и казался ей безответным и безлюдным. Она шагнула вперед и сказала:

— Добрый вечер, мсье Эриксон. Где же мсье де Пейрак?

По мере того как она поднималась на палубу, перед ее взором открывался берег. Она не думала, что он так близко, что можно увидеть огни, зажженные на земле.

— Он сошел на берег?

Эриксон поднялся на своих кривых ногах, приподнимая фетровую шляпу с пером — атрибут шефа, — которую он получил вместе со званием капитана «Голдсборо». То, что он был командиром на корабле, удовлетворяло всех. Авторитет этого гнома среди матросов и офицеров был беспрекословным.

— Действительно, мадам! Около часа назад мсье де Пейрак велел отправить его на землю.

— Его кто-нибудь сопровождает? — спросила она глухим голосом.

— Он взял с собой одного оруженосца, Жана ле Куеннека.

— Жана...

Она опять посмотрела на темный берег. Там простирался бесконечный густой канадский лес, место обитания медведей и индейцев. Что ожидает их на этом причале? Она повернулась к Эриксону, пристально вглядываясь в его непроницаемые глаза.

— Он сказал нам, куда пошел?

Эриксон кивнул головой. Поколебавшись, он выдернул изо рта трубку и прошептал:

— Ему принесли записку!

— Кто? Индеец?

— Не знаю, Но монсеньор, кажется, был в курсе дела. Я видел только, как он читал письмо, а потом услышал приказ спустить лодку на воду с двумя гребцами. Он приказал мне караулить и сказал, что отправляется на берег и вернется через пару часов.

Анжелика вздрогнула. Все чувства покинули ее, ею завладела лишь тревога. Она побледнела и похолодела. Это было то, о чем поведал ей сон. Опасность. Они

проникли во владения короля Франции, пусть даже и необитаемые.

Она сказала норвежцу: «Ладно!» и, медленно спустившись вниз, дошла до своей каюты. Внезапно Анжелика выпрямилась, зажгла лампы, взяла из ящика пистолет, зарядила его и сунула за пояс.

Вновь поднялась наверх, осмотрелась. Что еще хотела она увидеть в этой глухой ночи, в этом морском запахе, в обожженном подлеске? Мимо нее прошел, зевая, кто-то из команды, устроился в своем гамаке. Она узнала в нем Жака Виньо, плотника из Вапассу. Вдруг ее осенило. Она поняла, что нужно делать.

— Жак, найдите для меня Куасси-Ба и Энрике. Скажите, чтобы они с оружием пришли в мой отсек.

С полуюта она заметила матроса, который заступал на вахту.

— Эриксон ждет вас внизу, мадам, — сказал он ей.

Эриксон предусмотрительно приказал спустить шлюпку в море, угадав ее желание.

— Я подумал, мадам, что им захотите сойти на землю вслед за вашим супругом. Позвольте мне сопровождать вас. Мсье де Пейрак рассердится на меня, если я отпущу нас одну.

Она поняла, что Эриксону тоже передалось ее беспокойство и он хочет воспользоваться предложением, уступая инициативу Анжелике. Ему тоже хозяин не раз давал повод для беспокойства. Любя независимость и риск. Жоффрей де Пейрак не задумывался о волнениях, которые причинял своим близким очередным необдуманном шагом.

— Мсье Эриксон, я думаю, что мы с вами договорились, — сказала она, награждая его признательной улыбкой.

По просьбе Анжелики Эриксон вызвал лоцмана, который советовал бросить якорь именно здесь, в этом пустынном месте.

— Что за местность Сент-Круа-де-Мерси?

— Это... Ей-Богу... ничего!

— Но здесь что-то есть: индейский лагерь, торговый пост, поселок?

— Ничего, — повторил лоцман.

«Тогда что же делает Жоффрей де Пейрак на берегу, на котором нет ничего?» — мысленно спросила Анжелика.

— Только наверху...

— Что?

— Руины старинного приюта капуцинов, когда-то индейцы складывали там меха, приготовленные для продажи.

«Кто мог позвать Жоффрея в этот затерянный уголок?»

Собрались все, кого она позвала: негр Куасси-Ба, малаец Энрике, Виньо-плотник. Группа спустилась а шлюпку, и вскоре они оказались на берегу. Энрике заметил невдалеке двухвесельную шлюпку под охраной часовых, которые сидели вокруг огня. Он узнал у них в каком направлении пошел Жоффрей де Пейрак. Часовые указали на едва заметную тропинку.

Глава 3

Потушив факел, они тронулись в путь. Неясный свет луны освещал крутую тропинку, что шла к вершине утеса. Низко склоняясь под ветвями, Анжелика потеряла ориентировку. Ей опять казалось, что она в Пуату и вновь поднимает крестьян на восстание против короля Франции. Ей казалось, что она вновь бродит по лесам со своими партизанами, вставшими на борьбу с ненавистным королем: гугеноты и католики, вилланы и мелкопоместное дворянство, поставившие перед собой цель сеять смерть на каждом шагу. Молчаливые и мрачные, как сама ночь, из которой они появились, падающие с утесов на своих врагов, прыгающие с деревьев прямо на гвардию короля, загоняющие ее в

овраги, в течение двух лет они громили «миссионеров при шпагах», которые опустошали провинцию, и теснили даже королевские полки, посланные на их усмирение. Теперь, как и тогда, страх толкал ее вперед, заставляя подниматься вверх. Она не ощущала ни трудности подъема, ни царапающих веток, которые жестоко хлестали идущих. В мозгу один за другим воскрешались прожитые годы, и Анжелике показалось, что какое-то давнее чувство овладевает ею.

На этот раз она поднималась вверх, чтобы защитить и спасти его, своего любимого. Они достигли прогалины. Она оказалась небольшой, узкой, склоняющейся к выступающему краю единственного уступа над беспокойными водами Святого Лаврентия. Замок был уже рядом, увеличиваясь с каждым шагом, на его стенах гнездились тысячи птиц. Оксан врезался в берег соленым лиманом. Слышался шум прибоя, и свистящий ветер леденил их разгоряченные тела.

Анжелика не видела ничего вокруг себя, для нее в этой местности все было несущественным, кроме сероватой площадки, заросшей травой. Она чувствовала, что за площадкой должен быть обрыв в пропасть. Вдруг кто-то коснулся ее руки, привлекая внимание. Виньо делал ей знак, указывая на что-то наверху, справа. Она различила слабый свет и очертания хижины, стоящей на опушке леса и скрытой от взглядов деревьями. Ее можно было только угадать по этому свету, слабому и мерцающему. Возможно, внутри хижины горела свеча или же он исходил от огня, зажженного внутри жилища.

Группа остановилась на опушке леса. Анжелика обернулась к Куасси-Ба и сделала знак. Он набросил на свои седые волосы темный капюшон и, благодаря черной коже, стал абсолютно невидим в темноте. Он подкрался вплотную к хижине.

Они догадались, что негр уже у цели и рассматривает что-то в окне. Через минуту он был уже рядом с ними и прошептал, что в хижине действительно горит огонь, но что он ничего не смог разглядеть, так как окно затянуто мутным рыбьим пузырем. Однако он явно слышал голоса двух тихо обсуждающих что-то людей и может поклясться, что один из них принадлежал графу де Пейраку.

Он был в хижине! Но с кем?

Напряжение Анжелики спало. Ее утешала мысль о том, что он жив и находится близко. Кто-то позвал графа де Пейрака, и он отправился навстречу опасности, не позаботившись о солидной охране на случай нападения. При нем был только Жан ле Куеннек. То, что он оставил на корабле свою испанскую стражу, говорило о том, что он знал, кто ждет его в этой хижине. Возможно, он сам хотел и ждал этой встречи. Но ей он об этом ничего не сказал. Анжелика научилась определять сама и не риз видела, как предусмотрительно и заблаговременно готовил он свои экспедиции.

А это путешествие в Квебек! Кто знает, сколько времени он готовился к нему. Она не будет удивлена, если речь в хижине идет о назначении губернатором Ноной Франции мсье де Фронтенака, которого плохо приняли местные жители. Это назначение держали в большом секрете. Немного успокоившись, Анжелика все же не решилась сдвинуться с места. По необъяснимым предчувствиям место ей казалось зловещим, и ее страх, который она не показывала никому, передавался ее спутникам и угнетал их. Они тоже оставались неподвижными и испытывали чувство треноги. Глядя на них при слабом свете, проникающем сквозь листву, она заметила, как они сжались и внутренне напряглись в ожидании чего-то непредвиденного. Снова один из них, коснувшись ее руки, показал куда-то пальцем. На

другом конце прогалины что-то зашевелилось. У всех перехватило дыхание. И тут они увидели, как появился Жан ле Куеннек, с беспечным видом совершающий обход. Молодой оруженосец подошел к краю пропасти, заглянул во мрак бездны. Казалось, он прислушивается к шуму воды под утесом, затем он стал подниматься к хижине. На полпути он остановился, зажег трубку, сладко зевнул. Ночь казалась ему бесконечной. Обстановка не требовала внимания.

Анжелика размышляла, не выдать ли бретонцу свое присутствие, но сообразила, что ни он, ни тем более Жоффрей не поймут ее беспокойства. Но это не имеет значения. И тут Анжелика представила их путешествие в Квебек с другой стороны. Ведь и граф де Пейрак и большая часть его команды были французами. Они шли на встречу с Францией, не обращая внимания на препятствия, которые встречались на их пути. Они словно забыли о жестокой судьбе, что обрекла их на изгнание, они грезили о матери-родине. Как и этот Жан, который когда-то убил лесника сеньора д'Эльгао, отомстив ему за то, что он повесил его отца за браконьерство в лесу сеньора. Этот Жан, такой добродушный и веселый товарищ, забыл, что на территории Франции его еще ждет конопляная веревка.

Только их сила и мужество помогут им восторжествовать, уцелеть в неравной битве, выйти победителями из этой безумной, но неизбежной операции, как саламандра неврежимой проходит сквозь огонь.

Важно не быть самоуверенными.

Даже на этих безлюдных берегах огромной северной реки нужно помнить, что контакт с любым жителем этой страны, будь то индеец, крестьянин, рыбак, священник или чиновник короля, может быть для них опасен. Она подняла глаза, и ей показалось, что она снова вернулась во власть сна.

Похожие на двух хищных птиц, молчаливых и стремительных, два человека выскочили из леса и, через несколько мгновений оказавшись около Жана, набросились на него. После непродолжительной схватки от удара в затылок бретонец рухнул на землю.

В тишине послышался грубый голос:

— Не стоит его связывать. Привяжем камень на шею — и в воду. Одним будет меньше!

И вдруг один из убийц совершенно неожиданно исчез, так, что в бликах лунного света затаившиеся не сразу поняли, что произошло. Это Анжелика свалила его на землю, бросившись на голос. Мужчины последовали за ней. Они действовали молча, как и те двое раньше, и сумели избежать шума, чтобы не насторожить противников, которые, несомненно, находились в хижине с графом де Пейраком.

Зажав в руке старую рапиру, Эриксон рассек почти надвое череп первого убийцы, который рухнул наземь всей своей массой, как дерево под ударом топора.

Другой увернулся. Но страшным удар в лицо остановил в его горле крик, готовый вырваться наружу. С огромной силой узловатой черной рукой Куасси-Ба сдавил ему горло, как это делает удав со своей добычей. Жизнь, полная бесконечной борьбы и опасностей, была уготована почти всем людям де Пейрака, особенно самым старым его спутникам, грозным стрелкам, многому научившимся за спую нелегкую жизнь. Два трупа валялись на жесткой траве возле оглушенного Жана.

Анжелика знаком указала, чтобы их оттащили в сторону. Она хотела получше рассмотреть незнакомцев, чтобы определить, кто это: матросы-каторжники, лесные бродяги, прислужники никчемных сеньоров... Она не сомневалась, что они пришли сюда не ради Жана, а для того, чтобы совершить нападение на Пейрака и убить его, когда он выйдет из хижины, в

которую его заманили. Все казалось нереальным в этом канадском почти девственном лесу, заполненном живыми звуками воды и криками диких зверей. Но предчувствие и на этот раз не обмануло Анжелику. Это было началом войны против них. Вспугнутые пробравшимися сюда украдкой людьми, птицы, построившие себе гнезда в бесконечных извилинах утеса, подняли яростный гвалт. На фоне звездного неба захлопали белые крылья, птицы взлетали, а потом опускались на прогалину.

Внутри хижины происходила какая-то суматоха, словно кто-то передвигал мебель. Анжелика и ее спутники быстро спрятались в тени деревьев, приготовившись ко всему, и внимательно наблюдали за дверью, которая вдруг громко заскрипела.

— Что означают эти крики? — спросил незнакомый мужской голос.

— Ничего, это птицы, — ответил голос Пейрака, чей высокий силуэт вырисовывался на пороге.

Граф сделал несколько шагов. Он был хорошо виден в лунном свете. Его противники догадались, что он кого-то ищет в темноте, озираясь вокруг. Должно быть, Пейрак что-то заподозрил.

— Жан! — позвал он.

Верный оруженосец не появился и почему-то даже не откликнулся.

В этот момент обитатель хижины оказался позади графа. Насколько можно было видеть в темноте, это был мужчина средних лет, сутуловатый, нескладный. Он производил впечатление мирного человека. Так же, как и Пейрак, он стал вглядываться в ночь.

— Этих птиц спугнули люди, — скатал голос Пейрака. — Может, это Жан? Но тогда где же он?

Глухое звучание такого милого, дорогого для нее голоса заставило сжаться сердце Анжелики. На Жоффрее не было маски. Она снова узнавала к неясном

свете луны черты любимого лица: его шрамы — отпечатки суровых испытаний, лица смущающего, но такого успокаивающего для тех, кто знал его глубоко скрытую доброту, ум, его обширные познания и удивительные способности.

Сердце Анжелики вздрогнуло от любви. Он был жив. Она пришла вовремя. Опасность бродила рилом, это ясно. Кажется, и Пейрак начал что-то подозревать. Это заметили и ее спутники. Рука Анжелики сжала пистолет, взвела курок. Анжелика не выпускала из поля зрения человека, маячившего несколько позади, у порога, который почему-то озабоченно озирался вокруг.

«Наверняка он спрашивает себя, где могут быть его холуи, — подумала Анжелика. — Ему кажется, что они слишком медлят. Давно нужно наброситься на Жоффрея и убить его, как было условлено заранее. Этот человек намеревался действовать не один».

В то же мгновение Анжелика увидела, что незнакомец заносит шпагу над Жоффреем.

Она вскрикнула и выстрелила. Граф де Пейрак отскочил в сторону. Он тоже выхватил из пожен шпагу, но выстрел сделал свое дело, негодяй пошатнулся, мгновение потоптался на месте и рухнул ничком, растянувшись во весь рост. Он казался огромным и гибким, как змея, в серебряном свете луны. Пейрак изумленно поднял глаза. Он увидел жену на опушке леса. Рука ее, еще державшая дымящийся пистолет, не дрожала. Анжелика была величественна, как грозное провидение.

— Отличный выстрел, мадам!

Это были первые слова, произнесенные Жоффреем после случившегося. Она направилась к нему, и казалось, что женщина скользит по мягкой траве, как некое фантастическое существо. Лунный свет усиливал ее бледность. От нее словно исходил свет, подчеркиваемый ореолом золотых волос и серебристый

манто из меха котика, наброшенным на плечи. Четким и реальным в этой женщине был только пистолет, который она не выпустила из рук. Эта блестящая сталь казалась чужеродной в тонкой и хрупкой руке фен. Но как бы ни тяжело и неудобно было держать оружие, Анжелика была готова стрелять вновь. Она украдкой посматривала вокруг, бросая зоркие взгляды. Ничего подобного Пейрак за ней раньше не замечал. Проникать сквозь ночную темноту и тени дремучего леса казалось для нее привычным делом.

Анжелика, все еще настороженная, подошла к мужу, прижалась, и он воспринял ее как ангела-хранителя, которого Бог даст в стражи смертным.

— Они хотели вас убить, — прошептала она.

— Вне всякого сомнения. И без вас я был бы уже мертв.

Анжелика вздрогнула. Если бы она ничего не предприняла, он был бы уже мертв.

Она снова ощутила возможность этого неопишуемого ужаса разлуки с ним, сознания, что он потерян навечно.

— Нужно бежать, — сказала она. — К чему было совершать это безумие? Нам нельзя быть такими неосторожными.

Пейрак ненавидел себя за то, что подверг Анжелику подобному испытанию.

— Я признаю себя виновным. Этот человек представился посланцем от мсье де Фронтенака. Я не ожидал от него предательства. Это хороший урок. Отныне я буду бдительным вдвойне. Без вас, моя дорогая... Но где же Жан?

Жана тем временем привели в чувство. Мужчины окружили де Пейрака. Ему попадали о нападении, жертвой которого стал оруженосец, и сообщили, что люди были подосланы специально для убийства.

Пейрак опустился на колени перед телом убитого, перевернул его. Он увидел, что первая пуля попала прямо в сердце, а вторая прошла через спину, когда человек уже падал. На осунувшемся лице с зияющим ртом осталось выражение удивления.

— Граф де Варанж, — сказал Пейрак. — Губернатор Новой Франции передавал через него мне приглашение пожаловать к нему. Зная, что его политика непопулярна среди народа, но желая проводить ее и дальше, он рекомендовал действовать осторожно. Он хотел оповестить Квебек о нашем приезде, как о свершившемся факте. Я заверил его, что последую его рекомендациям и никому не сказал о назначенной встрече. Я начал жалеть об этом, когда увидел Варанжа. При первом взгляде он вызнал у меня подозрение, хотя я не мог понять почему.

На тропинке послышался треск ветвей, кто-то подходил к ним с берега. Чей-то голос спросил:

— Что здесь происходит?

Потревоженные звуками выстрелов часовые, которых оста и или возле лодки, кинулись на поиски своих людей.

Капитан «Голдсборо» поспешил им навстречу. Нужно было, чтобы происшествие не вызвало паники.

— Все в порядке, ребята. Возвращайтесь на свой пост.

Затем он вернулся к группе. Посоветовались, что делать с трупами, один из них — известный колониальный чиновник, правая рука губернатора Новой Франции. Пустынный уголок, выбранный для расправы с де Пейраком, говорил о том, что заговорщики намеревались скрыть следы трагедии.

— Бескрайний лес, а река глубокая, — сказал де Пейрак, — Все здесь присутствующие умеют хранить тайны. Ведь нам не впервые, друзья мои.

Он быстро взглянул на тех, кто явился сюда с Анжеликой. Каждый из них — «могила». Память их менее проницаема, чем «каменный мешок». Если что-нибудь нужно было вычеркнуть из памяти, то вычеркивалось навсегда. Даже на дыбе они никого не выдадут.

Жоффрей де Пейрак обнял Анжелику за талию и нащупал ее пальцы на рукоятке пистолета.

— А вы, мадам, кто вас предупредил, почему вы явились сюда так своевременно?

— Предчувствие! Ничто другое. Меня разбудила страшная тренога, какой-то импульс. Мне показалось, что с вами что-то должно случиться. Ведь любая встреча в этой стране, в этих непроходимых лесах может закончиться плачевно. Я не могла дольше оставаться в неведении. И я попросила наших друзей сопровождать меня. Но могу вам поклясться, что остальные ни о чем не догадываются.

— Без мадам графини вы наверняка оказались бы в затруднительном положении, мсье, — сказал Эриксон.

— Обрядили бы меня в саван Святого Лаврентия, — улыбнулся Пейрак, и гримаса печали бросила тень на его лицо.

Глава 4

Анжелика дрожала всем телом. Граф ощутил эту дрожь, удивляясь тому, что Анжелика, так хладнокровно принявшая участие в схватке, где она убила человека, где она стреляла сама, вдруг проявила женскую слабость.

Анжелика мысленно представила себе весь ужас возможной трагедии, Жоффрей убит. Его тело с камнем на шее сброшено с высокого утеса.

Его снова хотели убить, убить предательски.

Жоффрей был прав. Это преступление задумали совершить втайне, чтобы никто никогда ничего не узнал. Нужно отплатить врагам той же монетой.

Уничтожить следы. Так как пни плыли к Квебеку, имея дурную репутацию, нельзя позволить, чтобы их запятнала и смерть графа де Варанжа. Это было бы расценено как убийство, а не как законная самозащита.

— Я не могу знать, что у этого дурака было в голове, — произнес Пейрак после некоторого раздумья, — но я совершенно уверен, что действовал он не по приказу господи нале Фронтенака. Это исключено. До сих пор губернатор встречал меня с распростертыми объятиями, Квебек разделен на соперничающие группы заговорщиков. Фронтенак, не подумав, принял услуги графа де Варанжа в качестве посыльного. Да и знает ли он об этой услуге?

Когда Жоффрей, встав на колени, пошарил в карманах убитого, оттуда выпал листок бумаги и мелочь. Убедившись в том, что содержимое карманов не прояснит для них личностей подстрекателей покушения, он засунул все на старое место.

— Никаких намеков! Нам не осталось ничего, что могло бы прояснить, почему на нас покушались эти люди. Я отдал де Варанжу письмо де Фронтенака, он положил его в карман, но письма не оказалось на месте. Оно исчезло.

Граф велел, чтоб Энрике исследовал хижину, посмотрел, _ не осталось ли каких-нибудь следов после этой рискованной встречи. Затем он обнял Анжелику, и они начали спускаться к берегу. Куасси-Ба и Виньо шли позади, предусмотрительно ликвидировав следы схватки.

Пройдя половину пути, во время спуска. Жоффрей де Пейрак остановился, взял Анжелику на руки и страстно прижал ее к груди.

— Вы спасли мне жизнь, любовь моя. Тысячу раз благодарен вам!

Вновь растревоженные птицы подняли невообразимый шум в окрестностях мыса. Течение

большой реки смыло все следы. Все происшедшее ночью в этих пустынных местах казалось теперь каким-то кошмаром.

«Голдсборо» был убежищем, где их не подстерегала опасность. Здесь Анжелика хотела спрятаться вместе с ним. Пусть она одна будет знать, что сплела ему жизнь.

Когда шлюпка подплыла к неподвижному кораблю, его огни отражались красными и золотыми бликами в спокойной темной воде. Анжелика все еще дрожала. Она ухватилась за руку де Пейрака. Он опустил глаза, но не произнес ни слова. Он понимал, что после пережитого она взволнована. Впрочем, он тоже. Скорее, ее вмешательством, чем таинственным покушением на его жизнь. Он открыл в ней новые чудесные качества. Пораженный этим открытием, он крепко прижал ее к себе с каким-то оглушительным чувством, которое вытеснило все другие. Он сказал себе, что всегда будет вспоминать эту волшебную ночь, как праздник.

Анжелика, прижавшаяся к нему, не могла так четко осознать свои переживания. Острая тревога одурманила ее разум, причиняя страдания. Она чувствовала себя больной.

Когда в каюте не осталось никого, кроме них, в этом шикарном салоне, не раз оказывавшемся единственным свидетелем их любо иных прелюдий и безумной страсти, ее нервы не выдержали, и на Пейрака посыпались яростные упреки:

— Почему вы так поступили? Какая неосторожность! Можно было хотя бы предупредить меня, держать в курсе... Я бы заранее почувствовала опасность. Я возглавила восстание против короля Франции и знаю, на какое предательство способны его люди...

— Моя дорогая, — прошептал он, — успокойтесь. Ведь вы спасли мне жизнь, а теперь у вас истерика?

— Одно другому не мешает.

Затем она бросилась в его объятия, теряя рассудок.

— Ох, любовь моя! Любовь моя! Я боюсь, что вновь вернется кошмар, который я уже не раз переживала вдали от вас: я бегу к вам через дремучий лес, я хочу защитить вас от опасности, но являюсь слишком поздно... Это ужасно!

— На этот раз вы не опоздали.

Он обнял ее и стал гладить волосы. Внезапно она откинула голову назад, чтобы взглянуть ему прямо в лицо.

— Вернемся, Жоффрей! Давайте вернемся в Голдсборо. Оставим наши планы. Я только теперь поняла, на какое безумие мы решились. Мы пробрались в королевство. Как бы далеко отсюда ни находилась Франция, мы сами отдаем себя и королю, и его церкви, которая приговорила нас к смерти. Нам удалось избежать их приговора, сохранить свободу, а теперь мы сами отдаемся им в руки. Это безумие!

— Мы возвращаемся с кораблями, с золотом, с договорами, и, к тому же, прошло так много времени.

— Это не имеет значения.

— И это говорите вы, моя воительница, после первой битвы? Это ерунда, это только стычка. Мы убедились, что наш союз стал еще теснее, чтобы вместе дойти до конца.

— В самом деле, должны ли мы идти к Квебеку? — спросила она. В ее голосе звучала тревога. — Мне представляется все очень простым. Мы, как друзья, возвращаемся к соотечественникам. А затем вдруг я вижу другую сторону медали: нас ждали, заманили, чтобы покрепче связать и убить наконец.

— Не будем терять самообладания, не переживайте. Все не так просто, но и не так сложно. Здесь у нас есть верные и надежные друзья.

— И коварные враги! Это мы только что видели.

— Действительно, должны ли мы идти к Квебеку? — он ответил не сразу. — Да, я думаю так, — наконец

твердо ответил он. — Это выход, чтобы избежать оскорблений и бесчестия. Только сразившись с врагом в открытую, мы можем одержать победу.

Он приподнял ей голову и взглянул прямо в глаза, в эти призрачные изумруды, где прочитал выражение неизмеримой скорби, которая родилась в душе прелестной маркизы дю Плесси де Бельер, когда она сражалась с королем Франции, в глаза незнакомой женщины — Мятежницы Пуату, характер которой недавно проявился на опушке леса.

— Не надо бояться, любовь моя, — прошептал он, — не бойтесь ничего. На этот раз я рядом. Нас двое, теперь мы вместе.

Ему удалось отвлечь ее от навязчивых мыслей, укрепить уверенность в будущем, поверить в их счастливую звезду. Страх сменила радость. Ее одурманила вновь обретенная вера. Снова благодатное тепло растекалось по всему телу от того места, где находилась рука Жоффрея. Она прикрыла веки, чтобы сильнее почувствовать счастье подчинения ему.

— Пусть будет по-твоему! Мы поедем в Квебек, мой дорогой сеньор. Но тогда обещай мне... обещай мне...

— Что?

— Я не знаю! Что ты никогда не умрешь... что ты всегда будешь меня оберегать... что никто не сможет нас разъединить.

— Я обещаю тебе это.

Он засмеялся.

Они поцеловались. Забыв обо всем, они отдались любви, которая с каждым днем соединяла их все сильнее и которая сама по себе была уже победой.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ВВЕРХ ПО ТЕЧЕНИЮ РЕКИ

Глава 5

— Ах!— воскликнул тщедушный маркиз де Виль д'Эвре, вдыхая горьковато-соленый воздух реки. — Ах, как мне нравится эта атмосфера любви...

Интендант Карлон смущенно посмотрел на него. Они продвигались по реке в холодных осенних сумерках. Свинцовые тучи приоткрыли горизонт, и все вокруг засияло в золотистом свете. Но это не могло послужить причиной такого восторженного восклицания. Сине-зеленая река бурлила. Подозрительное безлюдье... Под бронзовой кожей местных жителей таилась дикая враждебность: горец с космами, скрывающими почти все лицо, или индеец-алгонкин, дикий и свирепый, как вепрь. За кормой ежеминутное криками пролетали птицы.

— О какой любви вы говорите?

— Разве вы не ощущаете, Карлон, — продолжал маркиз, закутавшись в шубу, подбитую мехом выдры, — какая благодать любовь! Ах, любовь! Какой прекрасный климат, единственный, в котором человеческое существо может расцвести, чувствовать себя как рыба в воде. Как хорошо здесь отдыхать и путешествовать. Редко я ощущал, чтобы любовь владела мной с такой силой.

— Но любовь к чему? — робко спросил интендант. Маркиз де Вильд'Эвре — оригинал, это так. Но иногда он заходит слишком далеко. Под холодным и подозрительным взглядом своего собеседника маркиз пришел в еще больший восторг.

— Любовь так коротка! Любовь с ее обмороками и утехами, яростной борьбой, с томительным ожиданием чуда и изысканными нежностями, с опьяняющей отдачей, короткими спорами, страхами, которые тотчас же рассеиваются, и размолвками, которые тотчас же забываются, ссорами, которые исчезают от одной улыбки, как снег на солнце, с ее надеждами и уверениями; этот огонь, что непрерывно загорается в сердце и плоти, обогащает жизнь, заставляет вас жить в другом мире, где есть только двое... только двое, готовые умереть, если это нужно, чтобы достигнуть

порога счастья, почти райского, где никогда не наступит разочарование и всегда будут только чудеса.

— Вы пьяны, я полагаю, — сказал интендант Карлон, — или заговариваетесь.

Он бросил подозрительный взгляд на низкий столик, на котором он увидел легкий завтрак. На солнце, сверкая серебром, стояли кубки и хрустальные чаши, но графины с вином и ликером были полны.

— Да, я выпил, — продолжал Виль д'Эвре. — Я опьянел от эликсира, который называется любовью. Она распространяет свои тончайшие, едва ощутимые лучи, но они такие сильные, жгучие, что опьяняют, как чудесные запахи.

— Запахи, — повторил Карлон. — Да, здесь действительно есть запахи, но в них нет ничего райского. Впрочем, это любопытно, что морские запахи до сих пор преследуют нас, хотя мы находимся уже далеко от моря.

— Ну зачем вы вспоминаете о море! — простонал маркиз. — Какой вы ужасно практичный! Я напрасно старался изо всех сил развеселить вас.

Он разочарованно отвернулся и взял конфету из хрустальной вазы. Эта дегустация вернула ему хорошее настроение, и он снопа вдохновился.

— Я очень люблю сладкое и в этом тоже вижу признак любви. Разве не вдохновляет влюбленное сердце нежность поцелуя в этих девственных местах? Именно во имя любви можно вытерпеть все суровые лишения. Ведь любить — это значит бросить к ногам любимой все сокровища земли, умом и сердцем привязаться к очаровательному созданию. Вот, не правда ли, все признаки атмосферы страсти и нежности, даже и вы не можете остаться в стороне. Да, даже вы...

Он стукнул в грудь Карлона и легонько толкнул его.

— Вы бредите, — заявил тот. — И делаете мне больно.

Но Виль д'Эвре, губернатор Акадии, «завелся». Он ухватил за лацканы своего собеседника, который был гораздо выше его.

— Как? Разве вы будете утверждать, что остаетесь равнодушным? Вы хотите заставить меня поверить, что в вашей рыбьей груди не бьется сердце, не трепещет живая плоть?

Карлон, удивленный таким заявлением, отступил и, освободился.

— Губернатор, я привык к вашим неприличным высказываниям, но вы переходите все границы. Разрешите напомнить вам еще раз, что я ничего не смыслю в ваших бредовых разглагольствованиях. Зябко, наступает ночь, мы плывем к Квебеку, где нас ждут всевозможные неприятности, и в этой обстановке вы заявляете, что погружены в мечты о любви!.. Любви к чему? — спрашиваю я вас.

— Почему «к чему»? — возразил маркиз. — Вы ведь могли спросить о любви «к кому». Ну что ж. Вы просто слепой. Взгляните, кто приближается к нам...

Театральным жестом он указал рукой на группу, которая только что появилась на корме. Против света можно было разглядеть на фоне неба плюмажи на шляпах, но их трудно было отличить друг от друга, хотя ясно вырисовывался силуэт одной женщины.

— Ну как? Видите вы ее? — вновь заговорил маркиз, встрепенувшись. — Видите ее? Она единственная! Женщина, подобная всем грациям, наделенная всеми женскими чарами, женщина-совершенство. Ее взгляд — единственный взгляд — ошеломляет, единственное слово, произнесенное ею, вызывает у вас трепет, ее нежность соблазнительна для вас, воспламеняет вашу страсть. Вы чувствуете себя обязанным защитить ее очаровательную слабость. У вас появляется желание

прильнуть к ее груди, как привлекала вас материнская грудь. Чем, какими качествами соблазняет нас женщина? Чистыми и светлыми или, наоборот, самыми опасными проявлениями своего естества? Но перед ней не устоит, я уверен, не только мужчина, но и ни одно создание любого пола. Безусловное очарование, по моему, является первым признаком женщины в самой ее сути.

Он остановился, чтобы перевести дыхание. В это время графиня де Пейрак в сопровождении супруга и офицерского состава кораблей графского флота начала спускаться на нижнюю палубу. Это единственное женское лицо даже на таком расстоянии привлекало всеобщее внимание. И было непонятно, откуда этот свет: то ли заходящее солнце бросает краски на ее лицо, то ли причиной его является милая и веселая улыбка, играющая на губах женщины. Она внимательно слушала, о чем говорят идущие рядом с ней мужчины. Большая фетровая шляпа «а ля кавальер» возвышалась над ее головой. Ее мантия из белого сатина, подбитого мехом, приоткрывало над корсажем воротник из малинских кружев в три ряда. Рисунок на платье розового шелка переходил на складки юбки из гранатового бархата. Подол юбки окаймляла серебряная канва.

Одной рукой она придерживала юбку, чтобы та не мешала спускаться по лестнице, другая рука была спрятана в муфте из белого меха, которая держалась на серебряном шнурке.

Движения Анжелики де Пейрак были настолько грациозны, что Виль д'Эврс воскликнул:

— Разве она не достойна спускаться по большой лестнице Версаля об руку с самим королем?

— Говорят, что она уже была там, — прошептал Карлон.

— Гм... Спускалась по большой лестнице Версаля? С самим королем?

Интендант не ответил, но подтвердил свои слова выразительной гримасой. Виль д'Эвре снова затормошил его:

— Вы, вы что-то знаете о ней? Скажите мне. Ладно! Вы можете не говорить мне ничего, но придет день, когда я заставлю вас признаться.

Вынырнув из темноты, на свету у балюстрады показался силуэт маленького животного. В несколько прыжков догнав компанию, он очутился на палубе рядом с Анжеликой, внимательно осмотрел ее и торжественно пошел вперед, задрав хвост.

— Кот! — воскликнул Виль д'Эвре. — Заметьте, что даже животные составляют эскорт графини Пейрак и рады служить ей. Ах, если бы вы могли видеть ее в Голдсборо с медведем!

— Каким медведем?

— Огромное животное, очень сильное, а она, опустившись перед ним на колени, гладила его и шепотом разговаривала с ним.

— Но это очень опасно! Вы не говорили мне, что мадам де Пейрак обладает такой силой.

— Это незабываемое зрелище!

— Может быть, она знакома с магией?

— Нет, это только ее личное обаяние. Разве вы не видите, как восхитительна эта женщина?

— И да и нет. Я думаю, что мы находимся на корабле человека, который был флибустьером, и что мы должны считать себя как бы его пленниками.

— Нет же! Вы привыкли во всем видеть только плохое. Мы — только гости мсье де Пейрака, отважного дворянина, по происхождению гасконца, к тому же самого состоятельного человека в Северной Америке. Оказав нам помощь в Акадии во время нашего инспекторского турне, он был так добр, что пригласил

на свой корабль, чтобы мы добрались до Квебека. Он направляется в Квебек, чтобы засвидетельствовать свое почтение губернатору Новой Франции мсье Фронтенаку.

— А вы? Почему вы привыкли все рисовать в розовом цвете? — съязвил Карлон.

— Я счастливый человек. Я вижу только приятные стороны, так как равнодушен ко всему приятному. Мне приятно плыть на этом корабле, приятно быть в компании даже с вами, да, да, не протестуйте. Здесь я могу побеседовать с самой красивой женщиной на земле. Я возвращаюсь с кораблем, который де Пейрак подарил мне взамен моего «Асмодея», взорванного пиратами. Я везу с собой товары, меха, ямайский ром, фаянсовые плитки. Мсье де Пейрак привез их для меня из Франции. Посмотрите.

— Посмотрите, посмотрите... Вы твердите одно только слово и повторяете его без конца. Ну хорошо. Вот я смотрю, и что я вижу. Ситуация становится все неприятней и усложняется по мере того как мы продвигаемся вперед. Я говорил уже вам, что нас ожидает масса неприятностей, и именно потому, что мсье и мадам де Пейрак окажутся там самым олицетворением любви и всех ее прелестей. Мы можем надеяться, что создадим много шума в Квебеке. Чему же радоваться? Для начала произойдет обмен пушечными выстрелами, затем их ждет перестрелка из ручного оружия, затем мы уйдем отсюда, подчинившись им. Это будет для всех нас наказанием, опалой, что равносильно отлучению от церкви. Вы знаете, что епископ Лаваль и иезуиты не шутят с вопросами колдовства и атеизма. И я вижу, какой прием ожидает эту компанию.

— Зачем же вы туда плывете? Вы преувеличиваете! Конечно, там будут неприятности, но без эмоций, без криков, без зубного скрежета. Я это обожаю, уверяю вас.

— О, конечно! Вас все знают. И я согласен с мадам де Пейрак, когда она говорит, что вам только дай поставить вверх дном весь город. Только это вас и радует!

— Она это сказала? Как это верно! Она очаровательна! Не так ли?

— Во всяком случае, с вами бесполезно спорить, так как вы влюбленный эгоист.

— Ну нет, я не влюблен... ну, может, немножечко... Вы решительно ничего не понимаете. И кроме того вы — нытик. Я больше ничего не скажу вам.

Маркиз де Виль д'Эвре капризно отвернулся. Анжелика де Пейрак со своей компанией, поравнявшись с ними, заметила, что оба они не в себе.

Прошел еще один день плавания, флот снова остановился у пустынного северного берега Святого Лаврентия. Как было уже заведено, капитаны всех кораблей собрались на «Голдсборо», чтобы обсудить маршрут и утвердить план на следующий день.

— Отсюда недалеко до Тадуссака.

— Первый французский пост!

— Будем надеяться, что нас там не примут в штыки!

— Естественно! Это маленький, совершенно не защищенный поселок. А у нас сила. К тому же мы едем туда с самыми миролюбивыми намерениями.

Флот действительно был в отличном состоянии. Якоря бросили в тени бухты, чтобы не оказаться захваченными врасплох. Флот составляли три корабля водоизмещением от 200 до 350 тонн. На каждом корабле было по две пушки. К бортам прикреплены две голландские яхты: «Рошеле» и «Мон-Дезер». Младший сын Анжелики и Жоффрея де Пейрака Кантор был командиром «Рошеле». Невзирая на свои шестнадцать лет, он был уже бравым морским офицером. Он выучился морскому делу, плавая с десяти лет с отцом в Средиземном и Карибском морях. Ванно, старый

главарь корсаров Золотой Бороды, командовал «Мон-Дезер». Граф де Пейрак предпочел его остальным своим старым компаньонам, потому что Ванно не был судим во Франции и был католиком.

Вопрос религии был очень важным при формировании команды и назначении морских офицеров. Реформистов не брали. Их могли немедленно задержать, как только они окажутся во владениях Франции. Приходилось быть осторожным и при выборе иностранцев. Несмотря на эти соображения, пришлось рискнуть. Командир «Голдсборо» родился в Норвегии. Эриксон, молчаливый и рассудительный, умел быть незаметным. Для его личной охраны Жоффрей де Пейрак нанял четырех испанцев. Эриксон об этом не догадывался. Они тоже старались не вступать в разговоры с остальными членами экипажа и среди французов держались отдельно. Капитаны остальных двух кораблей, граф д'Урвилль и шевалье де Бассомпье — французские дворяне из хороших семей — не имели конфликтов с квебекским обществом. Де Пейрак не желал знать причин, вынудивших их покинуть территорию Франции, чтобы бороздить моря.

Приблизившись, Анжелика заметила омраченное лицо Виля д'Эвре и чопорного, угрюмого интенданта Карлона. Что ж, ясно. Два друга снова поспорили. Она увидела еще издали, как маркиз жестикулировал, а потом в бешенстве отвернулся. Анжелика всегда была неравнодушной к настроению окружающих. Виль д'Эвре успокоился, видя, что вызвал интерес, о чем говорил проницательный взгляд Анжелики. Он любил находиться в центре внимания, любил, чтобы им интересовались, заботились о нем. Видя, что Анжелика направилась к нему, он сразу, засиял от счастья.

— Что случилось, мой дорогой друг? Как будто не все ладится? — спросила Анжелика.

— Да, несомненно, вы можете так говорить. Как много людей, подобных этому типу. С ними трудно общаться! Недаром теологи утверждают, что чистилище начинается не на том, а на этом свете, на земле.

— Вы беседовали с мсье Карлоном?

— Да.

— Сядьте со мной рядом и расскажите мне обо всем. Он опустился рядом с ней на мягкое сиденье.

Анжелика приготовилась внимательно выслушать его, огляделась вокруг. В этот вечер стояла чудная погода. После двух дней грозы и дождей можно было насладиться чистым воздухом. Из Сент-Круа-де-Мерси они продолжили свое путешествие. О трагическом ночном происшествии никто не вспоминал.

Иногда Анжелика спрашивала себя, не приснилось ли ей все это? О происшедшем ей напоминали только тончайшие изменения в ее отношениях с супругом. Ей казалось, что он украдкой разглядывает ее, его взгляд выражает восхищение и любопытство и она вызывает в нем еще большее уважение и доверие.

Он чаще стал обсуждать с ней свои проекты, интересовался ее мнением. Нужно было обсудить очень много проблем, многое отрегулировать, прежде чем пришвартоваться в Квебеке, который был бесспорным владением короля в Новой Франции.

Время от времени эта цель казалась недостижимой. Их наполняло чувство какой-то отрешенности от всего мира. Особенно когда этот холодный воздух смешивался с морскими запахами, исходящими от реки, а огромные, дремучие роскошные леса неожиданно наступали на берега. Непривычная еда, экзотический кофе в кожаных графинчиках, шоколад и чай, который предлагал им выпить новый метрдотель мсье Тюссо, утверждая, что это последний крик моды Парижа... Этого человека принял в экипаж Эриксон во время

своего последнего путешествия в Европу по протекции руанского вкладчика графа де Пи. Он оказался человеком, знающим свое дело, а способности его были гораздо выше способностей простого повара. Как раз сейчас он подогревал на углях свой чайник.

— Это самое тупое создание, какое я только встречал, — жаловался Виль д'Эвре, очищая от кожуры фисташки.

— Вы говорите об интенданте из Новой Франции?

— Ну конечно!

— Я не согласна с вашей точкой зрения, маркиз, у мсье Карлона, безусловно, сложный характер, но он очень образованный и с ним интересно общаться. Мой муж с удовольствием беседует с ним, советуясь в коммерческих вопросах. В этом смысле мсье Карлон просто незаменим.

— А я? А я! Разве я недостаточно компетентен в коммерческих вопросах?

— Да, конечно, вы знаток в этом деле.

— Разве у меня нет образования?

— Конечно, вы — один из самых образованных дворян, каких я знаю, и один из самых любезных.

— Вы очаровательны, — пробормотал маркиз, преданно целуя ей руку. — Как я буду рад принять вас у себя дома, — начал он свою любимую песенку, — как нам будет хорошо в моем маленьком салоне в Квебеке. Мы посидим перед моим облицованным ирокезами очагом и будем слушать завывания пурги. Я приготовлю вам чашечку китайского чая, несколько пакетов которого мне подарил отец де Мобеж. Чай ему достался из Китая. Вы расположитесь в моем замечательном кресле, оно такое уютное. Мне сделал его искусный мастер, я позже скажу вам его имя. Подушечки на нем из лионского шелка. Вот увидите. Вы отдохнете и расскажете мне всю вашу историю.

Действительно, если не добиться хорошего приема самым скверным во всем этом квебекском деле могла оказаться возможность перезимовать в интимном обществе этого любопытного маркиза, который так хочет узнать все подробности ее прошлого.

Пожалуй, он уверен, что она не откажет ему. В конце концов, там будет видно. Они еще не достигли Квебека. Но несмотря на оптимизм Жоффрея, не обращавшего никакого внимания на покушение, жертвой которого он мог стать, несмотря на свое неверие в сплетни о губернаторе Новой Франции, не оставалось уже сомнений в том, что там их ждут могущественные враги, которые, возможно, одержат верх над ними.

— Кто такой был граф де Варанж? — спросила Анжелика приглушенным голосом.

Маркиз поморщился.

— Варанж? Вы о нем слышали?

— Как сказать...

— А почему «был»? Он жив, насколько я знаю.

Анжелика прикусила язык, почувствовав свою оплошность. С тех пор, как они зашли во французские воды, она утратила чувство реальности, плохо ориентировалась в складывающейся ситуации. Она чувствовала, что находится во французских владениях, и это ее раздражало. Ей пришлось солгать, чтобы исправить свою оплошность.

— Кто-то говорил мне о нем, не помню кто. Ах!.. Это была, кажется, Амбруазина де Бодрикур на восточном берегу.

— Это странно, я совершенно не в курсе событий, — возмутился Виль д'Эвре.

На мгновение он задумался.

— Во всяком случае, похвально, что наша дорогая герцогиня переписывалась с ним. Это в ее вкусе. Старый зануда, который взбаламутил всю

администрацию. Он занимал мизерную должность казначея в Квебеке, но я с ним не вступал в контакт. Безусловно, этого типа знает весь свет, где только он побывал. Черт возьми, я буду презирать его вдвойне!

Чтобы прекратить разговор, Анжелика сделала знак Куасси-Ба.

— Да, я охотно выпил бы что-нибудь. Ведь я так бестолку и долго беседовал с этим типом... Карлоном. Я говорил ему о вас очень приятные вещи, которые я когда-нибудь выскажу вам. Они должны были взволновать его. Любой другой собеседник на его месте широко бы открыл рот от восхищения. Он же противопоставил мне целую стену логических соображений, которая позволяет видеть только внешнее.

Великан-негр Куасси-Ба с поклоном поставил перед ними медный поднос с чашечками дымящегося кофе.

Куасси-Ба — воплощение самой верности — был неизменным слугой всю их жизнь. Он был немым свидетелем тех дней, о которых так хотелось узнать маркизу Вилю д'Эвре. С того времени, когда он — раб — в Тулузе увидел Анжелику в красном с золотом платье, в карете, и до того момента, когда здесь, в Канаде, он склонился перед ней с подносом, его жизнь проходила рядом с жизнью Анжелики. Граф де Пейрак вызвал его из шахт Вапассу, где работал Куасси-Ба, и взял в поход к Квебеку. В этот вечер, чтобы обслуживать госпожу, Куасси-Ба надел свою стеганую ливрею, в которой ему не был страшен холод и которая была украшена голубыми позументами. Вообще его наряд был весьма экзотичен: белые чулки, башмаки с золотыми застежками на очень высоких каблуках, на голове тюрбан из ярко-красного шелка с султаном, который придавал его лицу выражение важности. Уши его были украшены серьгами в виде золотых колец, висящих на цепочке, — подарок, который недавно ему сделал граф

де Пейрак. Виль д'Эвре ревниво рассматривал лицо великана-негра, отмечая собственное благородство и элегантность.

— Он будет иметь успех в Квебеке, ваш негр... Как я раньше не позаботился, чтобы и у меня тоже был мавр!

Он прищелкнул языком. В Квебеке, в этой дыре, совсем отстали от моды. Его «подруга» герцогиня де Понтарвиль, живущая в предместье Сен-Жермен, имеет двух пажей из Судана. Если бы он попросил, она охотно бы уступила ему одного, но теперь уже слишком поздно. Не пошлешь курьера в Европу. Нужно ждать весны.

Мсье де Вовенар поинтересовался:

— Почему, мсье де Пейрак, вы поздней осенью вошли в реку? Время года пока благоприятствует, но еще чуть-чуть и мы рискуем встретить льды.

— Лучше встретиться со льдами, чем с кораблями.

Карлон, услышав это, едко заметил:

— Кажется, вы прекрасно осведомлены о проблемах Новой Франции. В самом деле, в конце октября все корабли возвращаются в Европу. И вы можете встретиться с ними. У Новой Франции нет флота. Именно об этом мы спорили с мсье Кольбером. Но если Квебек не откроет перед вами ворота, сможете ли вы вернуться назад и не угодите ли вы в собственную западню?

— По-моему, вам просто хочется, чтобы Квебек закрыл перед нами ворота? — возмутился Виль д'Эвре. Он никак не хотел, чтобы ему испортили этот вечер. — Вы обязательно увидите, как нас встретят. Встретят музыкой на набережной. Вот так это произойдет. Отведайте лучше это замечательное печенье.

Анжелика боялась только, как бы в этой обстановке не уронить чашку с кофе. Но горячность, с которой маркиз их защищал и предсказывал, что их ожидает в Квебеке успех, ей понравилась.

Кофе не выпачкал ей платье. Маленький медный бокал надежно стоял на фарфоровой подставке. Ее можно было держать тремя пальцами, не обжигаясь. Она пила кофе маленькими глотками.

Путешествие по реке было передышкой. Действительно, они продвигались спокойно, наслаждаясь миром и тишиной, но не стоит забывать, что от острова Антикости они поплыли по французской реке Сен-Лоран, или, как ее здесь называли, Святому Лаврентию, в Канаду. Это произошло, как в том ее сновидении: они двигались по вражеской территории, но вокруг были только друзья.

Однако река становилась пустынной. Иногда серые тучи скрывали берега, кое-где встречались индейские лодки-каноэ или рыбацкие барки. Встречались, разбросанные там и сям, хижины фермеров, отдельные шалаши. Но ни у кого не вызывал любопытства их иностранный флот.

С первых дней октября мыс Гаспе заволакивало дымкой. Потянулись крикливые стаи птиц. На берегах острова стали появляться морские котики, дикие утки. Животным и птицам приходилось лавировать под ветром, чтобы их не захлестнула буря, которая несла соленые морские воды на сто лье в глубь огромной реки. Они продвинулись на север вдоль берегов Акадии еще при нормальной погоде, теперь пейзаж делался более мрачным. Время от времени корабли теряли друг друга из вида. Сквозь густой туман пробивались редкие лучи солнца, и тогда просматривались на горизонте дремучие леса, окрашенные в цвета осени.

К капитанам кораблей: д'Урвиллю, Эриксону, Ванно, Кантору, Бассомпье, явившимся с рапортом на «Голдсборо», — присоединились французские чиновники, собранные Жоффреем де Пейраком на западном берегу Акадии. Среди них был также мсье де Вовенар, сеньор из Акадии, и другие, которые

воспользовались случаем, чтобы покинуть свои отдаленные земли. Они были хорошего, мнения о мсье де Фронтенаке, ставленнике короля Франции, которому должны были подчиняться.

— Вы ее утомили. Посмотрите, что вы наделали, Скучный вы человек! — заметил интенданту маркиз де Виль д'Эвре.

— Я огорчен, мадам, — сказал Карлон.

— Нет, мсье интендант вправе высказывать свои пессимистические замечания, — встала на сторону Карлона Анжелика.

Канадским французам мсье де Пейрак был представлен как союзник англичан, который направляется в Квебек с единственной целью — охранять французские земли от канадцев и акадийцев. Для остальных он был пиратом, таким же грозным и опасным, как Морган. О нем рассказывали столько небылиц, что теперь всех могло успокоить только его собственное объяснение. Отсюда и его дерзкое желание попасть в Квебек, чтобы заставить признать себя.

Присутствие на корабле интенданта, оказавшегося здесь волей случая, еще более испортило ситуацию.

— Я знаю, что вас тревожит, мсье интендант, — сказала Анжелика, — и почему вы все время спорите с мсье Вилем д'Эвре... который не обращает внимания на грустные стороны жизни.

— Этот Карлон ужасно желчен! Он не перестает предсказывать всякие ужасы, которые произойдут, когда мы прибудем в Квебек.

— Мы все боимся... — возразила она.

— Кроме него, я полагаю...

Подбородком Виль д'Эвре указал на графа де Пейрака. Тот, казалось, не обращал внимания на намеки Карлона. Анжелика кивнула головой:

— Его всегда возбуждает встреча с бурями.

Жоффрей продолжал разговаривать с мсье де Вовенаром и геометром Фальером о наступающей зиме. Он поставил на стол пустую кофейную чашечку, и Куасси-Ба протянул ему листья табака, скрученные в трубочку. Граф любил курить именно так. Он зажег трубку от уголька и с явным наслаждением выпустил изо рта несколько голубоватых колец.

«Как в Тулузе», — подумала Анжелика. Вновь в ее памяти возникло видение. Казалось, все повторяется, возрождается, вновь оживает. Она забыла все неудачи, которые теперь казались ничтожными, и задумалась над теми ощущениями, которые, родившись в прошлом, угнетали ее и теперь. Затем она взглянула на Жоффрея. Он казался таким спокойным, таким уверенным в себе, что ей передалось его спокойствие. Это дало ей силы, она поверила в то, что все будет хорошо, что не надо бояться будущего.

Привлеченные вниманием жены, темные глаза графа обратились к ней, и сквозь волнистый туман дыма она перехватила нежный взгляд, пронзивший ее насквозь. Жоффрей сделал ей незаметный знак. Хотел внушить, что ничего страшного не случится? Действительно, чего ей бояться сегодня, когда он с ней рядом? Год назад они оба затерялись в лесах Нового Света. Став мишенью неведомых опасностей, они смело боролись с враждебными канадцами, мстительными ирокезами, зимней стужей, голодом, а теперь у них есть сила, они плывут на хорошо вооруженных кораблях, удобных, загруженных товарами. В Северной Америке у Пейрака масса союзников. Разве это не похоже на чудо? Он умеет все предугадать. Он оставался удачливым дуэлянтом, обладателем волшебной силы.

Сто раз они могли погибнуть в течение года.

Их объявляли разбитыми, видели их мертвыми, уверяли, что они не вернуться никогда. А они со славой движутся на встречу с Квебеком.

Глава 6

Вдруг общий разговор был прерван детским смехом и шумом бегущих ребятишек.

Анжелика увидела свою маленькую дочь Онорину. За ней следовал ее друг Керубино. Оба догоняли кота, который, как бы шутя, подпускал преследователей поближе, а потом прыгал на кучу канатов, оттуда — на спасательную шлюпку. Надеюсь вот-вот настигнуть беглеца, дети возбужденно кричали.

— Ты нас уморишь, — крикнула Онорина коту.

Керубино был круглолицый мальчуган, ростом ниже девочки. Они одного возраста, им было по четыре года. Его несколько деликатное положение — он был незаконнорожденным сыном маркиза де Виля д'Эвре — не смущало мальчишку. Он был сыном Марселины-красотки, знаменитой представительницы пионеров, поселившихся в Французской бухте. Это была цветущая, розовощекая жительница Акадии, добрая, как хлеб, и отважная, как целый королевский полк. Никто не умел так ловко раскрывать устрицы.

Она отпустила Керубино в путешествие только потому, что его взялась опекать Анжелика; ее старшая двадцатилетняя дочь Иоланда тоже приняла участие в путешествии. Керубино являлся последним представителем многочисленного потомства Марселины от разных отцов. Маркиз захотел воспитать его как принца. Это не вскружило голову Марселине. Мальчик побывает этой зимой в Квебеке, а там видно будет.

Следом за детьми вбежала Иоланда, а за нею Адемар и Эббиэл Нильс, сирота-швед, которого подобрал на набережной Нью-Йорка иезуит Луи Поль де Вернон.

Вся компания, включая кота, направлялась в Квебек. Это путешествие значило многое для этих маленьких

существ, чьи судьбы были в руках Анжелики и Жоффрея де Пейрака.

Иоланда первый раз в жизни увидит настоящий город с собором и церквями, замки. До сих пор она видела только торговые посты, деревянные поселки, низкие часовни миссионеров на морском берегу или в диком лесу. Адемар, правда, здесь мог прослыть дезертиром. Что касается Керубино, то Виль д'Эвре, глядя на него, раздумывал, какой же будет реакция на появление мальчика лучших людей города Квебека. Он не хотел представлять сына открыто. И без того хватает скандалов! Он рассчитывал на то, что их сходство постепенно заметят все его сограждане. Теперь же он с нежностью смотрел на своего любимца и в уме составлял прожекты. Придет день, когда Керубино станет пажом королевского двора. Досадно, конечно, что тогда нужно будет возвратиться во Францию.

В общем, для большинства на корабле «жизнь была прекрасна», а путешествие казалось идиллией.

Увидев Анжелику, кот тут же прыгнул к ней на колени, выражая этим свою любовь к хозяйке. Анжелика в начале лета в Голдсборо нашла несчастного беспризорного котенка, и с тех пор они вместе пережили много странных приключений. Увидев животное на коленях матери, Онорина кинулась к нему и ревниво обняла Анжелику за шею. Она искоса посмотрела на кота и огорченно сказала:

— Вы его любите больше, чем меня.

Она обращалась к родителям на «вы», когда хотела подчеркнуть дистанцию между ними или продемонстрировать легкую ссору.

— Ты это серьезно? Мне кажется, что кот больше развлекает тебя. Но он не забывает, что я о нем забочусь, и поэтому выражает мне признательность, совсем как человек.

Она рассказала девочке, как животное кто-то ранил, и ей пришлось лечить и ухаживать за больным котенком, заботиться о нем. И кроме того, кошка необходима на корабле, как и дома.

Онорина слушала мать, бросая взгляды на своего соперника, который, в свою очередь, снисходительно поглядывал на девочку полуприкрытыми глазами. Онорина ласково прижалась к щеке Анжелики, и та нежно прижала ее к себе. Девочка свернулась клубочком. Анжелика смотрела на эту упрямую головку, обрамленную пышными волосами цвета меди, и ласково гладила ее. Ее дочь была прелестна. В ее осанке было что-то царственное: длинная шея, гордая посадка головы. Кожа не розоватая, а как бы золотистого цвета, как и у Анжелики. Ее красиво очерченное овальное лицо немного портили только глаза — небольшие и темные. Их взгляд, бесстрашный и глубокий, не располагал к себе собеседника, когда останавливался на нем с холодной пронизательностью. Но в этой девочке чувствовалась личность.

«Как встретят тебя в Квебеке? Ведь ты француженка, рожденная в сердце Пуату. Твоей восприимчивой была самая настоящая ведьма Мелюзина». Она тряхнула головой, чтобы отогнать нахлынувшие воспоминания. Как будто это происходило не так давно, а сколько воды утекло с тех пор!

— Разве тебе не нравится это пирожное? — спросила Онорина.

Анжелика только теперь заметила, что в руке у нее пирожное, от которого она откусила один кусочек, а затем забыла о нем.

Кот и Онорина, оба ждали своей доли.

На корабле все было спокойно. Ночь опускалась на море своим коричневым крылом. Белели только лица и кружева среди темных силуэтов пассажиров.

Какой-то человек из рулевой рубки тенью проскочил мимо Анжелики, направился к де Пейраку. Послышался его шепот:

— За нами следом идет какой-то корабль.

* * *

В Бэ-де-Шальер был нанят лоцман-лорентиец, которого на берег западной Акадии забросили семейные дела. Теперь он хотел возвратиться в Канаду и по дороге заработать. Он умело вел корабль, отлично знал проливы Святого Лаврентия, течения и проходы между островами. Несколько акадийцев, находившихся на берегу, дали самые лестные отзывы о нем, гарантируя его лояльность. Жоффрей де Пейрак вручил лоцману кругленькую сумму, чтобы оплатить его безукоризненную службу. Эспрю Ганеман — так его звали — вел вверенный, ему флот к Квебеку, избегая возможных препятствий.

Это он сказал вполголоса Пейраку: «За нами следом идет какой-то корабль». Анжелика, услышав это, сразу поднялась, прижимая к себе Онорину и Керубино, как бы защищая их. Видя это, встали и их гости, все взгляды устремились на Пейрака.

Он воспринял известие, не выказав волнения, и продолжал стоять, не вынимая сигары изо рта.

В ночной темноте матросы крепили фонари к релингам. От реки поднимался влажный холод. Нужно было расходиться по каютам.

Пейрак с явным удовольствием выпустил голубые колечки дыма, погасил остаток сигары в серебряной чаше.

— Что случилось? — спросил Виль д'Эвре.

Тогда граф повторил:

— Какой-то корабль следует за нами.

Машинально все головы повернулись к нижнему течению реки.

— Вы хотите сказать, что какой-то корабль движется вверх по реке позади нас? — воскликнул д'Урвилль. Затем, пожав плечами, продолжал: — В такое время... Это невозможно... Это было бы безумием.

— Может быть, это военный корабль, посланный королем на помощь Квебеку, — сделал предположение кто-то.

Пейрак улыбнулся.

— А какая опасность угрожает Квебеку? Кто мог знать, что я намереваюсь отправиться к Квебеку осенью?

— Некоторые мысли движутся быстрее корабля и могут оказать влияние на расстоянии.

Граф покачал головой.

— Я не допускаю мысли о колдовстве. Король Франции правит своим королевством отнюдь не магическими формулами.

«Что бы вы ни говорили, мне кажется, что король устроит так, что достигнет Квебека раньше льдов... и раньше нас», — подумала Анжелика.

— Вы не верите в колдовство, мсье Пейрак?

— Я этого не говорил.

Пейрак опустил голову, стараясь разглядеть, кто сказал о колдовстве. Возможно, это Фальер или другой из акадийских сеньоров, Вовенар или Сен-Обен. Подошел Эриксон:

— Не желаете ли дать мне инструкции, монсеньор? Может быть, следует дать сигнал?

— Нет, сейчас лучше не надо. Мы стоим на якоре, и лучше будет, если мы дождемся зари... Этот неизвестный корабль тоже остановился, чтобы продолжить свой путь на рассвете. Лорентийский лоцман заявил, что корабль, о котором идет речь, делал остановку в полдень на северном берегу около Пуан-ол-Ра.

— Это очень далеко, — вслух подумал Карлон, заворачиваясь потеплее в свое манто, высокий воротник которого доходил до его носа.

— Как же вы смогли это узнать? — удивился Эриксон.

— Я посылал несколько человек на берег после Гаспе. Они убедились в том, что позади нас на западном берегу реки живут люди. Это выяснил курьер-индеец.

— Может быть, речь идет о судне, приплывшем из Акадии, — предположила Анжелика.

— Вероятно, — пожал плечами Вовенар. Он совсем не тревожился. Он направлялся в Квебек к Фронтенаку, чтобы добиться от него освобождения от налога и встретиться с дамой, которую хотел сделать своей женой. Живя в лесной глуши, он был не осведомлен о запутанных интригах между сеньором из Голдсборо и Новой Францией. Он просто воспользовался случаем, чтобы совершить путешествие в столицу.

— А если это какой-нибудь англичанин?

Пейрак отрицательно покачал головой.

— Нет. Я не думаю, что какой-нибудь англичанин из Новой Англии один пришел в эти воды, рискуя оказаться в ледовом плену. Нет, я считаю, что вероятнее всего речь идет о торговом корабле, направляющемся из Гавра или Нанта. Выйдя в море с опозданием, он к тому же задержался из-за неблагоприятных, условий. Он должен был прийти несколько месяцев назад. Вот и все.

Говоря это, граф сделал несколько шагов и оказался рядом с Анжеликой. Она скорее почувствовала его, чем увидела, потому что стало очень темно. Она ощутила запах табака и фиалок, идущий от его одежды, почувствовала, как его рука обняла ее за плечи. Он прижал ее к себе, так же, как она недавно прижимала к себе детей.

— Что вы собираетесь делать? — спросил Карлон.

— Я вам уже сказал. Ждать. Ждать зари, ждать, когда будет виден этот корабль.

— А тогда?

— Тогда... Это зависит только от него. Если он нападет на меня, будем сражаться. А если нет... Что ж... Во всяком случае я произведу досмотр, чтобы узнать, откуда он идет, сколько человек на борту, какую добычу мы можем найти в его трюмах.

— Настоящая речь пирата! — воскликнул интендант, задыхаясь от негодования.

— Я и есть пират, мсье, — ответил де Пейрак с ироническим спокойствием. — По крайней мере, так говорят.

Анжелика угадала, что на его губах играет улыбка.

— А еще я — колдун, — продолжал он. — Колдун, которого сожгли живьем на Гревской площади в Париже семнадцать лет назад.

Наступила гробовая тишина. Затем Виль д'Эвре попытался превратить все в шутку.

— Однако вы очень даже живы, — засмеялся он.

— Будучи колдуном, я сумел выпутаться благополучно. Давайте говорить серьезно, мсье. Король Франции — возблагодарим его — отменил приговор. Граф де Пейрак де Моран, сеньор Тулузы, не был сожжен, зато обязан был исчезнуть навсегда. Но теперь он возвращается.

На этот раз тишина наступила надолго. О корабле забыли.

— А... А король вас амнистировал? — спросил, наконец, интендант.

— И да и нет. Скорее забыл. Это для меня еще одна причина, чтобы появиться в его владениях. Я много побродил по белу свету, подчиняясь его приговору.

Матросы зажгли фонари, и палуба сразу осветилась. Обнаружились застывшие, вытянутые лица. Виль д'Эвре торжествовал: дело становилось деликатным. Будет

интересно. Карлон стал мертвенно бледным. Осиное гнездо, в которое он попал, оказалось более опасным, чем он думал. Старые компаньоны де Пейрака не выражали удивления. Эриксон, д'Урвилль — им интересно было наблюдать это внезапное саморазоблачение. От своего шефа они ожидали все, что угодно, они к этому привыкли. Он никогда не действовал безрассудно. Он всегда заранее обдумывал план, четко определял цель. Те же, кто недавно служил под командой графа, как Бассомпье или Ванно, выказывали абсолютное безразличие. Все они — джентльмены удачи — испытали различные превратности судьбы. Они знали, что тайна, которую открывает граф, принадлежит только ему, а их дело — либо раскрыть ее, если граф этого захочет, либо хранить до самой смерти. В этот вечер шеф флота Голдсборо изволил поговорить. Это его дело.

Анжелика была удивлена и взволнована. Она задрожала, слушая ужасное признание супруга. Она чувствовала, как повисло над ними проклятие короля Франции. Несмотря на расстояние, Жоффрей вдруг воскликнул: «Сир, вот он я. Воскресший сеньор Тулузы, которого вы когда-то осудили, раздавив предусмотрительно его гордость, потому что он угрожал вам...» Разве не безумие подобное заявление?

Интендант Карлон отозвался, как эхо, на ее мысли.

— Несомненно, вы — безумец. Такое признание! Перед нами! Король Франции представляет колоссальную силу, а вы бравируете своей опалой!

— Чем же? Разве я сказал то, чего не знает Его Величество? Разве я отрицаю, что его могли предупредить о моем возвращении этой зимой? Я уверен, что ему были посланы донесения о том, что я направляюсь в Квебек. Его предупредили, что я расположился в Мэне. В течение трех лет, после того как я поселился в Северной Америке, я не скрывал

своего настоящего имени: граф де Пейрак де Моран д'Ирристрию. Я дал ему время вспомнить этого вассала, осужденного и изгнанного им, дал возможность посмотреть на это все другими глазами. Сегодня я тоже представляю определенную силу. Прошли годы. Король на вершине своей славы. Он может снисходительно пересмотреть положение дел!

— Тем не менее! Какая дерзость! — повторил Карлон.

— Я не думаю, что это ему понравится.

— Вы — игрок.

— А вы, мсье интендант, разве чуточку не лицемер? Разве, вы не слышали намеков на мое прошлое? Разве авторитетные граждане Квебека не знают ничего? В донесении, которое направлено мсье де Фронтенаку, об этом сообщается четко. Находясь в Новом Свете, я не скрывал ни моего имени, ни титула, так что можно было легко навести справки в Париже. Я знаю, что отцу д'Оржевалю это поручено.

Интендант пожал плечами, вздохнул:

— Да, бродили какие-то слухи, но я не придавал им значения. Говорили даже, что... ваша супруга — дьявол Акадии. Мне это показалось смешным. Сплетни были спровоцированы тем, что вас судили как колдуна. Это возбудило народное воображение. А теперь я убедился в этом с вашей помощью.

— А вам самому не приходилось читать донесение, господин интендант?

— Нет, мсье! Наш губернатор, мсье де Фронтенак, держит его в большом секрете. Я знаю, что он не сообщил о нем епископу Лавалю. Во всяком случае об этом не знают иезуиты.

— Это чудесно! — воскликнул весело Пейрак. — Я и не ожидал меньшего от «брата из моей страны», и я предсказываю всей кампании успех. Господа, не стоит унывать. Я еду в Квебек, чтобы рассеять нелепые злые

толки. Я не знаю, сколько лет мне осталось прожить на этой земле, но сколько бы их ни осталось, я все-таки дотяну до великого дня, когда в мире со всеми подобными мне и моими земляками мы будем дружно и богато жить на земле, на которой мы пожелали поселиться. Согласны ли вы со мной?

— Конечно! — горячо воскликнул Виль д'Эвре. — Пират вы или колдун, или тот и другой вместе, для меня важно одно, и я утверждаю: вы — самый богатый человек в Америке и нам выгодно сотрудничать с вами. Не так ли, мой дорогой интендант? Совершим еще одно жертвенное возлияние за успех наших начинаний, какими бы они ни были. Это вино чудесно! Для мяса оно сладковато, но к пирожным вполне подходит. Это испанское вино, не правда ли, мой дорогой граф-колдун?

— Действительно. Вандрейк привез мне его из Новой Мексики. Я поручил раздобыть также несколько бочонков французских вин. У меня в трюме есть только два таких бочонка французских вин, которые оказались в Голдсборо, я берегу их для мсье де Фронтенака. Я знаю, что он часто устраивает праздники и жалуется на отсутствие французских вин. Он гурман.

— Все мы гурманы. Это характерно для любого француза. Давайте же выпьем! Ну, Карлон, улыбнитесь, жизнь прекрасна!

Куасси-Ба по кругу наполнил кубки.

Глава 7

Онорина устроилась в своей кроватке между котенком и шкатулкой с драгоценностями. На нижней палубе, где когда-то находились протестанты из Ла-Рошели во время своего переезда в Америку, теперь располагались апартаменты двух детей и Иоланды. Обстановка помещений была поистине королевской. Здесь были мягкие матрасы и подушки, меха. Занавеси, которые поднимались днем, отделяли их на ночь от

места, где расположились «королевские девушки» под присмотром Дельфины дю Розо. Три капеллана, мсье де Вовенар, шевалье де Гранривьер, оба Риколе и мсье Кантон устроились на другом конце. Адемар занял самый темный угол, закинул под батарею жалкий узелок, который возил с собой с момента отъезда из деревни на Кеннсбеке. Он побывал в Порт-Руаяле и Бостоне, где его держали в английской тюрьме. Сейчас он обучал Керубино игре на дудке, той дело поглядывая в тот угол, где Иоланда причесывала свои густые волосы. Днем она покрывала их белым чепцом.

«Девушки короля», стоя на коленях на полу, перебирали четки, шептали молитвы. Они перекрестились, встали и принялись все одновременно готовить на ночь ложе.

Онорина пересмотрела свои драгоценности: ракушки, камешки, засушенные цветы, золотую погремушку. Она получила ее в подарок, когда была грудным ребенком. Тут же было колечко, которое подарил ей Жоффрей, когда они высадились на берегах Америки. Она говорила сама себе: «Я покажу их, когда буду в Квебеке, но только тем, кто мне понравится и кому понравлюсь я.»

Можно подумать, что в результате пессимистических рассуждений Карлона в малышке проснулся здравый смысл, хотя Онорина только делала вид, что ее не интересуют разговоры взрослых. Она подготовила свой план: «Остальных всех я убью». Своим планом она поделилась с матерью.

Анжелика сохранила серьезный вид. Давно уже Онорина не произносила таких категорических заявлений. Французская атмосфера, которая складывалась во время путешествия в Квебек, мало-помалу вызвала в Анжелике воспоминания о ее раннем детстве. Они жили тогда в Ла-Рошели, и она смутно чувствовала, что ее впереди подстерегают опасности.

Тогда, в те далекие времена, Онорина брала палку и кидалась на воображаемого врага: «Я тебя сейчас убью!» Однажды она действительно была готова убить некоего Бомара, католика, который постоянно ссорился с протестантами в их же доме.

Пока Онорина пересматривала свои сокровища, Анжелика гладила пальцем ее круглую щечку. Девочка отодвинулась. Когда она чем-нибудь была занята, проявления нежности раздражали ее.

— А у меня тоже есть шкатулка с драгоценностями, — попыталась привлечь ее внимание Анжелика.

— Правда?

Казалось, Онорина заинтересовалась. Она отложила свою шкатулку в сторону и спряталась под одеялом, пытаясь уснуть.

— А что в ней?

— Я плохо помню... Там было перо, да, гусиное перо, которым один парижский поэт писал песни, а еще там был нож, настоящий египетский кинжал.

— А у меня нет ножа, — сказала Онорина, внезапно открыв глаза. — А мне он нужен. Мсье д'Арребу мне обещал... А где твоя шкатулка?

— Я не знаю.

Веки Онорины затрепетали. Она сделала еще одно усилие, чтобы спросить.

— А... где твой поэт? — и уснула.

Анжелика поцеловала спящих детей — Онорину и Керубино — и приготовилась покинуть нижнюю палубу, когда к ней подошла Иоланда.

— Мадам, не желаете ли вы, чтобы я убирала ваши апартаменты и прислуживала вам? Я буду помогать вам чистить платья. Моя мать советовала, чтобы я вам служила. Вы не пожалеете, если возьмете меня в услужение.

— У тебя и так хватает забот с этими двумя чертенятами.

— Абсолютно нет! Я привыкла и к детям, и к работе. На этом корабле я хлопочу впустую. Вы, наверное, боитесь, что я не знаю всех тонкостей обслуживания благородной дамы. Но я этому быстро выучусь. Может быть, это очень сложно, но мои десять пальцев хорошо меня слушаются. Может, на вид я злая, вредная?

— Кто это сказал? — возразила Анжелика смеясь. Она любила эту славную девушку, неудачно скроенную, но способную быть очень преданной. Недавно она доказала это.

— Я знаю, что ты достойная дочь Марселины. Не так ли, Адемар?

— Безусловно, — подтвердил солдат. — Эта девушка все умеет делать, как и ее мать.

— Кроме устриц, — возразила Иоланда, краснея. — Я не умею открывать их так же быстро, как она.

— Никто никогда не знает полностью своих возможностей.

— Я скучаю по ней, — призналась Иоланда, — но это не страшно. Она никак не могла успокоиться. Ее волновало это путешествие в Квебек, судьба Керубино. Ей будет спокойнее, если я буду служить вам.

Анжелика была тронута тем, что большая Марселина волнуется одинаково за Керубино и за нее.

— Я тоже скучаю по ней. Мы еще увидимся весной, добросовестно поработав в Канаде. Я думаю, Иоланда, лучше, если ты будешь хорошо ухаживать за детьми, чем станешь камеристкой.

— А если вы возьмете одну из моих девушек, — предложила Дельфина дю Розо, — Генриетту, например? У нее утонченный вкус, она служила у благородных дам и проявила свои способности в этой области. Она всю жизнь служила мадам де Бодрикур.

— Нет, нет! — запротестовала Анжелика.

— А не хотите ли вы взять меня? — робко добавила Дельфина. — Я привыкла к подобным обязанностям.

— Нет, нет! — повторила Анжелика.

Одно упоминание имени мадам де Бодрикур бросило ее в дрожь.

— Вы обе очень любезны, но в данный момент я очень хорошо управляюсь сама. Посмотрим, как будет в Квебеке. Иоланда, расстегни застежку на спине, а дальше я все сделаю сама.

Мальтиец Энрике Энци проводил ее с фонарем до каюты.

«У меня тоже есть шкатулка с драгоценностями, — вновь вспомнила Анжелика, в растерянности следуя за Энрике по ночной палубе. — Где же я ее оставила? Или я ее потеряла?»

Она пыталась вспомнить, куда положила шкатулку. Предметы, хранившиеся в ней, были вехами всей ее жизни во французском королевстве и особенно во «Дворе чудес» в Париже. Там было перо поэта — Клода Ле Пти, памфлетиста. Он был одним из ее любовников и кончил жизнь на виселице. Там был кинжал Родогонцыгана и длинный кортик, которым она пронзила насмерть Великого Керза. Она завернулась в манто. Вдруг посыпал мелкий дождь. Скорее всего это был туман. Сквозь него пробивался металлический блеск луны.

Анжелика увидела Жоффрея, и ее сердце заполонила радость. Его силуэт в густом тумане показался ей просто гигантским. Можно было предположить, что он внимательно рассматривает низовья реки. Может быть, он смотрит на корабль, о котором говорили? Предвидит ли он сражение?

— У судна, которое следует за нами, воинственные намерения? — спросила она у Энрике. — Что говорят об этом?

Мальтиец покачал головой.

— Ничего неизвестно. Мсье думает, что это корабль, запоздавший из-за аварии или неблагоприятных

условий. Нужно подождать. Нам не стоит его бояться, он один, и мы сильнее.

— Он сделал жест в сторону кораблей.

— Мсье велел усилить сторожевые посты. Он приказал капитанам бодрствовать и не покидать мостиков до зари. Несколько человек отправились на берег, чтобы провести разведку.

Миновав две лестницы, которые вели на третью палубу, Энрике и Анжелика остановились перед дверью с резными створками. Она закрывала вход в большой салон. Две статуи представляли собой негров, глаза которых были сделаны из белого агата. Они держали позолоченные торшеры, возвышаясь по обе стороны двери. Площадка была освещена лампами из плотного, непроницаемого венецианского хрусталя. Кроме того, горели свечи в дорогих подсвечниках.

— Пусть мадам графиня идет отдыхать и не тревожится, — сказал Энрике, — Не впервые нам встречается чужой корабль. Мы научились драться с чужаками и защищаться.

Анжелика с благодарностью улыбнулась ему.

— Плавание на корабле тебе, надеюсь, больше нравится, чем жизнь в лесной норе в Вапассу?

Мальтиец живо ответил со всей средиземноморской галантностью:

— Где бы я ни был, я рад находиться в компании Рескатора и вашей, мадам графиня.

— Ты делаешь неплохие комплименты, Энрике. Ты скоро удивишь нас в Квебеке с тамошними девушками...

Энрике Энци весело рассмеялся и удалился, довольный.

Анжелика вошла в свои апартаменты и почувствовала, что за ней наблюдают. Она подняла голову и угадала Жоффрея, который склонился с полюта над балюстрадой. Луна, проходя в просвете

между облаками, окружила его голову светлым нимбом, но Анжелика не различала черт его лица.

— Я слышал ваш смех, мадам. С кем это вы так весело разговаривали?

— С Энрике, вашим мальтийцем. Он меня успокаивал.

— А почему вы нуждаетесь в том, чтобы вас успокаивали?

— Этот корабль...

— Это погибающий корабль. Он не интересуется нами. — И добавил, помолчав: — Наоборот, это я им скоро займусь.

Она ничего не ответила, только обернулась к нему и протянула руки. Сегодня он ее напугал, заявив открыто: «Я колдун, которого когда-то сожгли на Гревской площади».

Она предпочитала, чтобы это оставалось тайной. Она боялась сбросить завесу с этой части своей жизни, с того периода времени, когда оставленная всеми, она скиталась по «дну» Парижа. Защитить ее существование смогли только бандиты «Двора чудес». Жоффрей исчез, изгнанный, обесчещенный, мертвый. Воздух на реке Святого Лаврентия, напоенный сыростью и запахом костров, напомнил ей, что король, очень давно осудивший графа де Пейрака, наложил свою руку и на эти дикие края. Они шли на встречу с его всемогуществом. А Жоффрей открыл в этот вечер то, что он в течение многих лет не решался высказывать даже врагу. Разве схватка, которая готовится, не будет решающей?

И снова она услышала дорогой ей голос, немного задыхающийся, но с нежными нотками, теплый, как ласка:

— Вы простудитесь, дорогая. Возвращайтесь и согрейтесь. Я скоро приду к вам.

В заднем салоне «Голдсборо» жаровня, стоящая на искусно сделанном треножнике, распространяла приятное тепло. В глубине — альков. Приподнятые занавеси из парчи открывали мягкое ложе с кружевным бельем, шелка и меховую обивку.

В этой удобной комнате было множество красивых вещей. Толстые стекла приглушили свет наружных сигнальных огней. Их неверные блики скользили по бронзе, золоту, мебели, по дорогим переплетам книг, которые ровными рядами выстроились в шкафу из палисандрового дерева.

Анжелика, попадая в это убежище, всякий раз чувствовала себя в безопасности. Она сбросила мантию на спинку кресла, подошла к алькову и начала раздеваться. Но сразу же оробела. Иоланда и Дельфина были правы. Чтобы пользоваться такими пышными и роскошными туалетами, какие вошли в моду, нужно иметь камеристку. Обладай ты гибкостью змеи, и то с трудом сможешь освободиться от платья, расстегнуть многочисленные булавки и крюпочки. Анжелика села на край кровати и сбросила чулки лионского шелка. Она знала, почему отвергла услуги, которые ей только что предлагали. Однако сейчас ей не помешало бы присутствие камеристки. И они у нее были раньше. У нее была Марго. А позже, когда она стала мадам дю Плесси де Бельер и когда она отправлялась во дворец короля, ей прислуживала Жавотта, которая потом вышла замуж за Давида Шайо. Без ее помощи Анжелика не смогла бы нарядиться так, чтобы затмить своих соперниц из Версаля. В Квебеке не может быть по-иному. Она должна быть в форме. Как жаль, что с нею нет сейчас Эльвиры ил и мадам Жонас! Они никогда не допускали никакой бестактности. Но они принадлежали к религиозным реформистам. Они, так же как и она, служили добычей сильных мира сего, здесь их ждали галеры. Бедные женщины!

Анжелика изловчилась и расстегнула несколько крючков на спине. Она вынула булавки из пластрона, освободилась от лифона, сделанного из слоновой кости, и с облегчением вздохнула. Лучше снова носить корсет. Это привычнее. Она охотно надевала бы платья из кружев. В них можно облачаться без посторонней помощи. Совсем недавно ей помогал одеваться Жоффрей, но она не может без конца просить его об этом, хотя он справляется с этим искусно. Нужно будет найти кого-нибудь. Для этого предстоит переубедить себя. Она боится показать открыто... Анжелика скользнула рукой по своему обнаженному плечу, мягкому и теплomu, поискала пальцами, нащупала: здесь. Немного ниже, на лопатке, — позорное клеймо. Королевский палач когда-то раскаленным железом выжег на ее плече цветок лилии. Это клеймо навсегда. Как жаль. Она никогда не наденет декольтированных нарядов, какие были у нее тогда, в Версале. Она обнажала не только плечи, но и спину до изгиба ниже поясицы. А юбка ниспадала широкими складками. Король с восхищением следил за ней взглядом. Возвращаясь мысленно к своей прежней жизни, она отвлеклась от горькой действительности. Ее окружали сплошные сложности. Хорошо ли все взвесил Жоффрей, предпринимая путешествие в Квебек? Ведь это нечто другое, чем возвращение во Францию, куда путь им закрыт.

В конце их пути Квебек — затерянная жемчужина в сердце американского континента. В ходе своей короткой истории Квебек несколько раз был побежден. А для кого? И для чего?

Квебек не имеет четких границ. Он был здесь, погруженный во тьму американских лесов. Более семи месяцев в году льды закрывали к нему доступ из остального мира. Только в этот момент своих мечтаний Анжелика поняла, что ни за что бы не отказалась от

этого путешествия к Квебеку. Тем хуже. Брошен вызов всем. Пусть население отнесется к ним враждебно, все равно они высадятся на береги проведут зиму в Квебеке. У Анжелики было еще одно непреодолимое желание. «Ничего другого! — сказала она, как ребенок, и тихо добавила: — Провести зиму в настоящем французском городе, теплом и живом». Она будет участвовать в балах и приемах. У нее будут соседи, друзья. Она будет приглашать их на чашку кофе или шоколада. И, конечно же, будут вечера у камина, в доме Виля д'Эвре. Это давно записано в программе. Она будет видеть, как Онорина учится читать. Она сама найдет время, чтобы познакомиться с новыми произведениями, изданными во Франции. Столько лет она была лишена культурного общества! Она побывает в самых замечательных лавках, где продаются безделушки, она заведет приятные знакомства. На замерзшей реке должны быть катки для конькобежцев. В Новый год в соборе она услышит проповедь епископа. Праздники губернатора, карнавал с его деликатными скандалами между масками. Виль д'Эвре обещал ей рассказывать обо всех любовных интригах. Год назад в форте Катарунк, когда они оказались в руках индейцев, Жоффрей сказал:

— Если мы выйдем живыми из этой ловушки, я даю гарантию, что скоро мы окажемся более сильными.

Так и произошло. Они выжили и стали сильнее других. Прошел почти год, и они приобрели много золота и серебра, выстроили посты вдоль рек, в горах вырыли рудники, заключили союз с наиболее достойными племенами индейцев. Наконец, совсем недавно Жоффрей де Пейрак распространил свое влияние на западный берег Акадии.

Но она вновь задрожала всем телом, когда вспомнила, какой путь ими проделан.

Сто раз они могли быть мертвыми от рук канадцев, и от рук индейцев, и от зимней стужи. Форт Катарунк был сожжен, они остались на заброшенном и пустынном клочке земли.

Были и болезни, и землетрясения, и голод. От голода их спас ирокез Уттаке. Из своей далекой земли Пяти Племен он принес им бобы, чтобы спасти от голода. Анжелика вновь ощутила голодное головокружение, вспоминая те дни.

Она прижимала тогда к себе полупрозрачную от голодания, бредящую Онорину. У ребенка распухли десны. К ним приближалась смерть. Нет, она не смогла бы еще раз пережить это. Она призналась себе, что у нее нет больше сил, чтобы влачить жалкое существование среди самых бедных людей в Кеннебеке.

Она не могла больше калечить свои руки, разжигая огонь, ломать ногти, подвешивая котелок на крюк, таскать на спине вязанки дров, чтобы приготовить еду и накормить людей, поддержать их такое хрупкое существование в глубине враждебного леса.

Ей нужно жить, танцевать, возродиться, найти себя вновь. Анжелика, гранд-дама Франции, графиня де Пейрак, возлюбленная короля, известная еще как Дама Серебряного Озера.

Ей нужно развеять тени, собравшиеся вокруг нее. Некоторые тянулись из прошлого. Призраки окружили ее, как густой туман. Некоторые приоткрывали забытые лица. «А... а... где ты? Кем же ты стала?.. Мы не в состоянии забыть тебя...» А другие, почти безымянные, — их можно узнать безошибочно — навевают гнетущую тоску. Казалось, что именно Квебек они выбрали местом своего существования. Этим и объясняются повороты ее мыслей. Временами город тянул ее к себе. Временами появлялось желание отказаться от путешествия. Но разве у нее есть выбор?

Судьба толкает их вперед, сжимая за ними челюсти огромной страны.

После Гаспе, просторная как море река приведет их к городу. В тумане они лавировали под ветром по океанским волнам. Северная осень с неумолимыми морозами, льдами и бурями преграждала им путь назад. Нужно двигаться вперед, вторгаясь в заколдованную тишину пустынных вод, далеких лесных чащ. Когда же окончательно станет казаться, что они затерялись в этом необитаемом районе, они вдруг в этой темной массе обнаружат город. Город из белого камня с серебристыми крышами, с колокольной, город живой, деятельный. Квебек французский. Затерянное чудо, остров, маленький Париж, уголок Версаля, говорливый, элегантный, благочестивый, беспечный, преданный искусству, роскоши и войне. Город, в котором плетутся политические интриги, затеваются и совершаются грандиозные авантюры. Не зря ведь отец Вернон, которому она исповедовалась летом, сказал ей: «И поезжайте в Квебек. Я накладываю на вас такую эпитимью. Поезжайте в Квебек. Имейте смелость встретиться с ним лицом к лицу. Может быть, это принесет счастье американской земле».

Он мертв, убит. В память о нем она обязана исполнить эпитимью. «Идите в Квебек.» И не имеет значения, что плечо ее заклеяно цветком лилии. Жизнь прекрасна. Этой зимой она будет на балу, будет играть в карты и вдыхать воздух ночи. А в солнечные дни станет прогуливаться с Онориной по крепостной стене и осматривать дикие далекие горы на горизонте.

Глава 8

Он вошел, понял, что она спит. Темнота хранила запах женщины, который стал ему очень знаком. При виде женской одежды, разбросанной там и сям, у него появилась улыбка на губах. Куда подевалась суровая, диковатая маленькая гугенотка из Ла-Рошели в

костюме служанки, которую однажды во время плавания в Америку Рескатор привел в свою каюту, надеясь вновь приручить ее. Где та бесстрашная пионерка, которая этой ужасной зимой, проведенной в Кеннебеке, всегда была рядом с ним, деля все невзгоды?

Он поднял кучу кружев, корсаж (шелк еще хранил изгибы женского тела). Сначала она была анонимной служанкой, затем компаньонкой золотоискателя в Новом Свете, и вот, наконец, его Анжелика стала мадам де Пейрак, графиней Тулузы.

— Господь тебя храни! — прошептал он, бросив ревнивый взгляд на альков, где угадывались золотистые волосы.

Она спала. Он подошел к письменному столу красного дерева, взял ночник, зажег его. Тихо приблизился к Анжелике. Стоя у изголовья, начал рассматривать ее. Она спала глубоким, но чутким сном. Недавно Анжелика пережила сильное волнение. Ей необходимо восстановить силы. Обычно сон ее был чутким. Сердце спящей женщины реагирует на каждое движение, шорох, готово откликнуться на плач ребенка или любой случайный шум. Но самое опасное уже позади. Она может сказать себе, что теперь им ничего не угрожает и что ее близкие вне опасности. Она может отдыхать спокойно, а не так, как тогда. Ему редко доводилось созерцать изящество и грацию отдыхающего, свободно раскинувшегося женского тела, красоту спящего лица, и это возбуждало его. Где она теперь? Бродит где-то далеко, недоступная, как никогда... Наверное, она скитается одна по побережью...

В это время любовь его граничила с болью.

Не один раз за этот год он мог бы ее потерять, много раз он находил ее другой. Она была многоликой.

Он никогда не забудет момент, когда она бежала по пляжу, смеясь и плача одновременно, протягивая к нему руки. Никогда он не забудет прикосновения ее лица, когда она бросилась к нему, крепко обняла, шепча бессвязные слова любви, которые долгие годы берегла в своем сердце. Она выкрикивала их ежеминутно, готовая умереть, если ему это необходимо, но только здесь, только никуда не уходя...

Тогда он понял, какое место он занимает в ее душе, какой любовью она любит и любила его всегда. Как выразить, описать это состояние исцеления, обновления?

А время, когда пришлось улаживать эти гадкие аферы Демона, ублажать жителей, готовиться к отъезду...

Они снова остались один на один. Он был заинтригован. Он ощущал, что за ее спокойной улыбкой кроется что-то новое. Она даже во сне контролировала себя.

Но с тех пор, как они уехали с проклятого побережья, как только он поднял паруса, чтобы направиться к Квебеку, ее преобразила эйфория победы. Бьющее через край веселье Анжелики очаровывало окружающих. С приходом на борт корабля французов зазвучали вновь смешные истории, взрывы смеха. Можно было подумать, что это не военная экспедиция, а галантное посольство или пышная свадьба. Тон задавала Анжелика, и весь экипаж, во главе с графом, смотрел веселее, у всех повысилось настроение. Она могла бы заставить их пройти сквозь игольное ушко. Оторвавшись от земли, они путешествовали, уверенные в своих силах, свободные. Небо и море были окрашены в жемчужные тона, а острова в заливе блестели, как драгоценности. Анжелика смеялась. Ее развлекало все, что говорил Виль д'Эвре. Незначительный инцидент порождал

тысячу прожектов. Как будто она забывала про все на свете. А он открывал женщину, какой она была при французском дворе. Светская, дерзкая Анжелика — «не как другие». Она должна очаровать Квебек.

Его охватило желание узнать о ее прошлом, узнать подробности ее жизни без него, понять, что она из себя представляет. До этой минуты он яростно подавлял в себе это желание, не желал знать, до какой степени она ему изменила.

Но вот злые образы прошлого утратили свою ядовитую горечь. Стена рухнула. Что бы там ни было, а главное то, что она рядом, живая, до безумия в него влюбленная, он может соединиться с ней, когда захочет, может взять ее на руки.

Остальное не имеет смысла. Наоборот, он желал бы разделить ее секреты, вместо того чтобы упрекать ее.

Жена!

Жоффрей де Пейрак опустил лампу, чтобы лучше рассмотреть бриллиантовый перстень на ее пальце. Он опустился на колени и поцеловал ее руку. Как крепко она уснула! Он даже забеспокоился. Каждый раз им овладевал подсознательный страх потерять ее. Он поставил светильник на ночной столик рядом с кроватью, вновь подошел к Анжелике. Всмотрелся в лицо, заметил, как вздрагивают веки, трепещут от дыхания губы. Затем он с насмешкой поругал себя. Сколько раз ему приходилось наблюдать агонию смерти, а теперь вдруг вздумалось искать ее приметы на этом прелестном спящем лице! Она отдыхала, восстанавливала свои силы.

«Кто защитит ее, когда меня не будет рядом? Какой мужчина?» — ревниво спросил он себя. Он вообразил, как к этим нежным губам приближаются чужие губы, чтобы испытать желание, и передают этой чувственной женщине силу страсти, которая может оглушить и воскресить. Эта мысль его не сердила. Он согласен, к

счастью, с тем, что есть мужчины, готовые защитить ее, носить на руках и спасти в минуту опасности.

Временами она казалась такой хрупкой. Однако каких врагов она сломала! Мулаи Исмаил, Людовик XIV...

Каким оружием нанесла она удар в сердце жестокому султану? Ненавистному королю?

Он обнаружил, что ему это безразлично или почти безразлично. Он захотел узнать тайны ее сердца и тела. С тех пор, как он снял с пальца этот перстень, он перестал ненавидеть своих невидимых соперников. Может, это ребячество? Стоит выкинуть из головы все эти подозрения, не беречь раны, чтобы их сердца очистились?

Неизвестное прошлое Анжелики, его образы жили под ее сомкнутыми веками. Он ничего не знал. Снова в его памяти звучали обрывки рассказов. После происшествия с Коленом Патюрелем она проявила сдержанность, и он не смог вызвать ее на откровенный разговор. Это тоже было его ошибкой. Он грубо обращался с ней, под маской гнева скрывая боль, делался несправедливо придирчивым.

«Моя любовь!»

Он наклонился к спящей и приник губами к ее полураскрытым губам.

Он сам сердился, когда его будили, но сейчас ему так хотелось, увидеть, как она откроет глаза и узнает его, как он заметит в них отражение собственной радости, что поддастся этому нетерпению.

Какую фразу она скажет ему первой?

Анжелика пошевелилась и прошептала:

— Жоффрей...

— Спи, спи, любовь моя!

Но она открыла глаза, и он увидел так близко счастливое сияние ее изумрудов, еще затуманенных сном.

— Ты улыбалась во сне. Что тебе снилось?

— Я была на пляже, ты нес меня на руках.

— Какой пляж? — сыронизировал он. — Пляжей много...

Она рассмеялась, обняла его за шею, притянула к себе, прижимаясь щекой к его щеке.

— Я спрашиваю тебя... — начал он.

— О чем?

— На каком пляже ты была самая красивая, волнующая, ослепительная? И я не знаю. Я вижу тебя везде: и в ветреную погоду, и под солнцем, и на утесе в Ла-Рошели, и бегущей мне навстречу... И не знаю, как решить. На каком из пляжей ты была самой красивой?

— Неважно! Это меня вовсе не волнует, лишь бы я бежала к тебе!

Она бежала, летела, почти не касаясь ногами земли. Ею овладело единственное желание — дожидаться его, прижаться к его живому телу, если даже он и оттолкнет ее. Он раскрывал объятия и изо всех сил прижимал ее к себе. Они были близки. Мгновения, пережитые в Тидмагоуче, в дыму и грохоте битвы, остались для них светлыми воспоминаниями. Это было какое-то чудо, небесный дар, благословляющий их стойкость среди засад и в западнях. Взглядом, любовными жестами они передавали друг другу это неослабевающее и новое чувство.

Она догадывалась о его доброте, доброте открытой, настоящей, которой не страшны никакие испытания. Ее единственная слабость в том, что она его чересчур любит.

Он сказал ей об этом. Она упрекнула себя за то, что смущалась в его присутствии в первый год, когда они снова нашли друг друга. Ее смущала его сила, власть над остальными и его судьба, которую ничто не могло изменить. На самом деле он был не из тех людей, которых легко понять. Он и не стремился к тому, чтобы быть понятым. Он был силен потому, что мало было

неприятностей, мало было вещей, которые могли бы заставить его страдать.

Странный человек, которого могли бы ненавидеть, так как он был не такой, как другие. Он видел, как исчезают его дворцы, произведения искусства, его добро. Но его огорчали и радовали вещи гораздо драгоценнее этих.

— О чем ты думаешь?

— О тебе.

Наклонившись к ней, он провел пальцами по ее изогнутым золотистым бровям, поцеловал кончики ее пальцев, прикрыл ее обнаженные плечи кружевным покрывалом. Но она сбросила покрывало, села, подняв руки, стащила через голову рубашку.

— Обними меня! Обними меня!

— Безумная, — засмеялся он, — замерзнешь! Холодно!

— Согрей меня!

Обнаженные руки обняли его шею, привлекли его. Она прижалась к нему изо всех своих сил, со всей страстью.

— О, любимый...

И он увидел, как ее красивое лицо ожило, его озарила светлая улыбка счастья, за нею накатила волна отчаяния и боли, которые часто сопровождают радость глубокой любви.

«Мужчина, который меня любит, желает меня. Он нуждается в теплоте моего тела, а мне нужно его тепло. Он меня пугает и успокаивает. Он выскользывает из моих рук, и, однако, я знаю, что он всегда будет здесь, со мной. Он больше никогда не исчезнет. Какое упоение!»

Она страстно прижимала свою золотую голову к его груди, она смеялась, как сумасшедшая, а он прижимал ее, бессильный ответить на это желание женщины, которая обнимала его; не мог удовлетворить этот

любовный голод, который она, не стыдясь, смело открывала ему. Начиная с Акадии, она не боялась показаться равнодушной и жеманной. «Была ли она такой в объятиях своих любовников?» — спрашивал он себя.

«Без сомнения... Может быть». Он видел перед собой мадам дю Плесси де Бельер, королеву Версаля... А кто был еще, в руках каких мужчин она так обворожительно смеялась, как теперь? Колен? Король? Он должен сознаться, что ничего не знает о ней, разве что чуть-чуть... С кем позволяла она такие вольности? С кем практиковала тонкое искусство любви? Научить ему могут только мэтры, каждый приносит свой вкус и фантазию. Какие мужчины держали в своих объятиях эту обворожительную Венеру, которая бесстрашно показывала клеймо, прильнув к его груди? Но она показывала его и другим... Это была ее месть ему. Нужно заставить себя забыть все в лихорадочном наслаждении. Для него она всегда была новой. Благодаря какому-то волшебству, они, будучи вместе, ощущали вкус волнующего начального приобщения к любви.

Она раскинулась на подушках, обнаженная, такая красивая. Волосы рассыпались вокруг ее головы. Она собрала их одной, рукой и обнажила белоснежное плечо, чтобы лучше было ласкать ее груди, которые он любил целовать жадными губами. Его губы спускались вдоль мраморного тела богини, тронутого позолотой.

Она пыталась сбить его с толку и хитро подставляла его поцелуям трепещущее тело. Он отчетливо видел, что она его не боится и воспринимает его как равного партнера в этой любовной игре.

Сегодня он превратился из господина в друга, которого любят и которому дарят только вечер удовольствия. Это придавало их отношениям оттенок легкости и раскованности.

Его забавляла эта игра — ее горячность и его нежелание. Снова они были изнурены, околдованы этим любовным соединением, испытывая непередаваемое удовольствие; все заботы отодвигались на задний план. Оставалось только одно — испытывать наслаждения в объятиях друг друга, благодатную усталость, возрождаться к новой жизни, которая начиналась простой фразой:

— Тебе хорошо?

— Это чудесно!

— Ты больше не боишься меня?

— О нет!

— В таком случае, ты хочешь свести меня с ума и заковать в кандалы своим колдовством?

Покрывая ее всю страстными поцелуями, он вновь повторял, что без ума от нее, что она подарила ему счастье, что никакая другая женщина не трогала его так, как она. Он пошутил, заявив, что теперь ему ясно, почему все мужчины завидуют ему и хотели бы убить его за то, что он владеет ею, единственным сокровищем.

Все им казалось прекрасным, блестящим и упоительным.

— Ах! Если бы мы всегда могли жить на плывущем корабле... вокруг нас море... — вздохнула Анжелика.

— Не бойся ничего. Нас и на суше ждет немало приятного.

— Я не знаю. Я мечтаю об этом, но по мере нашего продвижения вперед мечты эти становятся несбыточными. Временами я начинаю сознавать, что забыла, каковы люди. Раньше я это отлично знала.

— Но ты их плохо знала. Тебе только казалось... Она настаивала на своем.

— Ты видишь себя в прошлом. Но ты не знаешь своих сил сегодня.

— Я сильна только рядом с тобой, — сказала она, прижавшись к нему.

— У нас будет еще время поговорить об этом. Я видел тебя с пистолетом в руке. Сейчас Квебек еще далеко, мы свободно плывем по реке. Мы сделаем остановку в Тадуссаке, отдохнем от плавания. Мы отыщем там старых друзей, познакомимся с новыми. Я думаю, что там будет хорошо.

— Если только нас не встретят там...

— Нет. Это всего-навсего торговый пост, ферма, часовня. Небольшой поселок колонистов и индейцев, которые занимаются торговлей, молятся, кормятся скотоводством. У них нет причин для вражды. Они не знают и развлечений. Мы устроим им праздник и танцы на берегу реки. Что ты на это скажешь?

— Если посмотреть на дело с этой стороны, то мне представляется развлечением победа над Новой Францией.

Они замолчали. Их корабль раскачивался на волнах. Снаружи сквозь туман доносились различные звуки, голоса перекликающихся людей говорили о бдительности сторожевых постов. Обстановка, однако, была мирной. Анжелика закрыла глаза.

Спала ли она?

Она видела, как бросается сквозь пламя к высокому силуэту, привязанному к столбу, пламя льется потоком, его жар опалает и разлучает их. Он — колдун, он проклят и сожжен на Гревской площади.

Видение длится одну секунду, и Анжелика, вскрикнув, пробуждается.

Он лежал рядом с ней, выживший чудом, сильный, беспечный.

Боясь побеспокоить его, Анжелика положила свою руку на, его теплый кулак и почувствовала, как под ее пальцами трепещет жизнь. Виденный только что сон совпал с ощущениями, которые ей пришлось пережить,

когда она прыгнула в пламя басков на острове Монхиган в ночь Святого Иоанна. Железная рука гарпунера Эрнани д'Эстегуарра заставила ее подпрыгнуть и перелететь на другую сторону через горящую вязанку хвороста.

— Вот вы и очистились, мадам, — сказал ей тогда баск. — Дьявол не сможет теперь вредить вам в этом году.

Наклонившись, он поцеловал ее в губы.

Глава 9

К полудню они увидели следовавший за ними корабль. Он вынырнул из зеленоватого тумана, который скопился над рекой, впитав в себя зелень лесов, скрывая горизонт.

Флот де Пейрака, выстроившись полукругом, двигался впереди него. Как и предсказывал граф, это было запоздавшее судно, которому довелось задержаться в море из-за неблагоприятных условий. Триборд дал крен, вода превышала ватерлинию, паруса были изодраны ветром. Когда накатывали высокие волны, корабль исчезал, теряясь в волнах. Судно соблюдало дистанцию, как смертельно раненное животное. Вынужденный скитаться, корабль не решался ни повернуть назад, ни устремиться вперед, где, как ему казалось, этот странный флот приготовил для него ловушку. Приходилось лавировать. Онорина громко выразила то чувство, которое сжимало ее сердечко при виде корабля:

— Бедный! Бедный корабль! — прошептала она взволнованно. — Бедное судно! Как дать ему понять, что мы не желаем ему плохого?

Она находилась на мостике рядом с Жоффреем де Пейраком. Он приказал поднять паруса и приготовить пушку; время от времени он передавал Онорине свою подзорную трубу.

— Ты, конечно, поднимешь флаг? — спросила она возбужденно.

Иногда в обращении с ним, как с равным, Онорина называла его на ты.

— Нет, мадемуазель. Это никчемное суденышко.

Анжелика наблюдала за ними: за своим супругом и своей дочерью. Она находила в них большое сходство. Анжелика не расслышала слов, которыми они обменивались, но она была довольна их очевидным согласием. Привязанность Жоффрея де Пейрака неожиданно подмяла на высоту эту фею с рыжими волосами. Судьба привязала это маленькое существо, обреченное на несчастье, к судьбе необыкновенного человека, окруженного блестящей и мрачной легендой. И это очень нравилось юной Онорине де Пейрак. У Анжелики не было сомнений, что дочь ее будет держать в руках судьбу Канады и этого гордого города, куда они движутся. И это будет справедливо.

Некоторое время спустя Жоффрей и Онорина исчезли из поля зрения Анжелики, а затем она увидела, что они спускаются на полуют. Жоффрей держал ребенка за руку. Находясь на командном посту, он надевал на лицо темную медную маску. Это придавало его силуэту свирепость и подчеркивало хрупкость маленькой фигурки его спутницы, которая шагала рядом с ним в своем пышном наряде.

Анжелика услышала, как Пейрак сказал Онорине:

— Мы пойдем своим курсом до Тадуссака, а тот корабль пусть идет своим путем.

— А в Тадуссаке?

— Там мы познакомимся с ним и проверим, нет ли на его борту каких-нибудь опасных преступников. Проверим его трюмы.

— Вы — пират, мсье! — воскликнула Онорина, имитируя интонации Карлона.

Анжелика не могла удержаться от смеха. Она подумала, что ничто не может победить любовь, которая их объединяет. Ночные часы, которые она провела в объятиях Жоффрея, оставили в ее душе чувство блаженства. Ее сердце переполнялось восторгом при виде дорогих ей людей. Ей уже грезилось их счастливое благоденствие в роскошном ореоле светлого сияния, обещание судьбы, которая их щедро наградит.

Гибнущий корабль, плывущий за ними, находился в последней агонии, он, должно быть, не замедлит попросить пощады. Не потому ли так спокоен Жоффрей, возвращаясь в Новую Францию под своим законным титулом графа Тулузы? Удастся ли ему получить полную амнистию от короля Франции?

Вопреки очевидному, она начинала понимать, что сила Жоффрея сегодня больше, так как он свободен. Его не угнетают теперь законы феодальной системы, как это было когда-то, в бытность его сеньором Аквитании. Что потеряет король Франции, восстановив справедливость в отношении Пейрака? Чем может угрожать Жоффрею этот далекий соперник?

Однако на следующий день ветер изменил свое направление. Изменилось и настроение Анжелики. На нее нахлынули опасения.

Не раз все собирались на мостике, чтобы обсудить маршрут и изменившуюся ситуацию. Они обсуждали положение гибнущего судна. Стоит ли оказывать ему помощь? Кто-то высказал предположение, что он убегал от пиратов. Но разве не лучше было укрыться в бухте Святого Лаврентия и остановиться там? Судно рассматривали в подзорную трубу, и вдруг все услышали плаксивый голос Адемара:

— А что если этот несчастный корабль подобрал на борт герцогиню?

— Какую герцогиню? — воскликнули все, дружно повернув головы в его сторону.

Он не пожелал ответить и несколько раз перекрестился. Все поняли, о ком подумал Адемар, и ужасный страх оледенил их сердца. Адемар был из тех людей, которые обладают даром предчувствия и предвидения.

— Что ты говоришь! Ты сошел с ума! — воскликнула Анжелика. — Герцогиня! Она мертва. Сто раз мертва. Она умерла и погребена.

— Разве можно знать что-нибудь наверняка, имея дело с подобными типами, — прошептал Адемар и снова перекрестился.

Поискали глазами де Пейрака, чтобы узнать его мнение, но его поблизости не оказалось, тогда обратились к Вилю д'Эвре.

— Друзья мои, успокойтесь! Мы все еще находимся во власти тех событий, которые так взволновали нас недавно. Но мы должны все забыть, ВСЕ ЗАБЫТЬ! Послушайте меня. Мы должны прибыть в Квебек, выбросив из воспоминаний все, что произошло в бухте Сен-Лоран. Да, даже вы, Карлон. Вы должны забыть. У нас нет выбора.

Он настаивал на этом серьезно, что не было обычным для него, и доказывал этим, что даже он вовсе не недооценивает того, что скрывается за трагедией, в которую они оказались замешанными. Возможны осложнения с трибуналом инквизиции.

— Даже в праведном государстве тяжба с... Сатаной, — сказал он, озираясь по сторонам, — мы все знаем, какое это деликатное и опасное дело. Я вам это говорю, Карлон: молчание и забвение. Вот лучший способ не столкнуться с любопытными людьми.

— А если «она» вернулась? — продолжал Адемар, крестясь.

— «Она» больше не вернется, — отрезал Виль д'Эвре. — И если ты еще раз позволишь себе подобные намеки, твоя спина познакомится с моей тростью, — добавил маркиз с угрожающим жестом. — А по приезде в Квебек я велю заковать тебя в кандалы или повесить.

Адемар убежал, испуганный угрозой.

— Мсье де Пейрак наилучшим образом уладил эту историю. Не будем больше говорить о ней, — продолжал маркиз, который любил при случае напомнить, что он — губернатор Акадии.

— Хочу добавить к этому, что мы прибудем в Канаду целыми и невредимыми, трудности позади. Это чудо, за которое мы должны благодарить Бога.

И если кто-нибудь опасается, что демонический дух будет нас преследовать, не станем забывать, что сейчас мы находимся на христианской земле. Вот уже более пятидесяти лет потом тяжкого труда и кровью мучеников миссионеры очищали регион от языческой скверны. Канада не Акадия.

Он бросил взгляд на братьев Дефо.

— Я всегда наблюдал за борьбой церкви, мы победили сатанинские силы. Все кончено. Мы нашли прибежище. Давайте успокоимся. Кроме того, на борту нашего корабля есть благочестивые люди Церкви. Они служат ради нашего спасения. Отец Кантон сегодня отслужил мессу. Теперь нам ад не грозит.

— Аминь! — с насмешкой сказал Карлон. — Вы могли бы читать проповеди с кафедры.

— Смеетесь, а ведь именно я сделал большое дело. Прочь восемьдесят дьявольских легионов! — воскликнул Виль д'Эвре, потрясая своей тростью с серебряным наконечником. — Я знаю, о чем говорю. Я вместе с мадам де Пейрак отражал безумные атаки... А вы подоспели только к концу, и не вы вели ее по широкому пляжу Тидмагоуча, когда эта бесноватая испускала ужасные вопли. Я видел, как вы побледили.

Так что последуйте моему совету. Между нами — я вам говорю — между нами все должно остаться. Только так мы можем избежать расследования. Забудьте и улыбнитесь всем. Жизнь прекрасна!

Он увел Анжелику в сторону, положив руку ей на талию.

— Не сходите с ума.

— Но я...

— Я вас знаю. Я слышу, как бьется ваше сердце. Ах! Уязвимый Стрелец!

Он слегка коснулся пальцем ее щеки.

— Люди недооценивают глубокую чувствительность этого огненного знака. В течение всей своей жизни он обречен служить мишенью для ненависти. Его одаренность и порядочность возрастают. Любовь, которую внушает этот огонь, плотская и одновременно возвышенная. Он закалял свои стрелы в спешке, он направил свою стрелу к облаку. Считают, что он неукротим и не имеет слабостей. Но он постоянно мучится от того, что находится одновременно на земле и на небе.

— Вы говорите о моем знаке судьбы? — спросила Анжелика.

— Да! Стрелец.

Виль д'Эвре обратил свой взор к ночному небесному своду, как будто он мог там разглядеть, как мифический кентавр скачет к далеким звездам, скрытым перистыми облаками.

— Он вестник, посланный из материального мира к потустороннему миру. Вот почему одно ваше «я», Анжелика, является жертвой какого-то демонического существа. — Он наклонился к ее уху: — Вы из того пространства, понимаете? Вы его укрываете, можете следовать его фантасмагориям... Но кроме того, вы созданы, чтобы побеждать, вы причастны и к земным существам. Кентавр находится близко от солнца. Он не

поддается страху. Не вспоминайте о прошлом и не беспокойтесь о будущем...

— У меня болит желудок, — сказала она, положив руку на лиф. — Мне достаточно вспомнить ее ужасный крик, и я чувствую себя больной. На этот раз я с вами согласна, я действительно испытываю страх! Я немного суеверна и солгала, когда сказала, что не боюсь ее. Добрые ли, злые ли демоны — все они внушают мне ужас.

— Но вы же умеете их побеждать?

— А вы, маркиз, действительно, знаете науку о звездах?

— Я знаю о них почти все, — скромно признался Виль д'Эвре.

— И вы думаете, что мы с ней не окончательно разделались, с нашей герцогиней? Она все еще живет на земле в разных ипостасях. О ней спросят в Квебеке, будут доискиваться, что с ней стало.

— Молчание, говорю я вам.

— «Девушки короля» проговорятся.

— Нет, они слишком напуганы. Я поручил напомнить им, что они были на службе у висельника Инквизиции и могут оказаться на костре. Бедные красотки, они не проболтаются. Я думаю, что до самого смертного одра они будут отрицать, что видели, как она появилась перед ними.

Анжелика задумалась о ситуации, когда Петронелла Дамурт нашла смерть. Об этом тоже нужно молчать. Одна половина соучастников вынуждена молчать, скрываясь от другой половины, которая обязана молчать уже из других соображений. Все эти корабли так и будут перевозить компанию конспираторов, которые соединены, опутаны одной сетью интриг. Развязать их поможет только случай и душевные силы. Они образуют единый блок. Когда они прибудут в

Квебек, то в складках своих мантии принесут на землю затхлый запах постыдных тайн Акадии.

— Верите ли вы, что она мертва? — спросила тихим голосом Анжелика.

— Она мертва, — убежденно заявил Виль д'Эвре. — И вы должны заверить себя вот в чем. Мертвая или живая, она уже не сможет причинить вам вреда. Раненый Стрелец возвращается на свой путь, высоко подняв лук. А что касается науки о звездах, я познакомлю вас в Квебеке с монахом, который очень образован в этом деле. Он вам скажет нечто удивительное о вашей судьбе и судьбе мсье де Пейрака. Вот увидите!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. В ТАДУССАКЕ

Глава 10

— Матросы, построиться!

Оглушительный голос Эриксона из рупора взлетел над заливом, передавая команды на все корабли.

— Матросы, смирно!

Затем он продолжил скучный перечень приказов.

— Вытянуть гордень нижних парусов!

— Отдать шкоты большого паруса!

После тишины первых мгновений последовал топот босых ног. Люди заработали.

— Убрать паруса!

Утро пастельными тонами осветило линию кораблей. На каждом из них голос капитана повторял команды, и словно эхо им вторили крики чаек и бакланов. Сумрачный утренний свет соединял небо с водой.

— Матросы на реях, наверх!

С ловкостью обезьян люди карабкались на ванты.

— Взять линек реи! Поместить его за парусами!

Анжелика и де Пейрак находились на носу корабля. Здесь собрались все пассажиры. Широко раскрыв глаза, он и с восторгом и нетерпением смотрели на берег.

Перед ними открывалась панорама: берег был застроен деревянными домиками, около них большие фермы из серого камня, среди фруктовых садов на косогоре — полосы обработанной земли, отсвечивающие слоем льда.

В центре, на середине косогора, небольшая церковь подняла в небо острую, мастерски украшенную колокольню. Ее свинцовая крыша с резьбой мерцала в рассеянном утреннем свете.

Слева, на высокой площадке отрога, помещалась маленькая крепость с четырьмя башнями на углах. На главной башне развевалось белое знамя стремя лилиями.

— Тадуссак! Франция!

Звон якорных цепей нарушил спокойствие залива. Всплеск волн, ударившись о розовый гранит берега, утонул в реке Сугеней, которая впадала здесь в воды Святого Лаврентия. Вновь наступила тишина, слышались только крики морских птиц. Из легкого тумана, окутавшего весь пейзаж, стали проявляться цвета, неясные и в то же время живые. Вязы и клены между домами поселка виднелись то там, то здесь бордовыми и оранжевыми пятнами. Дым, поднимаясь из труб, прочерчивал белой сеткой небо, словно нарисованный рукой художника.

Пышный цветок из голубого дыма окружал палисад индейского лагеря, расположившегося на полпути между фортом и сосновым лесом.

— На первый взгляд все спокойно, — сказал де Пейрак, глядя в подзорную трубу. — Жители на берегу не кажутся воинственными. Со стороны форта тоже никакого движения.

— Если им не прислали подкрепление из Квебека, то у них всего четыре солдата, — сказал Карлон.

— Спасибо, что вы меня предупредили, мсье интендант.

Граф де Пейрак сложил свою подзорную трубу и повернулся к интенданту Новой Франции и губернатору Акадии.

— Что ж, господа, нам остается только сойти на землю.

Ваше присутствие рядом со мной укрепит уверенность местных жителей в моих миролюбивых намерениях.

— А! Наконец вы раскрыли свои карты, — сказал Карлон, — и выставляете вперед своих заложников.

— Разве на таком основании взошли вы на мой корабль?

Вспомните! У вас не было выбора. Иначе вам пришлось бы коротать зиму в каком-нибудь затерянном уголке на ривьере Сен-Жан под угрозой англичан или попав к дикарям западного берега. А может, вы предпочитаете перебраться на корабль, идущий у нас в кильватере и каждую минуту готовый пойти ко дну?

Все посмотрели назад. Туман закрывал горизонт, и ничего нельзя было различить.

— Мы займемся им позже, — добавил де Пейрак. — Сначала Тадуссак.

Виль д'Эвре сделал условный знак Анжелике и ее обычному окружению.

— Я за вами приду, — бросил он тихо, как бы в сторону.

— Нужно уладить два-три вопроса.

— Я хочу видеть ребенка Иисуса из Тадуссака, — сказала Онорина.

— Ты его увидишь. Я тебе обещаю.

С корабля заметили, как от берега удаляется шлюпка в сопровождении двух больших каноэ с вооруженными людьми.

Но кроме этих мер предосторожности, ничто не говорило об агрессии.

Несмотря на это, каждый был настороже. Туман рассеивался.

— Колокол! — заметила одна из «девушек короля».
— Он призывает к мессе...

— Нет, набат.

— Здесь нет большой разницы. Ясно, что это французская деревня...

— Только бы...

— Увижу ли я ребенка Иисуса из Тадуссака? — умолял голос Онорины.

— Да, ты его увидишь.

Все оставалось спокойным. Мало-помалу напряжение спало. Анжелике стал понятен тон, который граф де Пейрак задавал этой экспедиции. Это визит принца к принцу, губернатора к губернатору. Тадуссак — это только промежуточная точка. Французские крестьяне Канады не будут относиться враждебно к французам, которые делают жест дружбы. Пейрак и его команда всегда поддерживали хорошие отношения с лесными жителями Канады, которые находили помощь и убежище на их постах. Он не хотел отвечать насилием на провокации.

Анжелика поняла, откуда исходили опасения, которые время от времени сжимали ее сердце.

«Я боюсь не народа, а власти. Народ дружелюбен. Его не заставишь раболепствовать. Его могут только сдерживать. А здесь, в Канаде, любой человек — дровосек, жнец — старается сделать добро земле. Человек из народа свободен».

Де Пейрак поцеловал ей руку.

— Идите туда, моя дорогая, идите! Ступите своими прелестными ножками на французскую землю. И желаю успеха!

Анжелика посмотрела на берег. Начинается настоящее приключение.

Когда ялик стал приближаться к берегу, Анжелика спросила себя, не следовало ли ей одеться поэлегантнее. Сегодня утром она одевалась второпях, так как ей не терпелось увидеть, как выглядит Тадуссак. Она надела юбку из ткани с рисунком, кофту, обшитую беличьим мехом, темную шерстяную накидку с широким капюшоном. Волосы, скрепленные шиньоном на затылке, она покрыла черной сатиновой косынкой. Это был слишком строгий наряд. Но она и так потеряла чересчур много времени, чтобы еще переодеться.

В шлюпке поместились, кроме Анжелики и детей, девицы, Иоланда и Адемар, два испанских солдата — Луи и Карло. Матросы и гребцы шлюпки сунули за пояс пистолеты французского производства. Экипаж Пейрака всегда был хорошо вооружен.

Отец Бор и мсье Кантон уже ждали на берегу. Их окружала толпа любопытных и индейцев. Сошедший на берег раньше, мсье Виль д'Эвре, находящийся выше, около церкви, потрясал своей тростью.

— Поспешите! Отец Дефарель сейчас покажет нам сокровищницу.

Недалеко от него виднелся силуэт местного иезуита в черной сутане.

Туман рассеялся. Яркое солнышко пригревало. Из поселка было все видно. Из окон жители могли различить, кто высаживается. Солдаты форта непрерывно дымили своими трубками или рыли землю лопатами. Каждый знал здесь, кто приходит к соседу и когда уходит от него.

Анжелика взглянула на Виля д'Эвре и в то же мгновение почувствовала, что именно она была в центре внимания всего населения. Стало ясно, что люди побросали все свои дела и в доме, и в поле, и рыбалку, и торговлю и не намерены пропустить ни секунды из того, что происходит в порту. Уже подсчитаны все матросы и шлюпки.

— Вы видели, какие пистолеты у этих мужчин?

— А до чего смешной вид у этих людей в касках и черных латах!..

— Говорят, это испанцы...

— А сколько лет этим девицам? Откуда же они прибыли?

Дети... Такие маленькие, но выглядят здоровенькими, несмотря на утомительное путешествие.

— А она, эта женщина, эта дама, которая только что ступила на землю и теперь поднимается к часовне, держа за руки детей. Как она красива! Это видно даже издали. Она! Та, которую ждали в Канаде.

Тропа служила как бы улочкой в этом поселке. Анжелика оказалась на площади перед церковью быстрее, чем думала. Отсюда река казалась молочного цвета. Туман передвинулся на другой берег. Оказавшись перед иезуитом, который с Вилем д'Эвре ждал ее, Анжелика подошла к нему без колебаний.

— Отец мой, как приятно после утомительного путешествия по диким местам вновь слышать звон церковного колокола и знать, что нас ждут. — Указав рукой в сторону входа в часовню, она продолжала: — Прежде чем осмотреть эти бесценные сокровища, позвольте мне и этим девушкам преклонить колени перед тем, кто нам всем так необходим. Благодаря вам и вашим помощникам мы имеем возможность помолиться в самом дальнем уголке мира. Благословите нас!

Отец Дефарель любезно осенил их головы крестом. Анжелике показалось, что в глубине его серых глаз промелькнул насмешливый огонек. Но это свойственно всем иезуитам, которые в течение пятнадцати лет пользуются инструкциями Учения Святого Игнатия. Такие искорки юмора Анжелика наблюдала у своего брата Раймонд, у отца Луи Поля де Вернона, который в

одежде английского матроса спас ее, когда она тонула, или у отца Массера в Вапассу, когда тот варил пиво, засучив рукава. Эти важные персоны католической церкви — иезуиты — не внушали ей чрезмерного почтения.

Однако она не протянула руку отцу Дефарелю, так как знала, что священнослужители избегают пожимать руку женщине. Следуя за иезуитом, они вошли в церквушку, построенную в виде корабля, затененную, пропитавшуюся запахом ладана. Здесь теплилась масляная лампа в стакане красного стекла, которая освещала тело и кровь Христову. Обстановка навевала воспоминания. Анжелика почувствовала неожиданное волнение. Сколько же лет она не была в храме? А ведь большую часть своей девической жизни ей пришлось провести в молитвах! Заутрени на рассвете, вечерни, благословения, ежедневные молитвы, великие праздники, гимны, причащения — все это было так близко ей когда-то.

Она встала на колени перед дарохранительницей и закрыла лицо руками. «Дорогая Франция!» — сказала она очень тихо. На глазах заблестели слезы. Ее охватили чувства сожаления и любви, долго сдерживаемые, осмеянные, в которых она боялась признаться даже самой себе. Но они жили в глубине ее души: любовь к стране, где она родилась, и привязанность к вере, в которой она получила крещение. Так она простояла долго, задумчиво и сосредоточенно.

«Бог мой! — молила она в слепом порыве. — Бог мой! Ведь вы знаете меня! Вы знаете, кто я!»

— Bravo! — шепнул ей Виль д'Эвре, когда она направилась к группе, оставшейся у ризницы. — Это так волнующе. Я не думал о вас ни как о политике, ни как о набожной женщине.

Вы восхитительная актриса.

— Но я по натуре не политик и не актриса, — возразила Анжелика.

— Тогда это хуже и опаснее. Я начинаю думать, что присутствую при ужасных событиях в Канаде.

Ребенок Иисус из Тадуссака был восковой фигуркой, подаренной иезуитским миссионерам королем Людовиком XIV. Анна Австрийская, королева-мать, расшила его одежды из серого сатина серебром и украсила перламутровыми жемчужинами. Онорина протянула к нему руки, приветствуя, как куклу. Риза, мантии, требники, два потира — серебряный и золотой, — чаши с крестообразной крышкой, рубиновые оправы, дароносицы из позолоченного серебра составляли это сокровище, ценность и красота которого никак не сочетались с бедностью окружения. Это подчеркивало набожность, которую хранила история канадского населения. Все для служителей Бога. Чистое золото храма вступало в противоречие с суровой бедностью народа.

Когда они вышли из церкви, весь Тадуссак собрался на площади, включая индейцев из трех становищ. Это было просто трогательно.

Перед плотной толпой людей, окаменевших с застывшими лицами, Анжелика стала жалеть о том, что так небрежно отнеслась к своему туалету. Она не знала, чего хотят от нее эти люди. Может быть, они разочарованы, она не оправдала их ожиданий? Она различала их спокойные круглые лица: женские под белыми чепцами, мужские — под красными колпаками. Конечно же, в первых рядах стояли индейцы с их голыми и грязными ребятишками, которые путались под ногами, задирали маленьких босоногих крестьянских детей. Матери догоняли своих детей, награждали их подзатыльниками и вновь застывали, как изваяния.

Анжелика приветствовала сход наклоном головы, но ответа не последовало. Люди разглядывали ее.

Здесь были жители лесов: дровосеки, обутые в мокасины, пахари в сабо или в толстых башмаках с застежкой. Женщины в чепцах, на их плечи были наброшены огромные шали, иные завернули свои плечи в накидки на индейский манер. Сжатые губы или с трубочками в зубах... Ее рассматривали. Это могло бы длиться до вечера. Анжелика с тревогой осмотрелась. Она заметила, что иезуит и маркиз де Виль д'Эвре растерянно переговариваются. Было ясно, что они не в состоянии повлиять на ситуацию. А еще Анжелика увидела старика. Он сидел на каменной скамье справа от церковных ворот. Несмотря на свой почтенный возраст, старик казался живым и бодрым. Его колпак из красной шерсти выгорел, стал розовым. Он был украшен медалями и перьями. Убор этот как нельзя лучше шел к его коричневому лицу, сморщенному, как плод мушмулы. Анжелика сделала перед ним малый реверанс и любезно сказала громким голосом:

— Я уверена, что вы старшина Тадуссака. Никто, кроме вас, не может представить меня этим славным людям, которые так любезно пришли приветствовать нас и которым я хотела выразить благодарность за их прием.

Не дожидаясь ответа, она остановилась перед ним, добавив:

— Меня зовут графиня де Пейрак, я только что сошла с корабля, который вы видите в порту.

Ее слов никто не понял, но дело сдвинулось с мертвой точки. Анжелика не чувствовала враждебного отношения со стороны канадцев. Они на нее смотрели, и все. Она решила, что с ее помощью они должны скорее составить мнение. В прежние времена крестьяне Пуату, которых она подняла на битву, требовали бы мудрости и осторожности, окажись они в подобных обстоятельствах. Населению Тадуссака объявили, что

она — женщина, которая... Нужно же увидеть своими глазами.

Старик ничего не ответил, но показал, что он не глухой и не дебил. Он подвинулся, чтобы она села рядом с ним. Подобие улыбки осветило его лицо, когда он взглянул на Онорину и Керубино.

Маркиз де Виль д'Эвре чувствовал себя как в театре. Он любил моменты, когда можно было находиться в центре действия. Тогда ему передавалось напряжение окружающих, он легко входил в роль и увлекался игрой. Он воспользовался несколькими мгновениями тишины, чтобы подогреть любопытство присутствующих, подмигнул иезуиту, который сделал вид, что не интересуется происходящим, потом заявил:

— Моя дорогая Анжелика! Вы не могли бы выбрать лучшего посредника, чем этот благородный старик. Это Кариллон.

Он поселился здесь в очень давние времена вместе с нашим храбрым Шампленом. Знаете, именно сто наш первооткрыватель этих земель вызволил из плена, выменяв на одного из алгонкинов, и отвез на показ королю. Не меньше семнадцати лет наш друг привыкал к местным условиям, живя среди дик их племен. Он разговаривает на нескольких диалектах и живет по обычаям этих племен.

— Мсье, я почту за честь познакомиться с вами, — обратилась к старику Анжелика.

Когда Виль д'Эвре представлял Анжелику старику, тот сделал вид, что не слышит его. Он окинул взглядом окружающих. Вытянул скрюченный палец и сделал кому-то знак выйти из рядов. В толпе образовался водоворот, особенно всполошились крестьянки и, потолкавшись, выпустили красивую девушку. Она в нерешительности выступила вперед и остановилась с видом загнанного зверька. Старик продолжал делать ей

повелительные знаки, требуя, чтобы она подошла к нему. Его указательный палец был очень красноречив.

Несмотря на это, девушка заупрямилась и осталась на прежнем месте.

— Но это же Мариэтта! — радостно воскликнул Виль д'Эвре, раскрывая объятия. — Как она прелестна и как выросла!

Это правда, что в прошлом году Мариэтта вышла замуж?

Женский угол возмутился, и некоторые лица омрачились. Виль д'Эвре поспешил к ним и вызвался быть арбитром в этом конфликте. Он всегда успешно добивался доверия женщин, и очень скоро две крупные женщины в больших шалях все охотно ему поведали.

Он вернулся к Анжелике.

— Вот что произошло. Эта девчонка — правнучка Кариллона, — объяснил он, наклонившись к ее уху. — У нее были неприятности с ее грудным ребенком. Старик вбил себе в голову, что вы могли бы ей помочь. О вас многое рассказывают.

Слухи о вашей репутации врачевателя дошли и до этих мест.

Это обсуждалось, когда они узнали о вашем путешествии в Квебек. Но она упряма, как ослица.

— Значит, она не хочет...

— Эти деревенские девицы придурковаты и суеверны.

— Нет, она боится, не наслал ли кто-нибудь порчу на ее ребенка, — сказала Анжелика. — Мне кажется, что старый Кариллон не верит всяким рассказням. Он мог бы стать нашим союзником.

Он, а повернулась к старику, который оживился и испепелял взглядом женщин.

— Мсье Кариллон, я намерена оказать помощь, кому вы пожелаете. Но не верьте, что я обладаю магической силой. Возможно, вы более искусны в лечении больных.

Вы знаете лекарственные травы, которые в изобилии растут в ваших лесах, вы посещаете часто индейцев и знакомы с их методами лечения. И все-таки я прикажу принести мне мой сундучок с лекарствами. Когда мы лучше узнаем друг друга, я, возможно, сумею убедить молодую женщину, чтобы она показала мне своего ребенка.

Старик казался взбешенным. Неизвестно, что вызвало в нем такое неистовство: слова Анжелики или неповиновение правнучки. Последняя, несмотря на гнев прадеда, и бровью не повела. Она была представительницей поколения, выросшего на краю леса, откуда в любое мгновение мог появиться ирокез с томагавком. Молодежь с таким складом характера не спешит подчиняться старикам. Ушла в прошлое старушка-Европа. Теперь не покоряются предкам. Навсегда кончились эти глупости!

Старик так разволновался, что его мог хватить удар. Он выплюнул целую струю коричневой от табака слюны на такое расстояние, которое говорило о неистовой злобе, клокотавшей в нем. Наконец он выдал целую серию знаков, в результате которых прибежал босоногий мальчишка с растрепанными волосами и принес старику индейскую курительную трубку из красного камня мешочек с табаком и тлеющий уголек. Кариллон закурил свою трубку и успокоился.

Однако этот инцидент нарушил неподвижность и безмолвие толпы. Все пришли в движение. Люди пререкались друге другом, яростно толкались, передавали из рук в руки какой-то мушкет, грубо хватая его. Дело принимало опасный оборот. Анжелика посмотрела в сторону испанских солдат, которым было приказано охранить ее. Они оставались безучастными. Они умели противостоять любого рода толпе. Им доводилось вступать в конфликты с индейцами Амазонки, с ирокезами, с басками — рыбаками и

жителями Сен-Мало. Казалось, что на службе у графа де Пейрака они обрели чувство, предупреждающее их о том серьезном моменте, когда нужно зажигать фитиль. Оружие, о котором спорили канадцы, в конце концов оказалось в руках огромного дикаря, желтокожего, как цитрус. У Анжелики было такое ощущение, что она его где-то уже встречала. Внезапно все засмеялись. И бравые парни обернулись к Анжелике, как дети, приготовившиеся разыграть комедию.

Анжелика ответила им улыбкой. Это ей напомнило детство. Она — на площади в своей деревне — сидит под вязом рядом с родителями — бароном и баронессой де Сансе, всегда сдержанными и снисходительными зрителями крестьянских комедий. Перед ними обычно усаживались старики. Вспомнив это, она прижала к себе Керубино и Онорину, как это делала когда-то с ней самой ее мать.

Теперь спор велся на местном диалекте, близком диалекту ирокезов. Анжелика понимала только отдельные слова, остальное ей было непонятно. Иезуит коротко объяснил, о чем идет речь, маркизу, лицо которого просветлело.

— Ах, вот как! Теперь слушайте, мадам. Они хотели бы знать, правду ли говорят, будто вы не знаете равных себе в стрельбе. Этот дикарь утверждает, что год назад был ранен вами, но не сказал, где ото произошло.

— Анастаха! — воскликнула Анжелика. — Это Анастаха, предводитель отряда гуронов, я вспомнила. Дело происходило у брода Сакоо, около Катарунка.

Видя, что его узнали, гурон воодушевился. Анжелика поблагодарила в душе небо за то, что ей дана такая отличная память: она запоминала даже индейские имена.

Индеец и его друзья разразились смехом, и лед был сломан. Они стали пританцовывать, ребятишки ходили на головах, а канадцы хлопали в ладоши.

«Но это не я его ранила», — хотела сказать Анжелика, но так как всем это, вероятно, нравилось, не исключая пострадавшего, она не стала настаивать.

Осмелев, Анастаха подошел к Анжелике и положил мушкет ей на колени.

— Чего он хочет?

— Чтобы вы выстрелили, черт возьми! Чтобы вы продемонстрировали перед ними свое умение. Слухи об этом дошли и до них;

Анжелика раздумывала. Конечно, она охотно удовлетворила бы их любопытство. Она могла бы доставить удовольствие этим простым симпатичным людям, развлечь их. Ведь их жизнь была лишена развлечений. Они потом могли бы рассказать о ней в доброй компании. Но не таится ли ловушка за этим предложением? Не хотят ли они установить, что ее искусство стрельбы — результат колдовства?

— Черт с ним! — решила она. — Будь что будет!

Она спросила, кому принадлежит оружие. Из рядов появился молодой человек в кожаном жилете с бахромой и, переваливаясь с ноги на ногу, подошел к ней. Он был похож на тех лобиньеров, которых она встретила в форте Катарунк.

Поколебавшись, он снял свой шерстяной колпак и очень быстро надел снова. Однако он не был оскальпирован, как старик Макколе. Наоборот, у него была прекрасная шевелюра. Канадская красная шапка, его «тук», казалась частью его самого. Он должен был снимать ее только в случае крайней необходимости — в церкви, перед губернатором или перед королем, если тому вдруг вздумается прогуляться в Канаду. К вышеперечисленным случаям он сегодня добавил еще один. Он снял шляпу перед дамой, которая бесстрашно и одновременно дружески смотрела на него с улыбкой на губах.

— Как ваше имя, мсье? — любезно спросила Анжелика.

— Мартен дю Лугр, Острый Глаз, к вашим услугам, мадам.

— Что ж, мсье Лугр, у вас отличное голландское оружие.

Мысленно она добавила: «Вы получили его в обмен на меха на посту, пограничном с Новой Англией или д'Оранжем». Чтобы не вводить его в краску, она сделала паузу и ненавязчиво продолжала:

— Это оружие не французского производства, как наше. Но нет сомнения, вы легко можете доставать здесь такое оружие. Что за важность... Я предлагаю вам выбрать оружие. Вы можете взять ваше ружье и будете стрелять первым. Ведь недаром же вас зовут Острым Глазом, вы ведь меткий стрелок. Наверняка я не смогу удивить любопытных, стреляя после вас. Я первый раз в жизни беру в руки такое оружие, и самое большее, на что я могу рассчитывать, это быть равной вам.

Сказав это, Анжелика протянула охотнику ружье.

Он ухмыльнулся, покачав головой. Это не входило в программу, но он не мог отказаться. Присутствующие стали переглядываться, и Анжелика порадовалась тому, что избрала именно такую тактику. Соревнуясь с опытным стрелком, она продемонстрирует им свое умение обращаться с оружием. Но это будет не демонстрацией магических сил.

Парень установил мишень. Избранная им дистанция удовлетворяла и Анжелику. Она могла бы с честью выйти из этого положения. Анжелика наблюдала, как охотник заряжает и готовит свое ружье.

Кружок ротозеев разомкнулся и освободил им место. Ее спокойствие, ее городская одежда сняли агрессивное настроение, с которым местные жители затевали это мероприятие.

Следуя знакам костлявых длинных пальцев Кариллона, Острый Глаз заявил, что он согласен выстрелить первым. Сначала он поразит центр натянутой шкуры, а затем выбьет перо из окружности. Он выстрелил. Дыра на мишени оказалась не в самом центре, но очень близко. Это можно было считать хорошим спортивным достижением. Перезарядив ружье и тщательно прицелясь, он задел перо, как и было объявлено.

Анжелика попросила его присутствовать при том, как она будет заряжать мушкет. Она чувствовала, что молодой охотник с любопытством наблюдает за ней. Ведь ему никогда раньше не доводилось видеть, как светская дама своими изящными ручками заряжает тяжелое оружие. Видя, с какой ловкостью она чистила ствол, засыпала порох, он только покачал головой. Анжелика спросила, какова точность прицела, но он видел, что она сама это знает не хуже него.

Зрители замерши. Наступила тишина: можно было слышать, как пролетит муха. Каждый стал глухим ко всему, что не относилось к увлекательному спектаклю, на котором он присутствовал. Даже индейские ребятишки тихо замерли. С волнением собравшиеся наблюдали, как ловко Анжелика подняла тяжелое оружие и приложила его к плечу. Следили за каждым ее движением. Движения были спокойные, но быстрые. Не признаваясь себе э этом, многие любовались грацией, с какой Анжелика наклонила голову к прицелу.

— Можно было сказать, что мушкет стал ее соучастником. Она говорила ему очень тихо: «Поработаем вместе, добьемся нашей цели!»

Виль д'Эвре торжествовал.

— Она очаровательна, не так ли! — шепнул он отцу Дефарелю, который остался холоден.

Анжелика опустила оружие и спросила старика Кариллона, что он предпочитает: чтобы она попала в центр мишени или в отверстие от пули Острого Глаза. Тот, приснув со смеху, показал свой беззубый рот и подтвердил жестом, что второе — поразить знак Острого Глаза — будет высшей ловкостью. Анжелика вновь вскинула на плечо мушкет, прицелилась, рассчитала траекторию и выстрелила. Человек двадцать устремились к мишени. Послышались восклицания: «Вот это здорово! Не зря говорили, что эта женщина необыкновенная. Может быть, это все-таки магия?»

Наконец Анжелика почувствовала, что ее публика подогрета. Они увидели, что в мишени только одна дырочка, но она стала чуть-чуть больше, чем от выстрела Острого Глаза. Значит, вторая пуля прошла сквозь нее. Впрочем, мушкет в ее руках еще дымился. Анжелика перезарядила его в присутствии своего соперника, вскинула на плечо, прицелилась. Она сбила перо и небрежно протянула оружие молодому охотнику.

— Вот, — сказала она, обратившись к собравшимся, — я выстрелила. Вы убедились, что Анастаха вас не обманул, расхваливая мое умение меткого стрелка. Я умею стрелять не хуже, чем мсье дю Лугр, но я не колдунья, как говорили.

Ее чистосердечие покорило публику. Послышался смех, поднялся шум. Комментировали результат спортивного соревнования, хлопали друг друга по спине. Анжелика увидела какого-то человека в жилете и костюме из сукна. Скорее всего, это буржуа. Он передавал старые монеты в руки охотника. Можно было предположить, что они заключили пари еще до прибытия Анжелики в Тадуссак.

Вдруг они услышали крики на французском языке:
— Мы идем! Держитесь! Не робейте!

Подобные призывы раздавались и со стороны форта. Кричали солдаты гарнизона. Наспех надев свои голубые мундиры, они бросились к церкви с оружием наперевес. С пляжа бежали матросы с «Голдсборо» с Жаном ле Куеннеком. Все были вооружены. Шлюпка оцетинилась стволами ружей. Эриксон вел ее к берегу и первым спрыгнул на песок.

В результате суматохи народ на площади пришел в состояние шока.

— Что случилось? — Анжелика кинулась с вопросом к Жану, который, еле переводя дыхание, нерешительно остановился, увидев, что Анжелика мирно сидит возле старика.

— Что происходит? — повторили канадцы, приходя в себя.

— Это вас надо спросить, — проворчал один из солдат форта. Оба солдата растерянно посмотрели друг на друга и повернулись к толпе, ожидая объяснения.

— Почему стреляли? Мы решили, мадам, что вы в окружении врагов, — сказал Жан.

— Мы тоже услышали выстрелы, — отозвался королевский сержант.

Явился Эриксон. Мсье де Пейрак остался на корабле, а Эриксона послал узнать, что происходит. Напутствуя его, граф сказал, что нужно быть настороже весь день. Графиня на берегу. Может быть, все пройдет как нельзя лучше, а может быть, и нет. Услышав выстрел, Эриксон прыгнул в шлюпку и поплыл к берегу. Зажав в массивном кулаке огромную абордажную саблю, он оглядывался вокруг, ища, что бы сокрушить.

Через пару мгновений все выяснилось.

Не было никакой необходимости демонстрировать свои силы. Речь шла всего лишь о деревенском соревновании. Однако пронизательные глаза местных жителей быстро сосчитали, насколько велики силы, охраняющие графиню де Пейрак. Если бы в будущем

кому-нибудь в Тадуссаке вздумалось причинить ей вред, плохо бы ему пришлось. Три местных солдата имели жалкий вид, хотя прилагали немало усилий, чтобы казаться бравыми. Вновь прибывшие, которых считали пиратами с Французского мыса, были вооружены до зубов: и оружие, и обмундирование были новыми и надежными. Следствием всего этого явилось признание, что, судя по всему, это действительно была она, Дама Серебряного Озера.

Некоторые персоны в Квебеке, которые, кстати, ее никогда не видели, приходили в состояние неопишуемого ужаса при одном упоминании о ней. Индейцы же, повидавшие ее, утверждали, что она небесное создание. Когда Анжелика спокойно поднималась по косогору, ведя детей, местные жители испытывали разочарование. Они пытались увидеть следы потусторонних сил. Сначала приготовились осенить себя крестным знаменем, но увидели обыкновенную женщину. Она не была удивительно красивой: простая накидка, белый воротник, косынка на голове. Вид у нее был почти такой же, как у канадских женщин.

Но вдруг она улыбнулась, потом метко выстрелила, затем повернулась к ним, говоря:

— Вы видите, я — не колдунья.

Это была она.

— Мама! Мне жарко, я хочу пить, — воскликнула вдруг Онорина, которая заскучала без выстрелов и войны.

Солнышко начало припекать. Несмотря на приближение зимы, дневное светило так интенсивно обогревало землю, что люди не думали о том, какое сейчас время года. В дневные часы земля и камни раскалялись. Все потрескивало от жары. Людей мучила жажда. Из толпы вышла какая-то женщина.

— Не желаете ли пива? — предложила она Анжелике.

— Благодарю вас! Я предпочла бы молоко. Мы давно его уже не пили.

— Идемте ко мне, — пригласил Виль д'Эвре. — Эта славная Катрин-Гертруда принесет нам чего-нибудь прохладненького.

Он взял Анжелику за руку.

— Как! И в Тадуссаке у вас есть дом?

— Всего лишь небольшой магазин, и в мое отсутствие за ним присматривает приказчик. Это недалеко от порта.

Магазин оказался добротной постройкой из дерева на каменном фундаменте. Внутри стоял длинный стол, на котором торговцы выставляют меха, весы, чтобы взвешивать скобяные товары. В углу помещался камин из массивных камней.

Склад Виля д'Эвре был хорошо обставлен. Человек в суконном костюме, который недавно проиграл пари, оказался приказчиком в этой лавке. Вероятно, он получал приличные проценты от доходов маркиза.

Виль д'Эвре шепотом объяснил Анжелике:

— Когда я возвращаюсь в Акадию, часть товаров отправляю сюда, а потом постепенно переправляю их в Квебек. Понимаете? В наше время приходится считать и вдоль и поперек.

— А мсье Карлон в курсе дела?

— Несомненно. Но это уже детали, которыми он не хочет заниматься. Все улаживает служащий Северной Компании, которого вы здесь видели, и мсье Дюпре, который называет себя королем Тадуссака. Какой замечательный вид открывается отсюда, не правда ли? Но в Квебеке из моего домика, в котором вы устроитесь, вид еще лучше... Я вижу вдали какие-то паруса... Наверное, это маневрирует флот мсье де Пейрака.

Лавку открыли, когда пришел Виль д'Эвре. Когда Анжелика с маркизом вошли внутрь, первое, что они заметили, это стол, а на нем сидящего котенка.

— Да, он сегодня высадился со мной, — сказал Виль д'Эвре. — Он ко мне очень привязался.

Анжелику и маркиза преследовала толпа желающих посмотреть на гостей. Дети толкались, за ними следовали индейские собаки.

— Давайте не будем толкаться, — обратился к ним маркиз, наслаждаясь своей популярностью. — Вы их окончательно обворожили, — сказал он Анжелике.

Женщина, предложившая на площади пиво, принесла горшок теплого парного молока. За нею следовали дочери и внучки, неся яйца и хлеб. Анжелика и дети присели на скамью около огня. Котенок зашипел навстречу прибежавшим собакам.

— Это котенок мадам де Пейрак, — театрально воскликнул Виль д'Эвре, — не причините ему вреда.

Собак прогнали на улицу. Женщины предложили взбить яйца с молоком, это — любимое кушанье детей. Им очень понравились дети мадам де Пейрак. Женщины восхищались круглыми щечками Керубино, роскошными волосами Онорины. Мужчины заинтересованно поглядывали на девиц, сопровождавших Анжелику. Прошел слух, что это «девушки короля». Откуда они? Из Парижа? Кто руководил их путешествием? Может быть, они хотят выйти замуж в Канаде?

— Увы! Если бы они знали, что мы бесприданницы, — вздохнула Генриетта на ухо Жанне Мишо.

Из всех тягот, выпавших на их долю, больше всего их огорчала потеря королевской казны. Без приданого кто возьмет их в жены? В Канаде их могут нанять только в служанки. Когда у них появятся деньги, только тогда они смогут либо прилично устроиться здесь, либо вернуться на родину. Но до этого пройдут многие годы. Однако сейчас не время для печальных мыслей.

Принесли пива, сидра и несколько бутылок более крепких напитков. Некоторые были прозрачны, как алмаз, другие — янтарные, как топаз.

— Вы должны понять, что мы хорошо разбираемся в напитках, — заметил приказчик.

Экипаж «Голдсборо» с энтузиазмом приветствовал это заявление.

— У нашего кюре есть отличный перегонный аппарат.

Принесли также каравай пшеничного хлеба, огромный кусок сливочного масла и варенье.

— Эти люди очень милы, не правда ли? — сказал Виль д'Эвре. — Я вам об этом говорил!

Вероятно, здешних канадцев нельзя было назвать милыми. Суровая жизнь и жестокая борьба с ирокезами и с зимней стужей сформировали расу суровых людей, крепко скроенных, временами молчаливых, временами возбужденных. Но народ этот был определенно миролюбивым, гостеприимным. Несмотря на флаге лилиями, здесь преобладала атмосфера свободного порта, как и в Акадии.

Чиновников, здесь презирали, и они не имели большой власти. Истинными хозяевами были представители коммерческих компаний.

Анжелике вспомнились сомнения и опасения, владевшие ею еще вчера, и она удивилась, с какой легкостью события обернулись совсем иначе.

— Теперь вы спокойны? Что я вам говорил? — заметил маркиз. — Поверьте мне, так же будет и в Квебеке. Знаете почему? Потому что французы — первейшие в мире ротозеи. О, вы поймете! Люди становятся зачарованными при вашем появлении.

При этих словах они услышали выстрел.

Глава 11

На этот раз стреляла пушка.

— Это ничего! — воскликнул маркиз и выскочил на улицу.

Он приблизил к глазам бинокль. — Это мсье де Пейрак хочет оказать помощь гибнущему кораблю, который следовал за нами.

— Почему же стреляют из пушки?

Люди собрались на площади, устремив взгляды к горизонту. Но даже зоркие глаза моряков ничего не могли различить. Время от времени мелькали вдали белые паруса.

Снова раздался выстрел, повторенный эхом.

— Это уже никуда не годится!

— Странно! Стреляет гибнущий корабль, — сообщил Виль д'Эвре.

— Да, это чужой корабль!

Приставив ладонь козырьком ко лбу, люди пытались разгадать загадку, которую предлагали далекие корабли. Нужно запастись терпением и следить за этими пятнами вдали, которые то появлялись, то вновь исчезали. Наконец кто-то крикнул:

— Они идут к нам!

Действительно, развернутые паруса стали вырисовываться более четко. Все произошло удивительно быстро. Белая, покачивающаяся на волнах стая кораблей выросла на глазах.

К часу дня, когда солнце стояло в зените, флот графа де Пейрака, кроме «Голдсборо», остававшегося на рейде, подошел к берегам Тадуссака, сопровождая сильно накренившееся французское судно.

Маленькая яхта «Рошеле», под командованием Кантора, показывала путь поврежденному кораблю.

Анжелика пыталась различить на каком-нибудь капитанском мостике силуэт Жоффрея, но ничего не могла рассмотреть. Она была взволнована. Люди хранили молчание. Что это, военная акция? С чьей стороны? Против кого?

Затем послышался звон якорных цепей. Это спустили на воду шлюпки и гребные лодки. Одни лодки отправились к берегу, другие к французскому судну. Это были индейские каноэ. Они предлагали пушнину и требовали в обмен алкоголь. Глядя на все это, Анжелика спрашивала себя: «Помог кораблю Жоффрей или взял его в плен?»

Ей вновь вспомнилось рассуждение Адемара: «А если герцогиня на борту?» Анжелика ощутила, что невольно бледнеет.

Канадцы и жители Тадуссака оживились. Красиво плывущие корабли, сияющие на солнце, произвели благоприятное впечатление. А французское поврежденное торговое судно, приведенное графом де Пейраком, наоборот, было встречено с недоверием.

Вдруг кто-то воскликнул:

— Да ведь это же «Сен-Жан-Батист» — посудина этого подлеца. Рене Дюга де Руана.

— Почему же он так запаздывает? Ведь он не сможет вернуться.

— Чтоб он потонул! Он всегда привозит только плохую публику...

— Но сирю Гонфурелю из Квебека это чрезвычайно выгодно.

— Неужели этот Дюга все еще капитан? Неудивительно, что он стрелял из пушки. Он предпочтет оказаться на дне со всем грузом, чем позволит кому-нибудь сунуть нос в свои делишки. К тому же он спекулянт...

Анжелика оказалась в порту в тот момент, когда высаживался граф д'Урвилль с новыми отпущенными на берег. Д'Урвилль, как всегда веселый, не казался озабоченным. Он издали приветствовал Анжелику.

— Что там происходит? — спросила она. — Почему стреляли из пушки?

— У кого-то негодные нервы на этом несчастном корабле.

Мы его окружили, представились и предложили помощь. А он ответил бортовым залпом по подводной части нашего корабля.

Мы едва успели ускользнуть. Они воспринял и наше предложение о помощи, как злой умысел. Корабль на краю гибели, но капитан готов лучше пойти ко дну, чем допустить, чтобы судном завладели другие. Это или пьяница, или сумасшедший.

Пассажиры нижней палубы, иммигранты, в плачевном состоянии. Третий из тех, кто начинал это путешествие, погибли в пути.

— Почему же судно отправилось в плавание в такое неподходящее время года?

— Среди пассажиров есть европейцы, надеявшиеся на возвращение в Европу, но помешали аварии и бури. Так говорили нам некоторые из них. А вообще-то они нелюдимые.

Подошел Виль д'Эвре.

— Рассказывают, что на борту этого корабля много прекрасных французских вин!

— Вы хорошо информированы, мсье маркиз, — сказал, улыбаясь, д'Урвилль.

— Надеюсь, что мсье де Пейрак захватил все это?

— Конечно, нет. Мсье де Пейрак хотел произвести досмотр этого судна, прежде чем пропустить его в Квебек. Узнать его оснащение, военную мощь, чтобы не рисковать встретиться с врагом у стен города.

— Он ошибся, — сказал Виль д'Эвре. — Я бы на его месте не размышлял. Бургундские вина! Это преступление...

Он задумался.

Анжелика хотела возвратиться на «Голдсборо» и вместе с Жоффреем обсудить утренние происшествия. Она выразила благодарность канадке Катрин-Гертруде

Ганвэн за гостеприимство и пообещала вернуться после полудня.

На корабле ее муж подтвердил то, что рассказал ей граф д'Урвилль. Несмотря на свое бедственное положение, экипаж руанского корабля, который действительно назывался «Сен-Жан-Батист», был враждебно настроен против них и хотел расстрелять корабли Пейрака. У Жоффрея возникло подозрение, что приход этого корабля может повредить им в Тадуссаке. Он воспользовался плохим приемом, оказанным его флоту, как предлогом для строгого досмотра.

— Я запретил матросам высаживаться на берег. Они могли бы навредить нам в глазах жителей Тадуссака, с которыми мы уже подружились. Нужно сохранить эти отношения. Только после полудня группе людей разрешил я сойти на берег за питьевой водой для женщин и детей. Жалко смотреть на этих несчастных пассажиров. Кроме того, я послал на это судно наших плотников и рабочих, чтобы они починили, что возможно. Безусловно, рабочих хорошо вооружили, а капитана я предупредил, что его корабль находится под прицелом наших пушек.

— Почему же он стрелял?

— Он и сам этого не знает. Он пьян в доску. А возможно, это и не он дал команду.

Анжелика почувствовала, что от нее что-то скрывают. Она пристально посмотрела в глаза де Пейрака. Он понял немой вопрос, опустил голову и после небольшой паузы сказал:

— Это только слухи, но кажется, на этом корабле находится посланник короля с поручением, официальным и тайным одновременно. Я подозреваю, что он дорого заплатил за то, чтобы его присутствие на корабле не было раскрыто.

— Он, должно быть, опасается, как бы вы его не взяли в плен. Он боится мести.

— У меня такое же впечатление.

— Но нужно обыскать весь корабль, от палубы до трюма, закрыть все двери и заставить его раскрыться.

Жоффрей де Пейрак улыбнулся.

— Тише! Вы как наш пылкий маркиз, который превозносит силу закона и расхваливает морской разбой. Но я не хотел бы прослыть здесь пиратом. Я не хочу наводить ужас, не хочу вызывать пересуды действиями, которые внешне могут показаться незаконными.

Если это правда, что на борту корабля находится посланник Версаля, я поддерживаю его инкогнито. Он не сможет нанести нам ощутимого вреда, особенно если не будет появляться. Мы будем более свободны, когда высадимся на берег.

— Сколько времени вы хотите провести в Тадуссаке?

Граф де Пейрак ответил неопределенно, и Анжелика еще раз ощутила, что от нее что-то скрывают. После полудня она с детьми вновь направилась в поселок.

Глава 12

Несколько матросов с чужого корабля сошли на берег за питьевой водой. Командовал ими мсье д'Урвилль. Эти матросы имели физиономии разбойников: или они на самом деле были разбойниками, или это непредусмотренные беды тяжкого пути оставили такие следы на их изможденных лицах. Бледные, худые оборванцы, худые до такой степени, что их истощенность пугала, ругались хриплыми голосами. Они выкатывали свои деревянные бочки и баки, оглядываясь вокруг и ища повода для ссоры. Люди с «Голдсборо» провожали их к источнику, который брал начало в бассейне, выложенном камнем. Любопытные жители Тадуссака, пришедшие сюда, не выказывали к вновь прибывшим никакой симпатии. Они

хорошо знали эту посудину, которая приносила им только неприятности. Платили они мало, с их прибытием в порту начинались ссоры и драки. Люди д'Урвилля сопровождали матросов с этого корабля до самого источника во избежание инцидентов.

— Из той же лодки в сопровождении матросов на берег сошла какая-то женщина. Она была бедно одета, вся в черном. Дама казалась пожилой, но статной. Было очевидным, что она привыкла делать все самостоятельно: отказываясь от помощи мужчин, она спрыгнула в воду. Одной рукой она подобрала подол платья, в другой руке несла ребенка. Ее грубые башмаки, связанные шнурками, висели на шее. Добравшись до берега, она села на песок и стала терпеливо обуваться. Ребенка положила рядом с собой. Он лежал не шевелясь. Эта сцена напомнила Анжелике прибытие благодетельницы с маленьким Пьетро на руках. Но это нечеткое и расплывчатое воспоминание промелькнуло лишь на мгновение.

У женщины был землистый цвет лица, края век покраснели. Это раздражение от соленой морской воды. Из-под ее черного чепца выбивалась седая прядь волос. Сначала она привела в порядок прическу. Женщина быстро распрямилась, и Анжелика поняла, что она моложе, чем показалась вначале. Потом она прижала ребенка к груди и зашагала по гальке. Д'Урвилль остановил ее:

— Мадам! — вежливо обратился он к ней. — Кто вы? И что вы здесь делаете? У меня есть приказ не позволять никому из пассажиров корабля высаживаться на эту землю до особого распоряжения мсье де Пейрака.

Женщина спокойно посмотрела на него. Д'Урвилль не мог бы описать цвет ее глаз, потому что они потеряли цвет от анемии.

— Мсье де Пейрак, говорите вы? Вы имеете в виду того пирата, который утром задержал нас? В таком случае я могу вас заверить, что именно он дал мне разрешение сойти насушу, чтобы я позаботилась об умирающем ребенке. На корабле мы были лишены всего.

Голос был четкий, мелодичный, даже сильный, более молодой, чем можно было предполагать, глядя на ее изнуренную фигуру. Один из матросов с «Голдсборо», который сопровождал женщину, показал мсье д'Урвиллю пропуск, подписанный графом.

— Все в порядке. Вы можете идти, мадам. Отдыхайте в свое удовольствие.

Женщина поблагодарила, вздохнула и, тяжело ступая, направилась к косогору.

К этому времени толпа рассеялась. Одни ушли по домам, не желая иметь дела с экипажем «Сен-Жан-Батиста», другие, наоборот, пошли за матросами к источнику, чтобы узнать, почему французский корабль прибыл так поздно.

На берегу остались Анжелика с детьми и несколько «девушек короля».

Анжелике стало жалко эту женщину, которая была вынуждена одиноко шагать по голой земле после нескольких месяцев мучительного путешествия на корабле. Она вспомнила, в каком состоянии были они все, когда прибыли в Голдсборо, какими жалкими и истощенными были дети. А ведь тогда перед плаванием Жоффрей позаботился о запасах продуктов. Она двинулась навстречу незнакомке. — Мадам, не могу ли я вам чем-нибудь помочь?

Женщина посмотрела на нее с интересом. Немного подумав, она согласилась принять предложение.

— Я не откажусь, благодарю вас, мадам. Ради этого умирающего малыша. Ему нужно молоко и немного

бульона. Уже несколько недель мы питались галетами, размоченными в морской воде, и пили прокисший сидр.

— Идите за мной, — сказала Анжелика.

Они поднялись к лавке Виля д'Эвре, который находился поблизости. Он устремился было навстречу Анжелике, но, обратив внимание на ее спутницу, опустил глаза и остановился. Потом украдкой улизнул.

Женщина его не увидела. Она вошла в дом и села со вздохом облегчения к огню.

— Ах, какое счастье вновь оказаться в своей стране!

— Вы из Тадуссака? — удивилась Анжелика.

— Нет, из Виль-Мари. Но здесь уже Канада. Ступив на эту землю, я почувствовала себя воскресшей, за что и благодарю Бога.

Анжелика занялась очагом.

— Это ваш внук? — спросила она, указывая на ребенка, которого женщина развернула из мокрых, пропитанных солью пеленок и поднесла к огню.

Вновь прибывшая покачала головой.

— Нет... Это ребенок одной супружеской пары иммигрантов, пливших на корабле. Родители его скончались. Я услышала, что матросы хотят выкинуть дитя в море. Мне стало жалко ребенка. Я взяла его, хотя наша компания была против этого. Его силы на исходе, он скоро умрет.

Анжелика передала ей миску с молоком, и женщина начала осторожно поить ребенка.

— Рассказывают, что ваш путь был очень трудным, — сказала Анжелика.

— Труднее и не придумаешь. Мы претерпели все, кроме кораблекрушения. Нужно сказать, что этот корабль служил военным госпиталем. Едва мы покинули Руан, на нем началась чума. Несколько человек умерли. К счастью, на судне был специальный служащий, мсье Бошир, который их похоронил. Капитан был без сознания.

Пока она рассказывала, Анжелика взяла из своей походной аптечки мазь и стала растирать тельце ребенка, затем завернула его в свою шерстяную шаль.

— Надо немного подождать. Пусть он пока переваривает пищу. Его нельзя перекармливать сразу. — Она уложила ребенка около огня, затем послала Генриетту и Дельфину к Катрин-Гертруде попросить бульона. Женщина наблюдала за Анжеликой, заметив ее умение ухаживать за больными.

— Теперь ваша очередь, — сказала Анжелика. — Может быть, вы думаете, что сами не нуждаетесь в помощи? У вас болезненный вид. Даже человек с каменным сердцем пожалеет вас.

— Я говорила, что мы испытывали всевозможные трудности. Злой характер капитана обострял наши беды. Когда мы поднялись на корабль в Руане, мсье Кампуа, корабельный квартирьер, приказал погрузить для меня и моих сестер несколько бочек пресной воды. Но когда порт скрылся из вида, нам перестали давать волю, и мы вынуждены были пить матросское пойло. Кроме того, нас преследовали болезни. И мои сестры, и я — все мы в жалком состоянии.

Анжелика пододвинула ей чашку подогретого молока с хлебом.

— Пейте быстрее. Наверное, вы уже много недель не пробовали горячей пищи.

— Это ничего. Бог привел нас в хороший порт.

Анжелика обратила внимание на кровоточащие десны незнакомой женщины и обрадовалась тому, что захватила с собой шкатулку с лекарствами. Она поставила аптечку на стол и стала искать травы.

— Сейчас я приготовлю настой, который будет вам очень полезен.

— Как вы любезны! — прошептала с нежностью женщина.

— Но кто вы? Я вас совсем не знаю. Вы, наверное, прибыли в Канаду, когда меня здесь не было? Ведь я покинула эту страну почти два года назад.

— Пейте, — сказала Анжелика. — У нас еще будет время познакомиться друг с другом.

Женщина с улыбкой подчинилась ей. Она пила с сосредоточенным серьезным видом, как будто выполняла какую-то работу. Она пила этот лечебный напиток с удовольствием, но мысли ее были не здесь. Она продолжала наблюдать за Анжеликой. Ее глаза, поблекшие от плохого питания, сохранили в глубине особенный свет. Постепенно оживали краски лица, черты смягчались. Было видно, что это выдающаяся личность. В какое-то мгновение взгляд ее с нежностью остановился на мордашках Керубино и Онорины.

— Это ваши дети?

— И да и нет. Вот моя дочь Онорина, а этого мальчика, Керубино, мне доверили.

В глазах собеседницы пробежала веселая искорка, когда она рассматривала мальчугана. Анжелика интуитивно почувствовала, что она сравнивает черты Керубино с известным ей лицом.

— Случайно, не мсье Виль д'Эвре, которого я мельком увидела сейчас? — спросила она. — Кажется, он не хочет встречаться со мной. — И сразу же изменила тему разговора:

— Это ваш сундучок с медикаментами?

— Да, у меня здесь много полезных вещей. Я всегда вожу с собой этот сундучок.

Анжелика сказала, что охотно приготовит мази для нее и для ребенка, чтобы облегчить страдания от губительного влияния морской воды.

— Вы, должно быть, много страдали!

— Наши мучения ничего не стоят в сравнении со страданиями нашего Господа Иисуса Христа.

Протягивая бокал Анжелике, она дружески положила свою руку на руку Анжелики и задержала ее.

— А теперь ваша очередь, мадам, Я вам повиновалась, теперь вы ответьте мне на мой вопрос, кто вы?

Анжелика почувствовала, что от ее ответа зависит ее судьба в Канаде. Они будут посещать дома, где в их жизнь не смогут вметаться ни военные силы, ни богатства. Она должна собрать все свое мужество.

— Я — жена «пирата», как вы изволили его назвать.

— Иначе говоря, вы — графиня де Пейрак.

Анжелика утвердительно кивнула головой.

Ее собеседница внимательно посмотрела на Анжелику, не меняя выражения лица. Затем выпрямилась, встала, изучая Анжелику, которая, в свою очередь, испытующе глядела на нее.

Из-за бедной одежды Анжелика вначале приняла ее за одну из горемычных иммигранток, крестьянку или жену ремесленника, впервые попавшую в Новый Свет, затем открыла, что та — своя в этой стране. Почувствовав ее авторитет и уверенность, Анжелика поняла, что эта женщина является жительницей Канады, возможно даже, родоначальницей. Несмотря на простоту обращения, жалкое одеяние, она выделялась своей яркой индивидуальностью.

Взгляд женщины упал на крышку шкатулки с лекарствами, на которой можно было заметить изображение Святого Козьмы и Святого Демьяна, покровителей аптекарей.

— Вы почитаете святые образы? — спросила она, не пытаясь скрыть удивление.

— А почему мне их не почитать? Разве я дала вам повод думать, что я не уважаю святых, наших покровителей? Вас настроили против меня. Я это знаю. Даже в Париже. Откуда вы прибыли? Кто вы?

Женщина не ответила. Она поднялась, наклонилась над ребенком и, убедившись, что он мирно спит, подошла к столу, чтобы помочь Анжелике свернуть бинты для перевязок.

В это время вошла дебелая крестьянка Катрин-Гертруда, несшая на руках маленького ребенка. Она воскликнула:

— Ох! А я и не знала, что вы здесь. Мать...

Она не договорила, так как незнакомка сделала ей быстрый знак замолчать.

— В таком случае, вы — пионер и основательница, — продолжала Анжелика, ища разгадку.

— Вы приближаетесь к цели, — сказала таинственная незнакомка. И весело рассмеялась. Потом снова замолчала, забавляясь любопытством Анжелики.

Но тут кто-то еще вошел в лавку и сразу же узнал приехавшую.

— Слава Богу! — воскликнул он. — Вот вы и вернулись в Канаду, мать Буржуа, какое счастье!

— Так вы — Маргарита Буржуа?

Оказывая помощь больным детям жителей Тадуссака, прослышавшим об ее умении врачевать, Анжелика размышляла о случае, который с первых же шагов свел ее с одной из самых знаменитых женщин Новой Франции. Она услышала о ней впервые год назад в Катарунке. От суровых охотников и от военных, огрубевших в сражениях, она слышала рассказы об этой благочестивой женщине. Она приехала сюда, когда была совсем молодой, вместе с первыми переселенцами, когда те основали на небольшом островке на реке Сен-Лоран Монреаль, город Марии, или Виль-Мари, как называли его тогда. Он был построен в честь богоматери. Маргарита Буржуа приехала сюда одна, без страха, ради любви к Богу, воспитывать и обучать детей и дикарей. Она работала в поле, открывала школы, ухаживала за ранеными в

битвах против ирокезов. Неона ли спасла жизнь Элуа Макколе, когда тот был оскальпирован?

— Вы тоже слышали обо мне, как я вижу, — заметила мадемуазель Буржуа.

— Но слухи обо мне другого характера, — сказала Анжелика. — Меня оклеветали, очернили со всех сторон, а про вас говорят — ангел.

Мадемуазель Буржуа живо откликнулась:

— Я не желаю слушать такие разговоры. И те, и другие лживы. Грех слушать эти сплетни, и я прошу вас впредь не придавать им значения.

Лицо ее снова смягчилось, она коснулась указательным пальцем щеки Анжелики:

— Я вижу только, что вы — импульсивный ребенок.

После этого их полностью поглотила благотворительная деятельность. Нужно было отвечать на вопросы, давать советы, оказывать помощь больным жителям Тадуссака. Можно было подумать, что жители эти, до сих пор отличавшиеся крепким здоровьем, в один миг все вдруг почувствовали себя больными.

Опыт Маргариты Буржуа, объединенный с опытом Анжелики, и богатый набор медикаментов помогли им удовлетворить запросы больных.

Явная симпатия, которую проявляла к ней Маргарита, радовала Анжелику. Тот факт, что эта всеми любимая женщина появилась рядом, когда они ступили на канадскую землю, казался Анжелике счастливым знаком. Она почувствовала себя как дома. Ей казалось, что она всегда находилась среди канадцев, которых еще вчера боялась.

Окружающие отметили, что Анжелика умела успокаивать перепуганных детей. Стоило ей положить ладонь на больной орган, как боль исчезала.

Стали договариваться о завтрашнем дне. Кому-то требовалось срочно удалить больные зубы, вскрыть гнойные нарывы...

Глава 13

Анжелика перевернула вверх дном содержимое шкатулки, когда искала таблетки от кашля. Оказалось, что Онорина спрятала пакетик с этими вкусными таблетками в штанишки Керубино. Прежде чем Анжелика вмешалась в это дело, Маргарита попыталась хитро вернуть похищенное.

— Но это для мсье Виллоуби, — протестовала девочка.

— Кто этот мсье Виллоуби? — терпеливо спросила Маргарита Буржуа.

— Медведь моих друзей. И он обожает эти таблетки.

— Я в этом не сомневаюсь. Но не лучше ли собрать для него свежей брусники? Я знаю в Тадуссакe полянку, на которой полно брусники. Мы можем пойти туда и насобирать много ягод. Я там собирала их не раз.

— Разве вы медведь?

— Нет, моя дорогая. И очень сожалею об этом. Я убедилась, что медведи — очень хорошие компаньоны. На борту «Сен-Жан-Батиста» тоже есть медведь, и я могла оценить его по достоинству. Это воспитанный джентльмен.

Онорина рассмеялась.

Гомон утих, за дверью послышались голоса. Люди спорили. Кто-то невидимый в гневе выкрикнул:

— Но в конце концов, никто здесь не боится! А если она опасна? Это вероятно...

Приказчик ответил что-то неразборчиво, как бы извиняясь. Властный голос зазвучал снова:

— Так она здесь? Кажется, вы доверили ей заботу о своих детях? Вы лишены элементарной осторожности.

Заинтригованная Анжелика догадалась, что речь шла о ней. Она вышла вперед, ведя за руку перепачканного вареньем Керубино.

— Вы спрашиваете обо мне, мессир? — спросила она, обращаясь к господину в жилете и в шляпе с

пером. Это, без сомнения, был королевский чиновник. Его сопровождала безликая, бесцветная женщина. По-видимому, его жена, возраст которой было трудно определить. Джентльмен бросил на Анжелику хмурый взгляд.

— Откуда вы пришли? Кажется, с «Сен-Жан-Батиста»? В хорошеньком состоянии это судно. Не могу похвалить господ Руанской компании. Кто же выходит в морское путешествие в такое время года? И он еще позволил пиратам арестовать его... у самого порта Тадуссака. Это просто так не пройдет... Нас об этом предупреждали...

Одной рукой он отстранил приказчика, другой оттолкнул жену, которая хотела войти вместе с ним. «Оставайтесь здесь, моя дорогая, никогда не знаешь...» — и, выпятив грудь, вошел в лавку.

— Где она?

Кажется, он готов был использовать все свое высокомерие. Когда говорят о демонах, которые подстерегают нас в пути, не следует насмехаться. Не так-то просто избежать западни, расставленной демоном. Анжелика еще раз порадовалась тому, что одета так просто. Она заметила, как мудро относится к событиям население Тадуссака. От вторжения вновь пришедшего никому не было ни холодно, ни жарко. Зато он сам распалился, но, заметив Маргариту Буржуа, несколько угомонился.

— Ах, вы тоже здесь, матушка Буржуа! Добро пожаловать, дорогая матушка. Что происходит? Мне сказали...

Он осмотрелся. Увидел открытую шкатулку с лекарствами, женщин с маленькими детьми на коленях.

— Ну, наконец, это безумие!

Всматриваясь в лица, он хотел найти хоть одно вульгарное, на котором начертаны знаки Люцифера. Он искал графиню де Пейрак.

— Где же она? Матушка Буржуа, прошу вас. Вы женщина рассудительная. Покажите мне ее!

— Но кого же? — спросила мать Буржуа.

— Ту, которая заставляет называть себя графиней де Пейрак. Мне доложили, что она только что была здесь.

— Действительно, я здесь, — сказала Анжелика, снова шагнув вперед.

На этот раз он получше разглядел ее лицо и разразился упреками:

— Вы смеетесь надо мной!

— Каким образом?

— Вы все надо мной смеетесь! Это невыносимо! Что происходит? Люди теряют голову! Не осталось ни грамма уважения, одни только насмешки. Моих советов не слушают, стараются обойти меня.

Встав в театральную позу, он закричал громовым голосом:

— Я требую показать мне графиню де Пейрак!

— Ну смотрите, это я! — крикнула в свою очередь Анжелика. И видя, что он смутился, добавила:

— Я — графиня де Пейрак, не прогневайтесь, месье.

Смотрите на меня, сколько пожелаете, но будьте любезны, скажите мне, наконец, чего вы хотите.

Ее собеседник покрылся всеми цветами радуги. Никто еще не видел человека более разноцветного. Лицо его выражало самые разнообразные чувства: сомнение, удивление, изумление, потрясение.

Анжелика громко спросила:

— Кстати, а кто же вы, мсье? Вытребовали меня во чтобы то ни стало, а сами не представились мне...

Тот вскочил, схватил приказчика за воротник и что есть силы стал трясти его:

— Болван! Ты мог предупредить меня заранее, вместо того, чтобы выставлять на посмешище.

— Не разговаривайте в таком тоне с моим приказчиком!

— закричал Виль д'Эвре, устремляясь к нему. — На каком основании вы так грубо обращаетесь с ним?

— Ах, теперь еще и вы, мсье губернатор Акадии! Я не удивлюсь, если все сведется к сатурналиям.

— Сатурналии? Повторите-ка!

Вдруг Анжелика увидела на пороге Жоффрея. Он любил приходить, когда его не ждали. Граф устраивал всегда так, что его внезапное появление вызывало недоумение. Как только что-нибудь случалось — всегда Жоффрей оказывался рядом.

Сегодня он поразил всех своей маской и необычным шикарным костюмом. На широкой белой шелковой ленте блестела алмазная звезда несравненной красоты. Темно-синий камзол был искусно расшит серебром. Крупный алмаз красовался на эфесе его шпаги. Его манеры отличались простотой, что стояло несколько ближе к английской моде. Это немного обескуражило местных жителей, которые помнили английских оккупантов и считали англичан своими врагами. Их нельзя было спутать с французскими сеньорами, рядившимися в перья и кружева, носившими тяжелые башмаки с пряжками и вышитые жилеты. Он больше был похож на иностранца, на корсара, не подчиняющегося никакому закону или государю. Он обладал баснословными сокровищами. Жители Тадуссака много слышали о флибустьерах — об их богатстве, о битвах, которые они вели на морс, об их преступлениях.

И вдруг один из них здесь, он вошел неслышно и остановился на пороге.

По бледному лицу Анжелики Жоффрей догадался, что здесь имела место ссора.

— Если вы будете столь любезны и поживете пока на том берегу Сугенея, то завтра, когда удалятся

корабли так называемых пиратов, к которым я причисляю и себя, вы сможете возвратиться в порт. Я вас предупредил, — сказал Виль д'Эвре.

— А мадам де Пейрак пусть представит вам кто-нибудь другой.

— Вы же хорошо знаете, что здесь, на ферме О-Клоше, чудодейственный воздух, который так необходим для здоровья моей жены.

— Тогда не сетуйте, что всегда являетесь слишком поздно.

Маркиз повернулся к Анжелике:

— Дорогой друг! Позвольте представить вам сира Дюпре де Ламотта. — И, заметив в свою очередь Жоффрея, добавил:

— А вот ее супруг, мсье де Пейрак, флот которого находится сейчас перед Тадуссаком.

Увидев свою жену рядом с этим мрачным мужчиной в маске, сир Дюпре де Ламотт получил второй удар за этот день. Его растерянный взгляд перешел от скромно одетой Анжелики к вновь пришедшему роскошно одетому победителю. Его сопровождали хорошо вооруженные охранники в латах и испанских касках. Больше всего его привело в трепет появление его жены. Она вошла с Жоффреем де Пейраком, который сказал:

— Не оставайтесь на улице. Ведь вся компания уже в сборе.

Побудьте с нами, я вас прошу, — В свете зари все заметили несчастную хрупкую женщину. Она могла показаться выполняющей роль заложницы или шита жестокому варвару из племени морганов или олонов.

Де Ламотт воскликнул:

— Мсье, прошу вас, не причиняйте ей вреда. Я сдаюсь. Вот моя шпага.

Пейрак решил не принимать протянутое ему оружие.

— Мсье, вы меня неправильно поняли. Вложите свою саблю в ножны, и пусть она останется там навсегда. Это мое искреннее пожелание. Знайте, что я пришел в этот порт как друг, потому что меня пригласил в Квебек мсье де Фронтенак, ваш губернатор. Вот, кстати, мсье Карлон. Он мой гость на борту «Голдсборо». Он вам подтвердит чистосердечность моих намерений.

— Мсье интендант... — пробормотал Дюпре, выпрямляясь перед входящим Карлоном.

Карлон был взбешен, но по другой причине. Сейчас он был представлен как союзник графа де Пейрака. Но его волновало другое — история с товаром. Он был вне себя от негодования.

— Я видел, что весь мой товар: и доски, и мачты, и бочки с зерном и маслом, и соленая сельдь валяются в порту. Что это значит? Это все предназначается для Франции.

— Корабли не захотели загрузаться.

— Скажите лучше, что вы и сами не знаете, где вы провели день вчера.

— Но и вас здесь не было, — отпарировал Дюпре. — А вы обещали мне присутствовать при погрузке.

— Я знаю... Я задержался в Акадии... всевозможные неприятности. Но вот я прибываю сюда и нахожу все грузы сваленными в кучу. А ведь скоро пойдет снег.

— Ладно, не переживайте, мсье. Еще не все корабли отбыли в Европу.

— Безумцы! Они хотят двигаться по льду!

— «Мирабелла» задержалась. Говорят, она боится пиратов, их флота и королевского корабля с тридцатью пушками.

Интендант повалился на скамью с жестом, означающим, что все эти мушиные укусы ничто по сравнению с обстановкой, за которую ему придется отвечать.

— Дураки! Мсье де Пейрак придет в Квебек со своими кораблями, которые весят значительно больше, чем тридцать пушек.

— Не печальтесь, друзья, — весело отозвался Пейрак. — Я же говорил вам, что могу купить ваши товары. Они пригодятся мне для предстоящего ремонта, для содержания команды. Ведь в Новой Франции я могу надеяться только на сердечное гостеприимство.

— Это не помешало вам сегодня утром, без всяких угрызений совести, произвести досмотр французского торгового судна.

— «Сен-Жан-Батиста»? Обсудим это. — предложил Виль д'Эвре, вмешиваясь в разговор. — Вы, как и я, отлично знаете, что Рене Дюга самый отъявленный жулик, который может иметь дело только с Бонифацием Гонфарелем в Квебеке. Половину своих товаров он провезет у вас под носом. Скорее благодарите мсье де Пейрака за то, что он обещает забрать ваши товары на свои суда. Мсье интендант, если вы соберете все налоги в этом году, то это произойдет благодаря... — Указательным пальцем он показал на де Пейрака.

— Кажется, на корабле «Сен-Жан-Батист» есть несколько бочонков вина из районов Беон и Дижон. Это лучшие красные вина, как вам известно. Вы сетуете, мсье де Пейрак, что вам нечем потчевать ваших гостей. Вы можете воспользоваться неожиданной прибылью.

— Вот как вы его подбадриваете! Как будто недостаточно того, что он лишил экипаж и пассажиров отпуска на берег. А

ведь среди них есть персона очень высокого ранга, имя которой умалчивают и которая прибыла сюда с особым поручением короля. Если он пожалуется...

— Кому? — возразил Виль д'Эвре возбужденно. — Это между нами. Что сделает нам высокая персона в

данный момент? Мы все довольно высокие персоны. А этот мсье из Версаля приехал сюда не затем, чтобы совать нос в наши дела. Мы еще натерпимся от скуки зимой в Квебеке. И потом, мсье де Пейрак берет всю ответственность на себя. Давайте лучше повеселимся.

Пока мужчины беседовали, Анжелика была представлена мадам Дюпре де Ламотт и усадила ее в кружок. При виде мадемуазель Буржуа мадам де Ламотт успокоилась, лицо ее просветлело. Обменялись новостями. Катрин-Гертруда отозвала Анжелику в сторону и спросила, чем можно угостить присутствующих. Но в этот момент Жан сделал Анжелике знак, и она увидела корабельного метрдотеля. Он с несколькими помощниками принес напитки, ром и пирожные. Она была в восхищении. Глаза Жоффрея улыбнулись Анжелике сквозь маску. Он подошел к ней.

— Вы уже очаровали ваших канадцев, как я вижу.

— Это только в Тадуссаке. Тадуссак — не Квебек.

— Дело пойдет на лад.

— Представьте себе, что я имела счастливый случай познакомиться со знаменитой мадемуазель Буржуа из Монреалья.

— У вас будут и другие счастливые случаи.

От выпитого вина и от пылающего очага всем стало тепло. Заботы отступили на второй план. Стали образовываться группы — по теме спора, по сходству интересов, по характеру занятий.

Возбуждение сменилось облегчением. Поверили, что все опасности уже позади. Появилась надежда на то, что все будет хорошо, если проявить добрую волю.

Жоффрей де Пейрак оказался рядом с Анжеликой. Он замечал только ее. Только она существовала для него. Она протянула руку к бокалу.

— Чего бы вы хотели выпить, мсье Рескатор?

— Ничего... Я гляжу на вас.

Она вспомнила о сувенире, который он подарил ей сегодня утром. Жоффрей повесил ей на шею часики в виде цветка лилии.

— Почему такие часики? В честь чего? — спросила она.

— А почему бы и нет?

Она живо обернулась к нему, ища его взгляд через прорези маски. Она дружески погладила то место на щеке, где под маской находился след ранения.

— О!.. — только и сказала она. — Ты!

Она хотела сказать: «Сколько неожиданного в тебе. Эти движения души, сердца характерны только для тебя. Они приводят меня в восторг. — И еще: — Я знаю тебя, несмотря на твой секрет. Я тебя расшифровываю. Ты для меня не незнакомец. Ты умеешь играть моим сердцем и самыми сокровенными мыслями. Это правда. А я без сил и — в твоей власти».

Не придавая значения гомону кругом, он наклонился к Анжелике, взял ее лицо в свои ладони, нежно поцеловал в лоб, как ребенка, затем — в губы, а она ощутила щекой холодное прикосновение железной маски. Маргарита Буржуа и отец-иезуит заметили это. Некоторые крестьянки покачали головами. Молодые крестьянки пришли в восторг. Этим вечером в порту будет большое празднество.

Глава 14

Вечером произошел случай, который возвел Анжелику в персоны первого ранга.

Праздник был в разгаре. Наступила ночь. Песни сменяли танцы. Внезапно Анжелику пронзила мысль, овладевшая всем ее существом. Анжелика оставила общество, в первом ряду которого она только что поднимала бокал за процветание Новой Франции.

Все шло прекрасно. Горели костры, разгоняя ночную тьму. В разных местах можно было и поесть, и попить, и потанцевать. На церковной площади поджаривался на

вертеле бык. Пейрак наливал всем спирт, марочные французские вина. Он раздавал медали с изображениями всех святых — это был подарок графа населению и память о его прибытии в Канаду. Само небо как бы благословляло этот праздник. Местный кюре достал из глубин своего подвала несколько бутылок с настойкой из бузины, которую он изготовил сам, и дал согласие освятить медали, привезенные сеньором с «Голдсборо». Ему принесли бутылку со святой водой, и он разбавил ее своим драгоценным напитком.

Каждый мог испробовать этого напитка, а Жоффрей похвалил замечательный перегонный аппарат.

Собрались все: матросы с кораблей, солдаты форта, коммерсанты, крестьяне, индейцы из ближних поселений со своими вождями, украшенными перьями и татуировкой. Лишены праздника были только пассажиры, экипаж и капитан «Сен-Жан-Батиста». Граф де Пейрак не отпустил их на берег за те два пушечных выстрела.

Озабоченная Анжелика отправилась на поиски Маргариты Буржуа. Анжелика видела недавно, что матушка разговаривала с Жоффреем. После этого па «Сен-Жан-Батист» были направлены корзины с провиантом, наверное, для спутников монахини и больных пассажиров.

После этого Маргариту видели то у одной группы, то у другой. Везде ее встречали приветливо и почтительно. Затем она исчезла. Она остановилась у дочери Кариллона Катрин-Гертруды. Анжелике запомнился дом, большая ферма с забором из крупных валунов, огромный хлев для скота. Когда она пришла туда, семья совершала вечернюю молитву. Она вошла в дом и опустилась на колени, чтобы дождаться конца. В этот вечер к привычным молитвам и молитве в честь мадемуазель Буржуа, прибавили еще литании святых. Анжелика сгорала от нетерпения. Ее мучила тревога,

которая привела ее в этот дом. Во время праздника, когда она находилась рядом со своим мужем и аплодировала танцующим парням и девушкам, в ее мозгу, как вспышка молнии, пронеслась мысль: она должна кому-то помочь, иначе будет поздно. И она помчалась сквозь ряды танцующих, спрашивая на ходу: «Вы не встречали мадемуазель Буржуа? Вы не в курсе, где матушка Буржуа?»

Теперь она ее нашла и ждала, как на иголках, пока семья молилась. Наконец все закончили молитвы, и компания поднялась, а Анжелика кинулась к той, которую искала.

— Мадемуазель Буржуа, могу я у вас кое о чем спросить?

Семья Катрин-Гертруды, ее сын, невестка, дети, внуки, дяди, тетушки, кузины, слуги и служанки пришли в восторг при виде Анжелики, но у нее не оставалось времени, чтобы приветствовать их. Она отвела мадемуазель Буржуа в сторону.

— Извините меня, вы, наверное, устали и хотите отдохнуть.

— Не отрицаю. Хотя служба нашему Господу обязывает нас забывать про наше тело, и в общем я этим довольна. Но я полагаю, что сегодня я буду спать на хорошей постели, в Канаде, и это только радует мое сердце.

Она покачала головой.

— Бедный Сен-Жан-Батист! Я испытываю большое сострадание к этому пустынножителю, который крестил нашего Господа Иисуса Христа. Но я не смогу теперь молиться этому святому, не вспоминая одновременно и корабль, носящий его имя. Неудобства — это еще ерунда. Но злоба, ненависть! Все наши призывы ударялись о холодную стену. Кажется, у капитана душа еще чернее, чем у экипажа... Чем паскуднее экипаж, тем более благочестивое имя присваивают кораблю.

— Это я уже заметила у пиратов, — сказала Анжелика. — Но послушайте меня. Именно это меня и тревожит. Вы недавно сказали одну вещь... Но я своевременно не придала ей значения. А теперь меня это вдруг взволновало.

— Да, я вас слушаю.

— Вы не будете надо мной смеяться?

— Прошу вас, говорите. О чем идет речь?

— Это незначительная деталь, однако я волнуюсь, потому что у вашего экипажа плохие намерения. Я слышала, что когда Онорина рассказывала вам, кто такой медведь мсье Виллоуби, вы ответили, что на корабле «Сен-Жан-Батист» тоже был медведь.

— Да, помню.

— Но это необычный медведь. Прирученный! Он не бродит по улицам. Не об одном и том же медведе мы говорим? Мы так привязались к этому мсье Виллоуби!

— Я не знаю, как зовут медведя, который находится на корабле, — сказала мадемуазель Буржуа. — Когда Онорина говорила о медведе, я тоже спросила себя, не тот ли это медведь?

— А при каких обстоятельствах этот медведь оказался на корабле?

— В заливе Сен-Лоран капитан хладнокровно взял в плен барку с экипажем. Среди них оказался и медведь.

— А не было ли там маленького негра?

— Да, действительно был.

— Это они: медведь мсье Виллоуби и Тимоти, негритенок.

Без сомнения, это наши друзья. Пожалуйста, скажите, что с ними случилось?

— Капитан сообразил, что можно хорошо заработать — потребовать выкуп или продать их в Квебеке. На борту барки был англичанин из Новой Англии.

— Элиас Кемптон!

— К этим беднягам очень плохо относились, особенно доставалось англичанину, которого объявили еретиком. Я иногда вступалась за него. Матросы меня еще слушались.

— А медведь?

— Его втащили на борт корабля, чтобы содрать с него шкуру и отведать копченой медвежатины.

— Какой ужас! Бедный Виллоуби! А что с ним стало?

— Я их убедила, что не стоит убивать медведя. К тому же, к нему нелегко подойти. Его хозяин сумел успокоить медведя и заставил выполнить несколько номеров. Это очень позабавило команду. Его оставили в покое и расположили на верхней палубе.

— Если вы выручили мсье Виллоуби, моя дорогая Маргарита, я вам бесконечно благодарна. И Онорина тоже. Но как же случилось, что эти люди не повстречали моего мужа? Судя по вашим рассказам, они все еще находятся на борту этого судна.

— Несомненно, еще вчера я их там видела. Может быть, когда мы прибыли в Тадуссак, капитан предпочел спрятать их от любопытных глаз.

— А может быть, он их убил! О Боже, мадемуазель Буржуа! Я понимаю теперь, почему я так разволновалась. Нельзя терять ни минуты.

Она бросилась к двери. Маргарита Буржуа — за ней.

— Послушайте! Я вспомнила, там в барке был еще один человек, очень толстый, он не хотел сдаваться в плен. Его беспощадно избили, хотя он был ранен...

— Вспоротое Брюхо! Это он.

— Может быть. Я помню, что он намекал на протекцию графа де Пейрака. И грозил, что если над ним будут издеваться, то граф отомстит за него. Когда капитан Дюга увидел, что к его кораблю приближается действительно граф де Пейрак, он, наверняка, спрятал пленных.

— Вероятно. Ох, они несчастные!

— Кто знает? Может быть, капитан, видя, что он теперь в руках де Пейрака, постарается избавиться от пленников, чтобы не быть наказанным за разбой.

— О Боже мой, — повторила Анжелика, — только бы нам не опоздать!

Она побежала, мысленно осыпая себя упреками. В Тидмагоуче она беспечно отпустила барку Аристида Бомаршана и не поинтересовалась его судьбой.

Она слегка прикоснулась к рукаву камзола Жоффрея. Он повернулся к ней и удивился, заметив, что она тяжело дышит, как после быстрого бега. А она ведь действительно бежала.

Анжелика быстро рассказала ему о том, что только что узнала. Жоффрей де Пейрак составил план. Он подал знак д'Урвиллю, танцевавшему с девушками.

— Я оставляю вас продолжать праздник, — шепнул он ему на ухо. — Пускайте фейерверки, отвлеките всех, чтобы никто не заметил моего исчезновения. Я отправляюсь на «Сен-Жан-Батист» со своими людьми.

Анжелика и граф спустились в порт. Их сопровождали испанские солдаты. Распределив гребцов, граф де Пейрак повел шлюпки теневой стороной к кораблю. Когда они отплывали, в ночном небе вспыхнул залп фейерверка. Толпа встретила его радостными возгласами.

«Может оказаться, что все это мне только показалось, — говорила себе Анжелика, чувствуя рядом Жоффрея и сжимая его руку. — Тем хуже». Но она хотела иметь чистую совесть, он понимал ее. Это так прекрасно быть замужем за всемогущим человеком, который в угоду тебе отдаст все: свои отряды, оружие, пушки, корабли, время...

И он никогда не смеялся над ней...

Когда они близко подошли к кораблю, вспыхнул новый залп фейерверка, и одновременно ночь разорвал крик:

— Ко мне! На помощь! Убивают!

— Это голос Жюльенны, — воскликнула Анжелика и вскочила так резко, что едва не упала в воду. — Значит, мое предчувствие меня не обмануло. Сейчас мои друзья в опасности.

— -На помощь! На помощь! — звал голос. — Есть ли на этом проклятом корабле христиане? Пусть помогут! Убивают!

Слышен был топот на палубе. Там, наверху, в темноте кто-то копошился. Жоффрей приказал зажечь большой фонарь. Бросили крюк, взяли судно на бордаж. Через несколько мгновений люди уже были на палубе. Жоффрей прыгнул на корабль первым. Анжелике сбросили веревочную лестницу. Взобравшись по ней, Анжелика увидела спектакль, от которого у нее прошел мороз по коже.

Жоффрей с пистолетом в руке держал на почтительном расстоянии матросов, захваченных врасплох. Между ними билась женщина с раскрытой грудью. Это была Жюльенна. Поодаль от нее лежала какая-то бесформенная масса, тщательно связанная, с кляпом и веревкой на шее, к которой был привязан огромный камень.

— Ничего себе! — ужаснулся величине камня один из людей с «Голдсборо».

Когда беднягу Аристиду Бомаршана высвободили от пут, он тоже пришел в ужас при виде этой каменной глыбы. Значит, его хотели утопить, как собаку.

— Это приказ капитана! — кричали грубые матросы.

Их связали, предварительно отобрав ножи. Жюльенна громко всхлипывая, кинулась в объятия к де Пейраку, прижалась к его алмазной звезде, затем подбежала к Анжелике.

— Я была уверена, что вы придете к нам на помощь. Я говорила Аристиду: они нас спасут! — Видите, как к

нам относятся, — говорил Аристид. — А мы — честные люди. Разве это не позор?

— А англичанин, разносчик? — заволновалась Анжелика.

— Его не бросили в воду?

— Нет, он со своим медведем на камбузе. Их заковали в цепи.

Миновали площадку, где находились пассажиры с перепуганными лицами. Многие не могли уснуть из-за шума и криков. Они вынесли столько лишений за время четырехмесячного плавания: и мертвый штиль, и штормы, и эпидемии, и бури — и вот теперь, прибыв в Канаду, попали в эту страшную историю.

Промелькнули бледные лица женщин, силуэты безучастных монахов, сгорбленные спины мужчин. Отблески фейерверка, проникшие через открытый боковой люк, осветили поразительную картину, достойную пера Данте.

В самой глубине, где было душно и смрадно, нашли Кемптона, закованного в цепи. Он валялся на куче гнилой соломы.

— Ах мадам, каким добрым ветром вас сюда занесло? — воскликнул разносчик, поднимая к небу скованные цепями руки. — Я уже отчаялся. Я износил подаренную вами пару башмаков. Это какое-то чудо — вы здесь! Я не знал, как дать вам знать... у меня забрал и все мои товары.

— Нас захватили эти бандиты, — захныкал Аристид.
— И

отобрали у нас все: у него — товар, а у меня ром, исключительный ром, привезенный с Ямайки...

— А где мсье Виллоуби? — спросила Анжелика, пока искали ключи, чтобы освободить Кемптона от цепей.

— Здесь, — сказал Кемптон, указывая на кучу соломы.

— Что с ним? Он не шевелится. Он умер?

— Нет, он спит.

— Почему? Он болен?

— Нет, он спит. Не беспокойтесь, мадам. Это естественно.

Он вытерпит любые испытания, только не мешайте ему спать.

С приближением зимы медведи впадают в спячку. Если бы нас не захватили бандиты, я оставил бы сто в берлоге, которая находится недалеко отсюда, а весной явился бы за ним. На Новой Земле у меня несколько клиентов. Мы с Аристидом взяли бы мсье Виллоуби и втроем отправились бы в Нью-Йорк.

Обычно так я поступал. Но вот судьба распорядилась иначе.

Нас, словно пленников, привезли в Новую Францию. Таковы случайности навигации.

Пока шел этот разговор на английском языке, явился свирепого вида матрос и с неохотой снял цепи с пленных.

Разносчик встал, помассировал ноги и руки, причесался, привел в порядок свою шляпу и надел ее на голову.

— Что же мы будем делать? — указала Анжелика на кучу соломы. — Как его перевозить? Наверное, небезопасно беспокоить медведей, когда они спят...

— Да, его нельзя трогать, — сказал Кемптон озабоченно.

— Разбуженный медведь не может снова заснуть и становится раздражительным и опасным.

— Вам, наверное, нужно сойти на берег, чтобы привести себя в порядок.

— Нет, нет! — живо воскликнул англичанин. — Я должен остаться здесь, чтобы охранять моего друга. Эти бандиты могут убить его ради мяса. Я едва спас его от этого. Если бы не заступничество монашки и папистов, я не смог бы его спасти.

— Мы сейчас пришлем вам еду.

— Да. И дайте, пожалуйста, какое-нибудь оружие. Я тогда буду более спокоен за судьбу Виллоуби. Я смогу его защитить.

— А где Тимоти? — спросила Анжелика.

Отправились на поиски негритенка. Проходя по палубе, Жоффрей де Пейрак перекинулся несколькими словами с монахами, которые повстречались ему. Он уверил их, что корабль отсюда отправится к Квебеку, где их ждут, и предположил, что они будут там раньше него. Он еще раз заверил пассажиров в своих миролюбивых намерениях. «Сен-Жан-Батисту» нужен ремонт, а капитану необходим хороший урок. Все с этим были согласны. Какой-то иезуит сказал:

— Я побывал в Кауаде уже шесть раз. Но ни одно из путешествий не оставило на моей голове столько седых волос, как это.

Невзгоды этого путешествия заставили его отказаться от сдержанности. Это был красивый мужчина с открытым и живым лицом. Большинство пассажиров, как и он, были взволнованы до лихорадочного блеска в глазах. Все они находились в плачевном состоянии.

Негритенка нашли в каюте капитана, где он чистил сапоги.

Капитан был в таком же жалком состоянии, как его экипаж и корабль. Крупный, распухший, с потухшим взглядом. При виде графа он попытался подняться с кушетки, на которой валялся, но тут же тяжело упал назад. Рядом стояли бутылки, стакан с остатками вина. Запах винного перегара убивал мух.

— Ром! — заметил Бассомпье, понюхав горлышко бутылки. — Но какой ром! Самая восхитительная тростниковая водка, какую я встречал, плавая флибустьером... Я пробовал все на свете сорта рома.

Анжелика не ошиблась, когда сказала:

— Это, должно быть, ром Аристида.

Было ясно, что капитан хотел воспользоваться добычей своего пиратского набега, но был за это наказан судьбой. Все сложилось для него из рук вон отвратительно. История с медведем, этот проклятый ром и его хозяин, женщина, ставшая жертвой его распущенных матросов, — все вело к гибели. А теперь этот пират прибыл в Тадуссак, схватил его за горло и требует ответа.

Пьяного капитана оставили в покое. Подняли совсем окоченевшего Тимоти. Бедный негритенок имел жалкий вид. Анжелика завернула сто в свое манто. Заверив еще раз Кемптона, что ему пришлют еду, остальных спасенных увезли на берег.

Фейерверк придал торжественность их возвращению.

— Думаю, что это справедливо, — прокомментировал Аристид. — Ведь у меня на шее уже висел камень.

Камень на шее! Камень на шее! Речные берега, наверное, хранят немало таких секретов. Всплески воды под веслами возвратили их всех к действительности и к жизни.

— Без Жюльенны мы бы погибли. Эта девушка — настоящее чудо. Она спасла нас.

— Как это?

— Конечно. Она такая красивая девушка, что эти обезьяны решили ее изнасиловать, прежде чем сбросить в реку. Пока Жюльенна сопротивлялась, вы успели подплыть к кораблю и прийти к нам на помощь. Это Бог послал вас к нам. Я всегда говорил это.

— Я знала, что вы придете, мадам, — сказала Жюльенна Анжелике. — Я все время молилась Пресвятой Деве, чтобы она направила вас к нам.

Прибыв на берег, все подошли к огню. Спасенным принесли рагу из косули, сыр и добрый сидр. Все с

любопытством рассматривали их. Люди уже захмелели от вина. Из уст в уста передавалась их история, дополняемая деталями. В ней участвовала Пресвятая Дева, которой все время молилась Жюльенна. Так как было много разговоров о медведе, интендант Карлон поинтересовался:

— Не тот ли это медведь, который убил отца Вернона?

— Я уже говорил вам, что его убил не медведь! — возразил ему Виль д'Эвре.

— Тогда кто же?

— Ах, какое это имеет значение! Я расскажу вам об этом в другой раз. Но знайте, что медведь его только поколотил.

— Побил! Медведь?

— Да. Я там был и созерцал эту сцену. Это грандиозно. Ну, он и получил!

— Кто?

— Иезуит.

— Что?

— Приходится поверить, что медведь делал все, чтобы его не дразнили. Это очень чувствительный медведь. Ах, этот миляга Виллоуби.

— Вы болтаете вздор!

— Нет. Я был свидетелем. Это случилось в Голдсборо.

Замечательный уголок!

— Пока... Отец Верной умер и...

— В другой раз, — оборвал его категорически Виль д'Эвре.

— Давайте выпьем. Нужно передать эту еду охотнику. Она чуточку жирновата. В Голдсборо мясо было тоньше. Да и вина здесь нет. Как только я вспомню, что на этой посудине «Сен-Жан-Батист» есть бургундские вина, которые могут быть выплеснуты за борт перед Квебеком... Эти подлецы Дюга и Бонифаций

хотели бы сделать деньги из этого под покровом... А мсье де Пейрак проявляет никому не нужную щепетильность. Вы не находите?

Эта история о медведе передавалась наследующий день по всему поселку. Повторяли, что мсье де Пейрак внезапно почувствовал беспокойство за судьбу тех людей, которых готовы были погубить на судне, что он поднял всех на ноги, чтобы вовремя прийти им на помощь. Шепотом рассказывали о том, что Анжелика услышала «призыв». Вспоминали, что такое случилось и раньше. В новогоднюю ночь в прошлом году в форте Кеннебек она вскочила из-за стола, говоря, что за дверью раздается стук. Но за дверью никого не оказалось. Но благодаря Анжелике были спасены известные персоны: мсье д'Арребу, граф де Ломени-Шамбор, Кавелье де Ласаль и отец Массера, которые умирали в снегу недалеко от Вапассу. Она действительно обладала таким даром. Способности Анжелики восхваляли. Уважения и чуточку восхищения к ее славе добавил еще и тот факт, что здесь была замешана мать Маргарита. Это доказывало, что даже такой заброшенный уголок Канады, как Тадуссак, небо не оставляет без внимания.

Решено было остаться в Тадуссаке дня на четыре-пять, если не на всю неделю. Зима и льды не должны были застигнуть их так скоро. Большие стаи диких гусей еще пролетали в небе. Это означало, что морозы начнутся не скоро.

Анжелика с удовольствием рассматривала место остановки. Выйдя победительницей из первого состязаниях канадцами, она решила немного отдохнуть и закрепить свои позиции. Народ оказался веселый и интересный. Ей была по душе эта атмосфера, не такая напряженная, какую можно было ожидать в Квебеке. Ее радовала возможность установить дружеские

отношения с матушкой Буржуа и сделать их более крепкими.

Спасение людей с «Сен-Жан-Батиста» облегчило ей душу и убедило в благосклонности канадцев.

Она знала, что их задержка в Тадуссаке на деле объясняется тем, что в Квебеке находится королевский корабль «Мирабелла». Он задерживается там, явно показывая, что ждет их, В любом случае это судно должно будет пройти под дулами их пушек, когда вздумает возвращаться в Европу.

Стоило лишний раз взглянуть на рейд, где покачивался этот кривой «Сен-Жан-Батист». На нем находился посланник короля. Само судно тщательно охраняется кораблями де Пейрака, что доказывает, что в настоящий момент граф является безусловным хозяином Тадуссака.

Иногда Анжелика задавала вопрос графу:

— Не означает ли жест мсье де Фронтенака, который из-за нас задерживает королевский корабль, то, что мы переоцениваем его как нашего союзника?

— Я считаю, что он должен капитулировать вместе с фанатиками, окружающими его, включая мадам де Кастель-Морга, полностью преданную отцу д'Оржевалю. Ее муж ведь является военным губернатором. Выдержим определенный срок. Время поможет решить нам этот вопрос.

Шлюпка доставила их обоих на берег. Их внимание привлекли Аристид и Жюльенна, которые, казалось, ждали их в порту. Бассомпье приютил их на борту своего корабля на ночь, а Тимоти был доверен Иоланде.

Эта несколько странная пара — Аристид и Жюльенна — была чем-то взволнована. Они твердо решили дожидаться своих спасителей. В нескольких шагах от них собралась группа любопытных. Подойдя немного ближе, Анжелика и Жофfrey смогли получше рассмотреть их. Аристид-Вспоротое Брюхо придумал

себе кличку сам, когда Анжелика зашила ему рану на животе. Дразнящая походка Жюльенны подчеркивала ее прелести даже сейчас, когда она просто ждала шлюпку, прохаживаясь рядом со своим мужем.

Когда шлюпка подошла к ним чуть ближе, они стали знаками приветствовать своих спасителей. Анжелика в ответ помахала рукой.

Жоффрей де Пейрак посмотрел на Анжелику, сидящую рядом с ним. Он увидел ее профиль, порозовевшие от утреннего холода щеки и догадался, что она не может сдержать улыбку, показывающую ее дружелюбие к этой паре, и что она рада вновь с ними встретиться.

— Вы любите их, несчастных, жалких, отверженных. Где вы приобрели этот талант привязывать их к себе, успокаивать их тайные страсти, усмирять их, как дрессировщик усмирять животных?

— Я понимаю их. Я... — Она хотела сказать: «Я делила их участь», но запнулась. В эту часть ее жизни он еще не был посвящен: «Двор чудес».

Тогда он смог бы понять, где источник того чувства, которое связывает ее с Жюльенной, так напоминающей Анжелике ее подругу парижского дна ля Полек, и что связывает ее с Аристидом, похожим на всех прочих негодяев. В любую минуту он мог обернуться бравым парнем.

— Это «ваши», — сказал де Пейрак, — но признайтесь, моя дорогая, что они еще более подозрительны, чем «мои».

— Да, и еще более живописны!

Они рассмеялись, как сообщники. Когда Анжелика и Жоффрей вышли на пляж, беглецы с «Сен-Жан-Батиста» бросились им в ноги. Они были, как дети. Снова повстречав сеньора де Пейрака и мадам Анжелику, они больше не беспокоились о своем

будущем. И потом, ведь Анжелика и граф направлялись в Квебек, что ж, и они туда поедут...

— Здесь так красиво, — сказала Жюльенна, осматривая окрестности. — Это напоминает мне мою родину на берегу реки Шеврез.

Жофfrey оставил их и направился к интенданту Карлону, ожидавшему его со страдальческим видом около кучи товаров. Анжелика решила познакомить Аристида и Жюльенну с мадемуазель Буржуа. Они узнали ее еще на корабле, когда матушка заступилась за пассажиров. Посейчас можно было добиться более дружеских отношений.

Анжелика поднялась по кособокому в сопровождении своего привычного эскорта: «девушек короля» и детей. Два испанских солдата и несколько других мужчин помогали девушкам нести корзины с бельем, посудой, домашней утварью — тазиками, мисками, деревянным ведерком с жидким мылом. Они хотели это утро посвятить купанью. Котенок завершал шествие.

В деревне они повстречали Катрин-Гертруду, которая несла на плече ведро. Она предложила Анжелике:

— Отведайте молока, я знаю, что вы его любите.

— Действительно, оно очень вкусное.

В Квебеке тоже должно быть молоко, и масло, и другие продукты, которых им так не хватало во время зимовки в Вапассу. Это представляет целое богатство, почти роскошь. Можно каждый день питаться молочными продуктами, как заведено в этой деревне.

По пути к лавке Виля д'Эвре Катрин-Гертруда рассказала, что ее муж погиб от руки ирокезов два года тому назад. Он возвращался домой с мехами, как вдруг с высокого утеса на него свалился индеец и вонзил свои острые зубы в затылок охотника. Канадец убил его, но место укуса оказалось зараженным, и ее муж умер от инфекции.

— Укус ирокеза равносителен укусу бешеной собаки. Он вносит яд в вашу кровь, — завершила свой рассказ Катрин.

Теперь она сама содержит ферму. Со смертью мужа мало что изменилось в хозяйстве. Теперь ее сыновья и зятья снабжают семью продовольствием и пушниной. Вдова не отказалась бы выйти замуж во второй раз, но предпочитает пока подождать. У нее и так хватает забот: дети, внуки, кузены. А что такое муж? Это еще одна обуза...

Наконец они подошли к магазину, где накануне их принимали, как дорогих гостей, и где Анжелика повстречалась с Маргаритой Буржуа. Монашка и сейчас находилась здесь с несколькими женщинами. Анжелика узнала в них пассажирок с «Сен-Жан-Батиста».

— Мсье де Пейрак посетил сегодня рано утром корабль, — поспешила объяснить мадемуазель Буржуа. — Он разрешил им сойти на берег, чтобы они привели себя в порядок и отдохнули. Ремонт корабля продвигается, и, наверное, скоро можно будет отправиться дальше. Пассажиры должны еще чуть-чуть подождать.

Анжелика поведала Маргарите Буржуа, как накануне, благодаря сведениям, которые сообщила матушка, они спасли пленников капитана Дюга.

— Вы можете поздравить себя: вы имеете таких могущественных друзей, — обратилась Буржуа к Аристиду, — Мне никогда не забыть благородного порыва мсье де Пейрака, когда он бросился вам на помощь. Вы, должно быть, очень почтенный человек, если внушили ему такую симпатию. — Она внимательно всмотрелась в бегающие глаза Аристида Бомаршана.

Несмотря на пережитые им лишения, Аристид не изменился внешне. Лицо его сохраняло неизгладимые черты, отражавшие все совершенные им преступления.

Такая жизнь была для него привычной, пока он не встретился с кораблем «Голдсборо».

— В этом вы ошибаетесь, матушка моя, это отъявленный бандит, — сказала Анжелика. — Наша первая встреча произошла таким образом, что мы должны были перерезать друг другу глотки. Но потом пришли к взаимопониманию.

— Я был ранен, а она зашила мне брюхо. — Аристид начал развязывать пояс. — Не желаете ли посмотреть на эту работу, сестра?

Мадемуазель Буржуа согласилась. Она залюбовалась швом.

— Это необыкновенно! Мсье Бомаршан, я повторяю то, что только что сказала: это необыкновенно! Вы — везучий человек. Вы повстречали такую замечательную сестру милосердия, когда получили эту ужасную рану. Кто же нанес вам этот удар? Дикий зверь?

Аристид в смущении бросил беглый взгляд на Анжелику.

— Война! — сказал он тоном фаталиста.

— Но теперь, как я вижу, вы остепенились. Я надеюсь, что, получив исцеление, вы задумались, как возблагодарить милосердного Бога, Аристид? Мой мизинец говорит мне, что вы не слишком усердно молитесь Богу.

— Это правда. Зато Жюльенна молится за двоих.

— Я привыкла молиться вместе с герцогиней, — объявила Жюльенна. — Я так много молилась, что этого должно хватить до конца жизни.

Тем временем к Анжелике подошел Виль д'Эвре и взял ее за локоть.

— Наконец-то выпал случай. Помните, я все жаловался, что нет у меня пажа-негра. И вот с неба ко мне свалился негритенок. В костюме из малинового сатина он будет очарователен. Он будет носить мой

саквояж, мои карты. Я буду иметь большой успех в Квебеке.

— Но он принадлежит разносчику Элиасу Кемптону!
— воскликнула Анжелика.

— Что? Этому англичанину? Он же еретик! Поэтому это не смущает меня. Я велю бросить его в тюрьму по прибытии в Квебек или продам какой-нибудь благодетельной семье. Там его окрестят и освободят от скверны.

— Крестить, обратить в католическую веру? Элиаса Кемптона? — повторила Анжелика. — Вы — безумец! Он истинный сын Коннектикута. Будучи ребенком, он с семьей последовал за проповедником Томасом Хукером. Они пересекли Аппалачи, чтобы основать Мадфорд. Вы об этом и не думайте!

— Я об этом думаю. Я работаю ради неба. Я хотел бы знать, кто мне мешает? Маленький негр станет моим.

У него был решительный вид. Анжелика знала, что если маркиз задумал заполучить какую-нибудь вещь, он не повернет назад. Она возмутилась:

— Пет, я вам пристаю. И знайте, если вы это сделаете, я не буду с вами разговаривать. Мы поссоримся на всю жизнь. И вам придется очень долго одному коротать вечера у своей облицованной плиты.

Маркиз увидел, что она говорит серьезно. Он не настаивал и раздосадованный, ушел. Мадемуазель Буржуа наблюдала за этой сценой с интересом.

— Видите, — сказала она Анжелике, — вы не согласны с нашим Господом Иисусом и его Церковью. Вас возмущает мысль о том, что можно спасти заблудшую душу и привести ее к истинной вере. Как с этим англичанином. Вы ведь беспокоитесь о здоровье и благополучии этих еретиков. Я вас отказываюсь понимать. Разве вечная жизнь для вас не имеет цены?

Анжелика уселась поудобнее и, помолчав, ответила:

— Конечно, вечная жизнь имеет свою цену. Но прежде чем отправиться в мир иной, нужно прожить эту жизнь как можно лучше, в согласии с окружающими. Разве не так?

— Но это не означает, что не нужно просвещать заблуждающиеся души. Говорят, что вы защищаете этого еретика-англичанина и покровительствуете ему?

Как ответить на это заявление, которое напоминает обвинение? Как объяснить этой монашке, что благородные взаимоотношения между людьми не противоречат вере в Бога?

Она вновь увидела образ Абигель с маленькой Элизабет на руках на унылом берегу Голдсборо. У Анжелики появилось желание рассказать об этой подруге дражайшей мадемуазель Буржуа — о малышке Элизабет, ребенке с целомудренным личиком — такие бывают на иконах. Неужели и она не имеет права просто жить?

Но она воздержалась и ограничилась двумя фразами.

— На берегах Акадии мы наблюдали жизнь протестантов. Это славные люди, они намерены мирно возделывать землю.

Мадемуазель Буржуа неуверенно возразила:

— Мы знаем другие отзывы. Отец д'Оржеваль писал нам о лихоимстве и ужасных репрессиях, которые чинили эти мошенники по отношению к индейцам, о том, что они подстрекают индейцев начать войну против нас.

— Скорее он сам разжигает войну! — не удержалась Анжелика.

Она мгновенно вспомнила то, что видела в Брансуик-Фолс.

— Как легко он извращает факты! Поверьте мне, он дал вам ложную информацию. Я собственными глазами

видела много кое-чего другого, — закончила она, еле сдерживаясь.

Она опустила голову, пытаясь успокоить свое волнение.

— Я знаю, что этот иезуит правит в Квебеке. Но не вы ли говорили мне, что Монреаль — это не Квебек?

— Что касается отца д'Оржеваля, — да! Но знайте, что отец д'Оржеваль является духовным отцом Новой Франции.

— Да, это фанатик! Если бы вы знали, какие ловушки строил он нам!

Маргарита Буржуа живо возразила:

— Что бы он ни делал, все это во имя добра. Он заботится о своих детях.

Анжелика сделала новое усилие, чтобы не утратить контроль над собой.

— Вы хотите сказать, что он защищал вас, своих детей, от врагов, то есть от нас? Но прошу вас, скажите, на каком основании вы считаете нас врагами?

— Разве не угрожаете вы Новой Франции, расположившись на королевской земле?

Анжелика хотела бросить ей в лицо резкие слова. Напомнить, что есть договор Бреда, скрепленный самим мсье де Трас-си, по которому эти земли переходят во владение Англии. Мадемуазель Буржуа была женщиной образованной и благородной. Она должна знать, о чем говорит. Пятнадцать лет жизни среди опасностей и угроз убедили ее в справедливости дела, которое она отстаивает.

— Англичан тысяч двести и столько же ирокезов. А нас, канадцев, едва ли наберется шесть тысяч. Если мы не будем яростно защищаться, они нас вытеснят.

Она говорила спокойно и убежденно. Анжелика никогда не испытывала подобной уверенности. Возбужденная, Анжелика поднялась и сделала несколько шагов. Сначала ей казалось, что все будет

просто. На дате же дискуссия свелась к вопросам королевской территории, Франции, церкви. Нужно было идти по другому пути, но для возвышенной натуры Анжелики это было невозможно. Она хотела установить сердечное взаимопонимание. Взаимная нежность, уважение, гуманная атмосфера успокаивают, разгоняют опасности, угрозы, страх.

Она снова подняла голову и улыбнулась женщине, сидящей у очага. Та с интересом рассматривала Анжелику. Жизненная сила и искренность, которые выражало это лицо, вызывали симпатию и доверие.

— Матушка Буржуа, оставим эти разговоры! Я уверена, что жизнь заставит нас укрепить дружбу, возникшую между нами. Позже мы узнаем, как нам избавиться от того, что нас разделяет.

Основательница маленького религиозного общества одобрительно кивнула головой и надолго погрузилась в свои мысли.

— Просто необходимо, чтобы вы встретились с отцом д'Оржевалем, — вдруг решительно заявила она. — Чем больше я вас узнаю, тем больше убеждаюсь в этом. Весь этот конфликт между нами возник из-за недоразумения. Когда вы поговорите со святым отцом, все наладится. Вы сможете его услышать и попятить.

— Я сомневаюсь в этом, — бросила Анжелика. Лицо ее помрачнело.

Она снова уселась.

— Хочу сознаться вам, что меня приводит в ужас мысль, что я предстану перед ним.

— Может быть, вы страшитесь его проникновенного взгляда, который увидит вашу беспокойную совесть?

Анжелика не ответила.

— Вы находитесь в состоянии душевного разлада, — внезапно заявила монашка.

— Может быть. Но временами такое испытывают все люди. А вы всегда уверены в себе!

Взгляд Анжелики упал на руки монашки. Она поймала себя на мысли о том, что мужские губы не касались этих трудолюбивых рук. Лицо мадемуазель не знало мужской ласки, хотя было миловидным. Годы уже стирали с лица былую, красоту. Перед глазами пронеслось пиление: бил в объятиях Жоффрея умирает от наслаждения под его поцелуями. Даже эта фантазия заставляет сердце биться сильнее. Ее щеки заалели.

Люди, которые находились рядом с ней, и те, которые будут на стороне ее врагов, и те, кого предстоит переубедить, — все это чужие люди, более чужие, чем ирокезы Уттаке. Точнее, это она была чужой среди них, другим существом, представителем другой расы.

Дьяволица в их глазах, даже сбросив свою маску, была бы для них более безопасной. Для них уже стало привычным постоянное противостояние между добром и злом. Но Анжелика и привлекала их, и пугала одновременно. Они предполагали, что она принесет им бурю.

Анжелика отложила на время свою работу и обратилась к Буржуа:

— Вы меня считаете колдуньей, какой-то обольстительницей?

— Нет, но вы, определенно, наделены силой очаровывать.

Она сказала это без ехидства, даже с оттенком зависти в голосе, как будто смягчаясь перед таким даром Анжелики. Еще раз Анжелике пришлось испытать чувство тревоги. Хотелось встать и куда-нибудь уйти. Она так сжала руки, что побелели суставы. Анжелика взглянула на сидящих вокруг нее людей, никого не замечая.

Ее возбуждение длилось не больше минуты. Снова к ней возвратилось спокойствие. Анжелика увидела, что монашка не так уже далека от истины. В чем она могла

упрекнуть себя? Разве она сама, Анжелика де Сансе дс Монтелу, была воспитана не в монастыре урсулинок в Пуату? Она тогда не могла знать ни жизни, ни света. Но даже в те времена она восставала, возмущалась, спорила. С высокой стены монастырского сада она видела, как к ней тайком пробирается влюбленный паж королевы. При этом воспоминании Анжелика рассмеялась.

Смех разрядил обстановку, присутствующие тоже рассмеялись. Будучи свидетелями спора между уважаемыми женщинами, они чувствовали себя не в своей тарелке.

— Значит, вы не рассердились на меня за мою откровенность? — спросила Маргарита Буржуа.

— Как же я могу сердиться! Вы, дорогая моя Маргарита, ничем не можете меня рассердить. Вы спасли медведя Виллоуби... Я вас буду любить всегда.

Глава 15

— Они корчат из себя принцев, — возмущенно говорил Карлон, — потому что им дали право охотиться и ловить рыбу, вот тебе и сеньоры! Но где же их вассалы, кто обрабатывал бы землю этих канадцев! Это пустой звук. Для них существует только одно — торговля! Создают законы: каждый восемнадцатилетний парень должен жениться, иначе будет оштрафован, А так как девушек здесь мало, их привозят, заплатив бешеную цену. Но ребята убегают в леса, для них предпочтительнее «бегать со спичкой» к молодым индианкам.

Интендант Карлон жестикулировал, разговаривая с Пейраком. Краем глаза он наблюдал за погрузкой товаров на борт «Голдсборо». Эти предназначавшиеся для запоздалого корабля товары купил граф де Пейрак. Здесь были доски, мачты, копченая и сушеная рыба, бочонки с соленой сельдью, жир морской свиньи и

моржа, ящики с мукой, мешки с горохом и фасолью, которая в Старом Свете заменяла бобы.

— Теперь на торговлю наложили столько запретов! — продолжал Карлон. — Нельзя даже алкоголь давать дикарям.

Но дудки! Они хотели плевать на этот закон! Для этого у них есть леса, не успеют им предъявить какой-нибудь иск или обвинение, они — гоп! — в лес!

— Нужно оставить несколько бочонков масла для «Мирабеллы», — решил он. — Правда, потом станут говорить, что я попридержал масло, а судну поэтому пришлось загрузиться гравием. Невероятная неразбериха. Никто не поймет там, наверху, сколько мне здесь пришлось вытерпеть.

Пейрак не мешал ему изливать душу. Этот человек ему нравился. Он ценил трезвость суждений интенданта, его предпринимательский ум, умение разбираться в экономических вопросах. Если бы он был английским гражданином, то благодаря этим своим качествам мог бы уже стоять во главе преуспевающей колонии.

Из-за неумелой экономической политики министра Кольбера и всего французского правительства в Тадуссаке почти не оставалось населения: кроме солдат, нескольких фермеров и ремесленников да пастуха, приказчика, кузнеца, охотников.

— Женщины ничего не могут поделывать, — продолжал Карлон. — Они тоже знакомы с охотничьей лихорадкой. Посмотрите туда, — он указал в сторону реки Сугеней.

Там скопилась целая флотилия каноэ. Шла торговля пушниной. С берега реки доносился радостный шум, жители с флягами водки бегали туда и сюда. У некоторых в руках был хлеб и разные безделушки.

Жофfrey де Пейрак рассматривал поселок, его бедные маленькие домики, элегантную часовню с

запертой на замок сокровищницей, оживленную торговлю на берегу.

Эти люди были очень деятельны. Их жизнелюбие и умение радоваться, несмотря на суровость, возможно, и составляли их очарование. Заметив, что граф улыбается, Карлон с горечью произнес:

— Я догадываюсь, о чем вы думаете. Что ж, и я думаю о том же. Корабли еще не загрузились товарами — а я думаю о своей прибыли. А вы рассчитываете положить свою прибыль в карман по прибытии в Новую Францию.

Глава 16

Анжелика познакомила «девушек короля» с мадемуазель Буржуа, надеясь, что та заинтересует их судьба.

— Это — девицы, нанятые по приказу мсье Кольбера для населения Канады. Они потерпел» кораблекрушение и познали много лишений. Не можете ли вы сделать что-нибудь для них?

Она коротко рассказала, как случай привел на берег в Мэн корабль, потерявший управление. Он разбился об утес недалеко от берега. «Голдсборо» взял на свой борт пострадавших. Теперь они сопровождают этих юных девушек в Квебек.

Мадемуазель Буржуа сочувственно покачала головой:

— Понимаете, это очень затруднительно, — сказала она.

— Вы говорите, что благодетельница, сопровождавшая их, погибла во время кораблекрушения и они лишились всякой поддержки. Что же они будут делать в Квебеке? Кто будет о них заботиться?

— А не займутся ли этим их мужья?

— Чтобы выйти замуж, нужно иметь приданое. А вы сами говорите, что королевская казна утеряна.

Мадемуазель Буржуа объяснила, в каких стесненных условиях живут они сами. Скучный бюджет не позволяет ей выделить приданое для этих девушек. Она не сможет даже вернуть их на родину на запоздавшем корабле. Даже для этого у нее не хватит средств.

- У нас было богатое приданое! — воскликнула Генриетта со слезами на глазах. — Около ста ливров ренты для каждой. А в нашем гардеробе было по три платка, шарфы, шляпа из тафты, зимнее манто, два платья.

Мадемуазель Буржуа оборвала перечисление:

— Довольно, ведь ваша казна под водой, малышка, что делать... А кто может поддержать ваше существование в Квебеке?

— А не могли бы вы устроить их в какой-нибудь религиозной общине, которых здесь множество? — вступилась Анжелика.

— На службу можно устроить. Но кормить? Продукты питания строго рассчитаны на каждого члена общины, очень точно. Когда выдается суровая зима, продуктов не хватает. До весны не приходится ожидать помощи и от благодетелей из Франции. Если у них есть рекомендательные письма, то мсье губернатор или интендант смогут еще раздобыть им мешок муки и гороха из складских запасов. Но нужно, чтобы их покровителем был человек очень высокого ранга и внушал бы

доверие губернатору.

— А вы сами не поможете найти местечко хотя бы для нескольких девушек? Вы жаловались, что не хватает наемных...

— Это правда! Но, увы, у меня тоже затруднения с финансами.

Она объяснила, как скудны оставшиеся фонды.

Слушая ее, Анжелика поняла, до какой степени важно этим бедняжкам иметь высокую поддержку и покровителя, чтобы остаться жить в этой стране.

Анжелика уже привыкла жить с богатым сеньором, каким был Жоффрей де Пейрак. Он не рассчитывал ни на чью помощь, кроме собственного труда и доходов от предприятий, но не оставался равнодушным к шикарнейшей жизни и охотно перенимал иностранные новшества. Он не ограничивал своих желаний. Многие здесь еще зависели от обстановки в колониях, где война требовала больших расходов. Она вспомнила, что говорил ей Жоффрей по поводу мсье Кантона: лишенный поддержки, тот обрадовался, что устроился в Голдсборо сборщиком налогов и пожертвований.

Жоффрей с его знаниями и гибким умом сумел сразу определить, что ожидает этих девиц. Он понял, что власти в Канаде будут расценивать их как обузу, будут считать их лишними ртами, которые надо кормить.

Жизнь сурова. Нужно защищать себя и все оплачивать. Нужно выражать безоговорочное послушание, проявлять милосердие. Монашеские общины чувствовали себя, как заключенные. Они должны неусыпно следить, чтобы их не застигли врасплох, не погубили бы всю общину целиком.

— Мы могли бы вам помочь, — предложила Анжелика. — Верьте мне, эти деньги не от дьявола.

— Я в этом убеждена, но вопрос в другом.

— Вы боитесь, что на вас косо посмотрят, узнав, что вы приняли дар от этого независимого сеньора с подозрительной репутацией?

— Нет, дело не в этом. Но я не могу отказаться от того, что было сказано об этой зиме. У меня имеется место только для трех девушек, которых я могу устроить в общину. Но взваливать на себя заботу обо всех — это свыше моих сил.

Она рассуждала мудро, и Анжелика с ней согласилась.

— Я предупреждаю и вас самих, — продолжала мадемуазель Буржуа. — Вы понесли уже большие расходы, чтобы спасти и привезти сюда этих девушек, которые для вас никто.

Ясно, что вам не возвратят, не восстановят затрат.

— Это будет уже не первая инвестиция, которую мы вкладываем в Новой Франции, — проговорила Анжелика со смехом.

— Однако я думаю, — сказала мадемуазель Буржуа, — что вопрос этот мог быть разрешен, сети бы их благодетельница застраховала корабль со своим имуществом. Это могло бы явиться поручительством в Квебеке.

— Я не знаю.

— Мы обдумаем все это, — сказала мадемуазель Буржуа.

— А теперь начнем стирать белье.

На берегу реки Сугеней, куда морской прибой приносит водоросли — приманку для птиц, торговцы и индейцы разгружали барки. Жадные руки людей подхватывали морской урожай и шкуры зверей: коричневый бобровый мех, выдру, соболий мех, куницу, ласку, чей мех доходил до белого цвета. Белые шкурки ценились вдвое дороже.

Индейцы и северные охотники спешили в Тадуссак в надежде продать мех подороже на корабли, которые будут отправляться в Европу до заморозков.

Один из охотников, разгрузив товар, поднимался по косогору. Он шел против света, но его улыбка показалась знакомой Анжелике. Когда он сделал еще несколько шагов, мадемуазель Буржуа и Анжелика одновременно узнали его:

— Элуа! — воскликнула одна.

— Макколе! — добавила другая.

— О, как прекрасно, что тебя встречают такие очаровательные дамы! — откликнулся он.

Это был действительно старина Макколе, пропеченный, словно яблоко на солнце, и высушенный лесным воздухом. Он был похож на индейца в своей меховой шапке. На лице цвета меди его смеющиеся глаза казались выцветшими. Он был прямой, тонкий, быстрый в движениях, которые не сковывала одежда на индейский манер. Долгий путь, который начался весной в Кеннебеке, заканчивался осенью в Тадуссаке. Казалось, он его совсем не утомил.

Онорина с радостью встретила его. Будто предупрежденные по невидимым проводам, жители поселка сбежались к ним.

Анжелика рассказала присутствующим, что Элуа Макколе зимовал вместе с ними в их крепости Вапассу и каким полезным для них оказались его изобретательность и веселый характер.

— О, нужно было видеть эту зимовку, — сказал Макколе.

— Послушайте, люди добрые, мы вместе перенесли оспу и остались живы. Это просто чудо!

Анжелика боялась, что такое чудо может им навредить в глазах окружающих, и постаралась восстановить истину. Она сказала, что в конце концов это оказалась не черная оспа, иссушая смерть, а ветряная, или красная лихорадка. По людям понравился первый вариант.

— А как мы встретили Новый год! Там было все прекрасно, как у мсье губернатора, во дворце Сен-Луи. На столе было золото!

— А какой ты был милый, Макколе, в жилете, с цветами и в парике, — напомнила Онорина.

— Ваша невестка будет рада вас увидеть, — заверила его мадемуазель Буржуа.

— Что ты мне принес с гор, парень? — спросил Кариллон.

— Медведя, дедушка. Я убил его вчера у озера Сен-Поль.

Он внизу, на берегу, Мои горцы его разделяют. Скоро вы будете варить медвежатину в котле и сможете отведать жирных почек, как в добрые старые времена.

— Кроме Кариллона, никто не называет меня парнем, — объяснил Макколе, повернувшись к Анжелике. — Да я и был таким, когда он впервые отпустил меня на охоту к ирокезам.

У него тогда уже была борода. Когда я начинал самостоятельный путь, он выглядел таким же. А я для него всегда парень, хотя теперь он выглядит моложе меня. Мне скоро исполнится шестьдесят лет, а я скальпирован и лишился передних зубов.

У меня их выдрали ирокезы, чтобы сделать себе амулет. Но вообще-то я не очень стар. Не верите — спросите у дам.

Люди, перекликаясь друге другом, пошли к реке Сугеней, чтобы посмотреть на трофеи Макколе.

— Вы видели скобяные товары старины Элуа? Какая добыча! И где он раздобыл деньги для такого товара? Неудивительно, что этот шалопай сможет купить самые лучшие шкуры.

— И епископ не сможет ничего сказать, — шепнул гордо Макколе. — Я и сам малость спекулировал водкой у дикарей, которой снабжался из магазинов Жоффрея де Пейрака в Кеннебске.

— Ане ухаживал ли он за дикарьками? — спросила Буржуа Анжелику.

— Никогда. Я вижу, что вы его отлично знаете. Однажды наши наемники сказали, что был такой случай. Вы ведь знаете, что мы нанесли плутов и мошенников, спасая их этим от голода и холода. Они

заявили, что Макколе отправился на поиски счастья к индианочкам в соседнее селение. А больше такого с ним никогда не случилось.

— Бандит! — снисходительно сказала матушка. — Жаль, что сын на тебя не похож. Сидони терзает себя. Такой пары свет еще не видывал.

— Не напоминайте мне о них, — проворчал Макколе. — Она устроит мне темную.

— Не мешало бы тебе поздороваться со своими детьми.

Мне кажется, что за два года, со времени своего отъезда, ты ни разу о них не вспомнил.

— Конечно, она зловредная, как лишай.

— Вовсе не так. Она болеет, страдает.

— О чем, я вас спрашиваю. Это поколение девиц жадное.

Они требуют только удобств. Когда-то мы попали к ирокезам.

Они живут только охотой. Они рыщут по палям и лесам целый день, не зная, вернутся ли вечером домой. Ах, матушка Буржуа, мы оба, вы помните... А у моей невестки есть все: покой, ферма, поля, стадо. Что ей еще нужно?

— Она любит.

— Да нет, это не так. Скоро мы узнаем, что она выгнала своего супруга.

— Я не это хотела сказать, — проговорила озабоченная мать Буржуа и вздохнула.

Глава 17

Однажды утром маркиз Виль д'Эвре подошел к Анжелике с лукавым видом и увел ее в сторону. Она была уверена, что он поведет речь о своих мехах или бочонках вина, которые уже сидели у нее в печенках. Но он обманул ее ожидания:

— Вы не знаете, что случилось с графом де Варанжем?

У Анжелики сильнее забилося сердце... К счастью для Анжелики, преступление, ознаменовавшее их вступление на канадскую землю, совершенно вылетело у нее из памяти. Но ей понадобилась доля секунды, чтобы вспомнить ту трагедию и выразить удивление:

— Что вы хотите этим сказать? Варанж?

Виль д'Эвре кольнул ее взглядом. Но она уже обрела свое хладнокровие и, казалось, искренне не понимала, о чем идет речь.

— Да, вы что-то говорили мне о нем, кажется, — а почему он вас интересует?

Анжелика сдвинула брови, как будто желая вспомнить.

— Я уверен, что вы сказали, будто слышали о нем.

— От кого?

— Возможно, от герцогини или от Балльер.

— Я не помню точно. И я хотела бы узнать о нем. Мне следует сориентироваться, как вести себя в Квебеке?

— Вы больше не будете иметь дела с ним.

— Почему же?

— Потому что он исчез.

— Ах!

— Не так давно он отправился побродить по Тадуссаку, — шепнул маркиз, наклонившись к Анжелике. — Он плыл вниз по течению от Квебека на огромной барке со своим слугой. Он хотел понаблюдать за браконьерами и за торговлей спиртным. Но он так лавировал по реке, что казалось, что он кого-то ищет. Вы не можете мне сказать, кого?

— Я? Вы бредите!

Он поставил ее в затруднительное положение своим любопытством и инквизиторским тоном. Но она выдержала экзамен, слушая сто равнодушно, и рассеяла его подозрения. Маркиз отстранился от нее и, оглянувшись кругом, проговорил:

— Что же он мог здесь делать?

— Несомненно, вы узнаете об этом в Квебеке.

— Разве я его там найду? — упрямо спросил маркиз, устремив на нее такой взгляд, что Анжелика едва не потеряла самообладание.

— Почему же нет?

— Потому что он исчез... говорю я вам, вместе со своим слугой.

— Черт возьми, да он уже, наверное, вернулся в Квебек со своей баркой и со своим слугой.

— Нет, потому что барку нашли... пустой. — Он указал в сторону горизонта, на другой берег Святого Лаврентия. — Там, в бухте Кри-оз-уа (Птичий Крик). Но от людей не осталось никаких следов.

Анжелика сделала неопределенный жест.

— Меня, во всяком случае, это мало трогает. Вы мне говорили, что это был наш враг. Хорошо и то, что мы его не встретим в Квебеке... А теперь, дорогой маркиз, что вы намерены делать этим утром? Я должна пойти по приглашению в дом священника.

— Как вы можете поддерживать знакомство с этим самогонщиком?

— Мне хочется помочь Аристиду в улучшении его рома. У кюре заготовлены листья и недозрелые плоды дикой вишни. Они придают особый вкус и делают безвредным напиток. Мы сейчас попробуем его. Как видите, мы и в Тадуссаке верны своим обычаям.

— Однако в воздухе пахнет отъездом... Чего ждать? Чтобы «Мирабелла», королевский корабль со своими тридцатью пушками приплыл сюда? Или чтобы посланник короля, находящийся на тонущем судне, явился к нам?

— Этот посланец короля — трус...

— А может быть, его и нет. Так проводите же меня, скорее, маркиз!

Виль д'Эвре раздумывал. Но вдруг он увидел Жоффрея де Пейрака, который возвращался на «Голдсборо», и решил составить ему компанию. Кроме того, у него была идея, для осуществления которой наступило подходящее время.

Маркиз покинул Анжелику и пошел к шлюпке. Он сразу же заговорил с графом:

— Дорогой друг! Вот уже несколько дней меня беспокоит один вопрос. Я убежден в том, что на борту «Сен-Жан-Батиста»

находится курьер мадемуазель д'Оредан...

Глава 18

Жоффрей де Пейрак с берега смотрел на Тадуссак. Поселок предстал перед его глазами, как картина, которую постепенно разворачивали, чтобы можно было полюбоваться ею целиком: от возвышенности у реки Сугеней до другого конца, где лес, казалось, стоял в воде. Можно было увидеть определенный порядок в расположении домиков и хижин. Слева виднелся форт. Над ним развевался «флаг с лилиями. В центре — церковь. Внизу портовые склады-магазины; большая ферма, огороженная забором из серого камин, высилась на косогоре на фоне леса.

К ней-то и направлялась Анжелика. Он увидел, как проворно она шагает в сопровождении мадемуазель Буржуа и Жюльенны. За ними следовал Куасси-Ба. До сих пор он находился на судне, чтобы не испугать местных жителей своим видом. Когда же его представил Макколе, его товарищ по зимовке, он был радушно принят на берегу.

Гуськом шествовали «девушки короля» с послушницами матушки Буржуа.

В этот день на берег сошел и Кантор со своей росомахой, что случалось редко.

Шлюпка отчалила, и удаляющийся поселок стал похож на взъерошенного зверя. Казалось, большой

сверкающий ком готов скатиться, подпрыгивая и забавляясь испугом детей. В кристальном воздухе эхом раздавались голоса женщин, смех детей.

— Вот какое дело, — продолжал Виль д'Эвре. — Мадемуазель д'Оредан — моя соседка в Квебеке. Она будет и вашей соседкой, поскольку я уступлю для размещения вам свой дом.

Она вдова известного офицера, который десять лет назад прибыл сюда с полком Кариньяна-Сальера, и очаровательная женщина. Он был убит на войне, которую вел против ирокезов маркиз де Траси.

Она такая же, как и я. Ей нравится Квебек. А иначе как бы она нашла мужество предпринять новую поездку по Новой Франции, рискуя пожертвовать свою шевелюру ирокезам или умереть от голода и холода, лишь бы снова увидеть эту местность, и поэтому пустилась в обратное плавание на корабле по океану. Вы слушаете меня, дорогой граф?

— Очень внимательно.

— Нет, вы смотрите туда, на Нее. Ах, вот она растаяла за поворотом дороги... Я могу продолжать. Я уже говорил вам, что мадам д'Оредан живет в Канаде. В настоящее время она совсем утратила силы, очень редко подымается с постели, но много пишет. Ее главный корреспондент — вдова польского короля Казимира. Нет, речь идет не о Марии-Луизе де Гонзага, его первой жене. Она умерла, как вы знаете, десять лет назад. Это привело короля в такое отчаяние, что он отрекся от короны и решил посвятить себя религии — стал аббатом в Сен-Жан-де-Пре. Та, о ком я говорил, подруга мадам д'Оредан, его вторая жена. Он бы женился на ней официально, если бы не запрет церковного закона. Ее называют красавицей Герберой, потому что когда-то она торговала травами. Травами да и еще кое-чем. Она многократно выходила замуж за знатных вельмож, последовательно становясь их

наследницей. Так — от вдовства к новому вдовству — она была принята во дворе, добралась до польского короля, который, в свою очередь, оставил ее вдовой. На этот раз она поднялась на вершину славы. Вся эта история доказывает, что она не глупа, и поэтому мадам д'Оредан поддерживает связь с этой дамой. Они пишут друг другу один раз в неделю. За зиму собирается шкатулка с письмами, и эту почту мы пересылаем на кораблях. Вот и сейчас шкатулка с письмами у капитана на корабле «Сен-Жан-Батист». А так как капитан Дюга отъявленный мошенник, то меня беспокоит судьба писем. Если я привезу шкатулку сам и отдам ее Клео, та будет в восхищении.

— Если я вас правильно понял, вы желаете отправиться на шлюпке на судно, чтобы спасти шкатулку с письмами?

— Точно! Я хотел бы посоревноваться с этими крепкими молодцами, которые нас сопровождают.

— Конечно!

Пейрак отдал приказ матросам. Они развернули шлюпку и дружно заработали веслами. Пейрак засмеялся, глядя на удаляющуюся вторую шлюпку с маркизом де Вилем д'Эвре. Румяное лицо маркиза светилось самодовольством.

— Договорились. Вы мне даете полную свободу действий?

— выкрикнул маркиз.

— Да, дорогой маркиз. Но без кровопролития.

Пейрак продолжал наблюдать за берегом. Он взял подзорную трубу.

Был тихий час. Только что закончилась генеральная проверка всех кораблей. Можно отдохнуть. Он мечтал о Ней, как путник в жаркий день мечтает о раскидистом дереве. В глубине его памяти всплывали минуты, когда он как бы выходил в разведку в новую область, чуть-чуть удаленную, чуть-чуть опасную и пугающую.

«Нужно нам все-таки поближе узнать друг друга, любовь моя... Время проходит, жизнь течет, а среди ее горечи и радости, предоставленных нам, ты рядом, здесь. Ты снова появилась. В моей памяти твое лицо проплывает мимо и вновь возвращается в мою жизнь, переполненную приключениями, как сон, исполненный наслаждения и опьяняющей боли. Любовь моя!»

Он развлекался, рассматривая большой дом на косогоре, куда вошла Анжелика. Он радовался, как юноша, когда она появлялась издалека. Он любовался ее летящей походкой, грациозными движениями.

«Даже с такого далекого расстояния она может свести с ума мужчину. Зачем ей нужны хорошие отношения с этим виноделом-кюре? Чтобы улучшить водку Аристида! Ты ни в чем не сомневаешься, душечка! — Он усмехнулся про себя. — Тем не менее все может быть... Свет моей жизни, ты — моя».

Прошло немного времени.

Виль д'Эвре должен был уже завершить то, что он задумал. Граф де Пейрак снова услышал его голос. Шлюпка уже возвратилась.

— Он у меня! — кричал маркиз, держа в руках сундучок. — Видите, я знаю мир. Клео будет обрадована.

Пейрак слегка наклонился и рассмотрел на дне лодки четыре бочонка. Честно говоря, это было для него сюрпризом.

— Что это такое? — спросил он, указывая на бочонки.

— Это?.. Но, дорогой друг, разве вы не дали мне свободу действий? И когда я случайно увидел этот винный груз, я не решился оставлять такой нектар в руках мошенников. Жаль, что мне некуда было погрузить все вино.

Помолчав, он добавил:

— Вообще-то вас обвиняют в стольких авантюрах, что немного больше, немного меньше — уже не имеет значения. А

в ожидании обвинений мы на славу погуляем. Что я должен делать с этим вином?

— Ну что ж, маркиз, один из них отнесите на мой корабль. Когда стемнеет, мы сто откупорим и разопьем с друзьями. А остальные бочонки пусть отправляются на ваш корабль.

— Граф! Вы самый надежный и самый экстравагантный друг! Я еще не встречал таких людей. Благодарю вас тысячу раз. Кстати, я застал Дюга в плачевном состоянии. От него осталась лишь тень. Говорят, что его отравили. Я полагаю, что вы должны быть более снисходительны к нему. Кроме того, я заметил там одного дворянина приятной наружности, который хотел скрыться от меня. Если это посланник короля, то не применить ли нам политику ослабленной узды? Разрешите завтра ему сойти на берег. Ведь «Сен-Жан-Батист» отправится в путь не раньше, чем мы получим известие из Квебека.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ГЛАШАТАЙ КОРОЛЯ

Глава 19

Анжелика увидела, что граф де Пейрак быстро пронесся по палубе, перескакивая через ступеньки лестницы. Здесь, на полюте, уже собрались люди: граф д'Урвилль, капитан, Ванно, Виль д'Эвре и другие.

— Что там происходит? — спросила Анжелика.

Виль д'Эвре бросил ей:

— Онорина на корабле...

— На каком корабле?

— «Сен-Жан-Батисте».

Анжелика, в свою очередь, перескочила через мостик и очутилась среди окружавших графа де Пейрака людей. Пейрак опустил подзорную трубу.

— Без сомнения, это она. Она на борту корабля. Посмотрите!

В увеличительные линзы Анжелика разглядела корабль по частям. Она различила сваленные в беспорядке грузы, немного в отдалении силуэты каких-то людей, шляпы с перьями, принадлежащие, видимо, офицерам, сопровождавшим посланника короля. Затем среди них... вне всякого сомнения:

— Это она! Это она! Я узнаю ее зеленый капор. Сегодня утром я надела ей этот капор, когда мы ходили прогуляться.

Ошеломленная Анжелика опустила руки.

— Ее похитили, — заявил кто-то.

Был воскресный день. В это утро все экипажи кораблей де Пейрака отправились в церковь, на мессу. Туда же были приглашены пассажиры «Сен-Жан-Батиста». Нигде не было видно представителя короля. Правда, некоторые пассажиры, спасаясь от холода, закутались наглухо в манти и до самого носа натянули высокие шляпы, так что их лица было трудно различить. Жители поселка, индейцы и охотники, спустившиеся с гор, представляли собой огромную толпу, которая хлынула в маленькую часовню, колокол которой призывно звонил в морозном воздухе.

В полдень состоялось богослужение. Онорине разрешили снять капор. Анжелика отпустила детей под присмотром их обычных гувернеров. На берегу резвились стар и млад. Безудержное веселье овладело всеми, особенно когда Жоффрей де Пейрак приказал раздать жителям корзинки с табаком, стеклянные стаканы и искусственный жемчуг, которым индейцы расшивали свою праздничную одежду. Анжелика вернулась на «Голдсборо», чтобы переодеться и немного отдохнуть.

Туда и сюда быстро сновал и ялики, барки, каноэ, перевозя людей с кораблей на берег и обратно.

В то время, когда Анжелика готовилась отправиться на берег, она заметила возбуждение публики и услышала, как Виль д'Эвре крикнул ей: «Онорина на корабле!»

Онорина на корабле «Сен-Жан-Батист»! Ее похитил экипаж мошенников!

Граф де Пейрак снова взял подзорную трубу и начал внимательно вглядываться.

— Я узнаю Иоланду, она только что показалась. Она внушительная женщина, ее нетрудно различить и невооруженным глазом. А голубое пятно рядом с ней — это Адемар.

Керубино, наверняка, тоже там, но его закрывает высокий борт.

— Мой сын угодил в лапы бандитов! — воскликнул Виль д'Эвре. — Мы погибли. Зачем, граф, вы вчера их ограбили, забрав бургундские вина? Теперь они нам отомстят!

Интендант Карлон вмешался в их разговор:

— Дорогой мой, напоминаю, что вина грабили вы, а не граф. Я слышал, как вы хвастались своей добычей. Несмотря на мои советы...

— Конечно! Но не следовало позволять им сходить на берег.

— О, маркиз! Я своими ушами слышал, как вы давали графу совет применить политику ослабленной узды...

— Граф де Пейрак мог бы меня и не послушать.

— Прекратите пререкания, — сказал Пейрак. — Зло совершилось. Нужно принимать меры. Мсье Карлон, вы как интендант Новой Франции можете оказаться мне полезным.

— Я к вашим услугам, — заявил королевский чиновник.

Его тон выражал искреннее расположение. Было видно, что он по-настоящему беспокоится за детей. Это

взволновало Анжелику. В этот момент ее симпатии были на его стороне.

— Они ни за что не разрешат нам подняться на их корабль, а малышей используют как заложников, — сказал Виль д'Эвре. — Бедные наши дети! С нас потребуют колоссальный выкуп. Мне знаком этот Дюга! Он способен на все! Где же они? Боже мой, я их не вижу!

Анжелика выхватила у маркиза подзорную трубу. Она могла подтвердить, что группа, которую они только что наблюдали, скрылась. Палуба опустела.

— Они их бросили в воду! — вскричал Виль д'Эвре. Он начал стягивать с себя редингот, намереваясь броситься в воду в коротких брюках и жилете. Его удержали.

— Успокойтесь, — сказал граф, — мы сейчас спустим на воду шлюпку. На ней мы доплывем до корабля быстрее, чем вплавь. Пожалуйста, маркиз, не теряйте хладнокровия.

Он быстро убрал свою подзорную трубу и, сопровождаемый охраной, направился к шлюпке, которую уже отвязывали матросы. К счастью, одна шлюпка осталась на корабле, остальные увезли людей на праздник.

Виль д'Эвре разговаривал сам с собой, спускаясь в шлюпку по веревочной лестнице: «Я сошлю их на галеры, я велю их расстрелять. Украсть моего сына! Они потребуют от меня все мое состояние... Тем хуже, я заплачу, но пусть они не ждут пощады!»

Анжелика старалась не сходить с ума. «Сен-Жан-Батист» окружен хорошо вооруженным флотом. Они не решатся на крайние меры. Но как же все это случилось? К каким уверткам они прибегли, чтобы похитить двух детей, которым всегда внушали недоверие к чужим людям? И при детях были опекавшие их Иоланда и Адемар! Может, они насильно затащили их? Но по

отношению к Иоланде это невозможно. У этого голодающего экипажа маловато сил, чтобы погрузить насильно Иоланду на судно. Тогда..? Не всели равно. Будет еще время поговорить об этом, если они найдут их целыми и невредимыми.

Анжелика заметила, что Пейрак вместе с охраной направляется к лодке. Все матросы были хорошо вооружены. Он повернулся к ней:

— Я отправляюсь первым.

— Я хочу вас сопровождать.

— Будьте терпеливы. Нельзя, чтобы мы вместе оказались в руках бандитов. Если все кончится неудачей, вы тотчас последуете за мной. Я послал сигнал на берег, чтобы все шлюпки немедленно собрались к «Голдсборо». На одной из них приплывете и вы с д'Урвиллем и его людьми. Не забудьте пистолеты для себя и для маркиза. Кроме того, на берегу объявлена тревога. Все люди с «Сен-Жан-Батиста» арестованы и не смогут явиться на борт своего корабля.

Жоффрей де Пейрак говорил спокойно.

«Но он всегда спокоен, когда дела плохи», — сказала себе Анжелика, вспомнив безмятежность Жоффрея перед фортом Катарунк, где их окружили с боевыми кличами ирокезы.

Она, должно быть, была мертвенно бледной. Граф положил ей ладонь на запястье. Это пожатие вернуло ей уверенность.

— Терпение, дорогая! Вы сразу же поплывете за мной, и мы вместе сумеем показать бандитам, что их удар был плохо продуман. Они не должны почувствовать, какую глубокую рану они нам нанести.

Слабая улыбка скользнула по ее лицу.

— Я понимаю вас. Я готова.

— Смелее! — повторил он. — Мне нужны вы и ваше хладнокровие. Ведь когда речь идет о жизни вашей

дочери, вы проявите его не меньше, чем в тот вечер, когда речь шла о жизни вашего мужа?

— Нет, — проговорила она. — Но она... она... такая маленькая.

Она заметила, как исказилось лицо Жоффрея, и поняла, как он переживает за судьбу их дорогого ребенка. Он резко отвернулся и, сдвинув брови, стал спускаться в лодку. Где-то в стороне слышались команды.

— Внимание!

Пушку повернули в сторону «Сен-Жан-Батиста», другая была направлена на берег.

И вот снова стали ясно видны вдали цветные пятна: капоры детей, белый чепец Иоланды, Адемар. Когда шлюпка подошла к кораблю, все столпились у борта.

— Они принесут нам их тела, — простонал Виль д'Эвре.

— Да нет, я хорошо вижу, что они живы, — возразила Анжелика, внимательно следившая за приближением шлюпки к чужому кораблю.

Тиски, которые сжимали ей сердце, начали отпускать его.

Все это было странно. Насколько можно было рассмотреть с такого расстояния, похищенные не чувствовали себя заключенными, они не боялись опасности.

Шлюпка, приняв пассажиров, повернула назад. Казалось, что они возвращаются после праздничной прогулки. Видно было, как Онорина и Керубино плещутся в воде и это их очень развлекает. А Иоланда и Адемар спокойно разговаривают с экипажем.

— Кнотом бы исхлестать этих медлительных гребцов, — потерял терпение Виль д'Эвре. — Они гребут, как будто отправились на прогулку по озеру. Они не понимают того, что мы здесь умираем от беспокойства.

Анжелика пришла в себя при виде приближающейся к кораблю шлюпки. Но в родительском сердце беспокойство сменилось яростью.

Онорина и Керубино взобрались на палубу, навстречу им протянулись дрожащие руки. Физиономии ожидавших их людей говорили, что наступил серьезный момент. Онорину это нисколько не беспокоило. Она знала, что ее авторитет больше, чем авторитет Иоланды и Адемара. Кстати, они тоже показались на палубе и, понимая, что им достанется на орехи, обменялись тревожными взглядами.

— Откуда вы прибыли, мадемуазель? — обратилась Анжелика к Онорине.

Та посмотрела на нее снисходительно. Вопрос показался ей излишним: ведь они знают, что она прибыла с «Сен-Жан-Батиста», и потом, все ведь наблюдали за ними в подзорную трубу. Онорина уже обратила внимание на то, что взрослые люди любят подчеркивать очевидное, с другой стороны, она знала, что никто на борту, включая и ее, не смеет возражать хозяину флота, графу де Пейраку. Поэтому быстрым жестом она указала на чужой корабль.

— С корабля «Сен-Жан-Батист», — повторил де Пейрак.

— Можете ли вы объяснить мне, по каким соображениям допустили вы оплошность, поднявшись на борт этого корабля без нашего позволения?

— Потому что я была приглашена туда на легкий завтрак.

— В самом деле? Кем?

— Одним из моих друзей, — с гордостью заявила девочка.

Она была настолько забавной, подчеркивая свою обиду, что Пейрак не сдержал улыбку. Потом поднял девочку и крепко прижал ее к груди.

— Золотце мое, — сказал он прерывающимся голосом, — но какая неосторожность! Ведь могли же вы подумать, прежде чем принимать приглашение, что у нас имеются враги на этом корабле, что они могли бы отомстить мне, причинив вред вам.

Вы доставили вашей матери и мне смертельное беспокойство.

Онорина удивленно посмотрела на него.

— Значит, это правда, — воскликнула она, — ты переживал за меня?

— Конечно, мадемуазель. Ах, пожалуйста, больше никогда не повторяйте подобного! Знайте, что если с вами случится несчастье, мое сердце будет разбито.

Никакие другие слова не могли привести Онорину в большой восторг. Она пристально посмотрела в глаза де Пейрака, чтобы удостовериться в правдивости его слов, а затем обняла его своими маленькими ручками, прижавшись щекой к его щеке со шрамом, и горячо зашептала:

— Извините меня, отец, извините!

Керубино, видя, что Онорину простили и что все налаживается как нельзя лучше, бросился к Анжелике. Ей не оставалось ничего другого, как обнять этого маленького шалунишку и наградить его поцелуем прощения.

— Просите прощения у вашего отца, — подсказала она ему, подталкивая к маркизу, который плакал как ребенок, переживая запоздалый страх.

Никогда до этого дня он не понимал, насколько дорог ему этот маленький человечек. Керубино был готов обнять весь свет; хотя он не совсем понимал смысла происходящего, но радовался от всего сердца.

— Мсье Виль д'Эвре готов был броситься за вами вплавь, без лодки, — сказала Анжелика Онорине.

— Правда?! — воскликнула юная мадемуазель, приходя все в больший восторг.

Она соскользнула с рук де Пейрака, чтобы обнять Виля д'Эвре, затем по очереди подходила ко всем собравшимся, убеждаясь, как велик был страх за их жизнь.

Анжелика улыбнулась Пейраку:

— Вы любите ее больше, чем меня.

— Она такая женственная, — сказал он, опустив голову.

— Она очаровывает мое сердце.

Он взял руку Анжелики и поцеловал ее.

— В ее лице вы подарили мне восхитительное сокровище.

А теперь снова возьмите мое сердце.

— Да, я беру его, — прошептала она.

Наконец она ощутила, что кровь ее снова пришла в движение. Она овладела собой.

— А сейчас я желала бы задать вопрос этим двум фанфаронам, — обратилась она к Иоланде и Адемару. — Вы что, оба потеряли голову? Вы увлеклись торговлей мехами или перепились? Почему вы спокойно отправились на «Сен-Жан-Батист»? Разве вы не знали, что капитан этого корабля является нашим врагом? Три дня тому назад он чуть было не утопил Жюльенну и Аристида, а сегодня вы соглашаетесь позавтракать у него.

— Да, мадам, вы правы, — зарыдала Иоланда, закрываясь своим фартуком. — Побейте меня. Я этого заслуживаю сто раз!

— Да, мадам графиня, побейте нас, — поддержал ее Адемар, подставляя щеку. — Я — дурак. Я совсем не подумал...

Этот дворянин производил впечатление честного человека.

— Какой дворянин?

— Не браните мою Иоланду, — вмешалась в разговор Онорина, желая защитить своих фаворитов. —

Это я так захотела.

— Это не оправдание, — запротестовала Анжелика. — Если вас, взрослых простофиль, дети так легко обвели вокруг пальца, значит, от вас можно ждать еще худшего. Где Эббиэл Нильс? — заволновалась Анжелика, заметив, что маленький швед отсутствует, хотя он обычно был верным спутником детей. — Разве его задержали на борту «Сен-Жан-Батиста»?

— Нет, — объяснила Онорина, — этот дурачок не пошел с нами.

— Нет, это он умница! Знайте, мадемуазель, я хотела бы, чтобы и вы были такой же рассудительной, как он. Я уверена,

что он даже уговаривал вас не принимать это приглашение, а вы не послушались его совета. За свое огорчение он будет вознагражден, а вы будете наказаны.

Онорина опустила голову. Она знала, что Анжелика не Жофfrey де Пейрак и ее не так просто обезоружить. Она вздохнула и начала что-то искать в кармане своей юбки.

Анжелика вновь обратилась к Иоланде и Адемару:

— Объяснитесь. Я хочу знать точно, что именно случилось и как вы попали на тот корабль?

Иоланда в знак раскаяния опустилась на колени, Адемар из солидарности последовал ее примеру. Он сбивчиво начал рассказывать, как они увлеклись торговлей. Иоланда продала даже свои коралловые серьги, которые ее бабушка привезла из провинции Ниверне; Иоланда мечтала блистать в них в Квебеке. Адемар тоже торговался и предлагал коробку пороха. Пока они торговались, Онорина скрылась из виду. Они кинулись за ней и нашли ее за серьезным разговором с дворянином из числа путешественников, сошедших на берег с «Сен-Жан-Батиста».

— Мы не можем здесь всем доверять, — упрекнула дочь Анжелика. — Тадуссак сегодня полон всяких мошенников.

— Мой друзья из их числа! — заявила Онорина.

— Ты слишком мала, чтобы решать это.

— Правда, этот дворянин имеет вид честного человека, — подтвердила Иоланда.

— Конечно, иначе бы вас не было сейчас здесь. Но кто же это был? Пассажир, ищущий развлечений?.. Что ты хочешь, Онорина? Что это?

Онорина перестала, наконец, копаться в кармане. Выпрямившись, глядя вдаль с независимым видом, она протянула матери большой конверт с красной печатью.

— Что это? — повторила Анжелика.

— Это тебе, — ответила Онорина с равнодушным видом.

Анжелика выхватила у нее конверт из белой бумаги.

В

центре и на углах были восковые печати с гербом, на конверте — девиз на латинском языке. Конверт перетянут красной тесемочкой. Пакет выглядел довольно внушительным.

Анжелика повертела конверт в руках, но не увидела на нем никакого имени. Она подозрительно посмотрела на Онорину.

— Где ты это взяла? Кто тебе дал?

— Мой друг, благородный мессир.

— Он дал тебе этот конверт?

-Да.

— Для кого? Для меня? ;

— Да, мама, — повторила Онорина с раздражением и добавила, помолчав: — Он видел вас сегодня во время праздника.

Анжелика решила развязать тесьму и открыть конверт. Воск был мягким, значит, печати были наложены недавно. Она развернула лист, исписанный

крупным торопливым почерком, кое-где виднелись кляксы. Видно было, что у того, кто писал, не было времени хорошенько промокнуть написанное. Она начала читать вслух:

— «О красивейшая из женщин!..» — Она остановилась.

— Многообещающее начало, — сказал маркиз, приближаясь вплотную.

— И довольно-таки вольное, — заметил Карлон. — Попахивает неуважением.

— Кончайте ваши бестактные комментарии, — заметил Виль д'Эвре, заглядывая через плечо Анжелики в письмо и стараясь его прочесть. У Виля д'Эвре было прекрасное зрение, и он начал связывать по слогам слова:

«Воспоминание о вас... О ваших восхитительных губах, об их волнующих» поцелуях, о вашем теле богини, о ваших несравненных прелестях не перестают волновать меня, несмотря на цепь прошедших лет. Сверкающие во тьме ваши изумрудные глаза незабываемы...»

Виль д'Эвре облизнулся.

— Несомненно, дорогая, это письмо пришло по адресу.

Все остальные, сдерживая улыбку, обменялись понимающими взглядами. Красота мадам де Пейрак была создана для того, чтобы вызывать конфликты, драмы, разжигать страсти.

Рассерженная Анжелика подняла глаза к Жоффрею де Пейраку:

— Я ничего не понимаю. Это послание адресовано кому-то другому. Здесь явная ошибка.

— Изумрудные глаза, — подчеркнул Виль д'Эвре. — Вы считаете, что этот цвет встречается часто?

Она пожала плечами.

— Так вы говорите, он видел меня на празднике... Это, несомненно, какой-то сумасшедший...

— Я думаю, скорее, это один из ваших поклонников, — прервал ее Пейрак, с хладнокровием воспринимая происходящее. — Он увидел вас во время мессы и узнал. Теперь нужно ожидать подобных сувениров в Новой Франции.

Он отвел Анжелику в сторону и стал внимательно разглядывать печати.

— Мы будем иметь дело с таинственным посланником короля, что меня совсем не удивляет. Bravo! Вы заставите его вылезти из норы.

Глаза Анжелики забегали по строчкам, но остальные буквы были затушеваны печатью. Из всего имени она смогла только прочесть истерзанную букву «н». После тщетных усилий она возразила:

— Я совершенно не понимаю, о ком идет речь.

— В самом деле? У вас нет никакого варианта?

— Никакого! Я повторяю, что этот дворянин с кем-то спутал меня.

— Нет! Виль д'Эвре прав. Изумрудные глаза — это улика.

Я знаю, что при дворе они были известны и не имели соперников.

Анжелика напрягла память. Она увидела круговорот лиц: зеркальная галерея, щеголеватые, заискивающие сеньоры, их улыбки, прикосновения рук, старающихся остановить веер, нежные взоры...

— А эти незабываемые поцелуи? — настаивал Пейрак.

Искра иронии светилась в его взгляде, но, казалось, граф развлекается.

— Нет, я не знаю.

— Значит, был большой выбор? — спросил он смеясь. — И

есть еще другие фавориты, которые могут говорить о вашем теле богини?

Она с раздражением вновь принялась читать. Кем бы ни был этот давний поклонник, письмо он нацарапал как курица лапой. Казалось, волнение мешало ему управлять пером.

«Меня охватила безграничная радость, когда я узнал вас. Я надеюсь, что вы не будете ко мне так жестоки, как в прошлом, и соизволите вспомнить обо мне. Если вы сможете ускользнуть от вашего хозяина, знайте, что я буду ждать вас сегодня вечером за складом, находящимся в стороне, на тропинке, ведущей к поселению индейцев. Не огорчайте меня. Целую ваши руки».

— Вот дошли и до свидания, — заметил граф. — Конечно, вы пойдете!

— Нет! А если это ловушки!

— Мы расстроим планы врага. Во-первых, вы будете хорошо вооружены. Во-вторых, мы спрячемся поблизости под покровом ночи и по малейшему знаку придем на помощь.

Он подозвал Иоланду и Адемара, и те робко приблизились к нему.

— Вы не слышали имени этого дворянина? Как он выглядит?

— Ей-Богу, это красивый мужчина, — сказала Иоланда. — Солидный сеньор. Но он не сказал нам своего имени, а мы не спрашивали. Он любезно пригласил нас сопровождать его, и мы согласились.

Анжелика попыталась узнать его имя от Онорины.

— Не назвал ли своего имени этот дворянин, когда передавал тебе письмо для меня?

Но Онорина казалась рассерженной. Она притворилась, что ничего не слышит. Она нашла в углу свою шкатулку с драгоценностями, уселась на пол и стала перебирать свои безделушки с таким видом,

будто ничто другое ее не касается. Время от времени она подносила к глазам Анжелики какую-нибудь вещичку с наивной улыбкой: «Посмотри, мама, как это красиво!»

— Она издевается надо мной! — сказала Анжелика.
— Потому что я ее поругала вместо того, чтобы похвалить за удачную шалость.

Она оставила девочку в покое.

— Неважно! Ведь вы можете узнать имя этого человека, увидевшись с ним. Чем больше я об этом думаю, тем больше убеждаюсь в том, что дворянин, сделавший вам такие пылкие признания, и есть засекреченный посланник короля. Важно то, кого вы в нем узнаете.

Анжелика снова взглянула на письмо, которое она держала в руках.

«Ваши поцелуи...»

Какие поцелуи? Какие губы прикасались к ее губам?

Она помнила только губы короля в прохладной тени парка. Еще Филиппа, ее второго мужа. Но Филипп умер. Тогда кто же другой? Могла ли она целовать человека, не зная его? Она оглядела окружающую ее чужую местность. Ее задумчивый взгляд скользнул по берегу, где из труб струился дымок. Бесконечное чужое небо простиралось над лесами. Молчаливые юры. Было странно сознавать, что весь этот непривычный мир приносит ей встречу с ее безумной и чудесной жизнью в Версале.

— Посмотри, мама, как прелестно! — воскликнула Онорина, протягивая ей золотую безделушку.

Глава 20

Обойдя поселок, Анжелика направилась по тропинке к постройке, указанной в послании. Виль д'Эвре говорил, что склад принадлежит высокопоставленному чиновнику из Монреаля. Карлон же уверял, что это склад иезуитов. Кому бы он ни

принадлежал, место было выбрано удачно. Склад находился в стороне от других построек. Наступил вечер. Тадуссак заволакивало туманом, который поднимался от реки. Он смешивался с серым дымом из печных труб. В домиках зажигали огни. Свернув в сторону, Анжелика погрузилась в темноту.

Наступала ночь. Уже невозможно было различить ни лес, ни реку — все слилось с небом. Туман густел. На Анжелике была длинная темная накидка из грубой пряжи, на голову был накинута капюшон. Темный цвет одежды сливался с сумерками.

Шагая быстро, она пыталась вспомнить. В памяти всплывали имена и лица придворных: Бриенн, Кавуа. Разве могла она подумать, что хоть один из них действительно был влюблен в нее? Все было возможно: в Версале не тратили время на ухаживание.

Дорога оборвалась, но это не встревожило Анжелику. Она была вооружена, как ей порекомендовал Жоффрей, и она знала, что при малейшей тревоге ей придут на помощь. Но Анжелика сознавала, что эти предосторожности были излишни. По мере того как она продвигалась вперед, в ней возрастало любопытство и желание встретиться с человеком, который знал ее когда-то давно такой, какой она была при дворе короля. Тогда она была совсем иной женщиной, не такой, как теперь. Постепенно приближаясь к Квебеку, она испытывала потребность пересмотреть свой жизненный путь в прошлом. Увы, один персонаж уже исчез — мадам дю Плесси де Бельер. Она с трудом вспомнила, что была женщиной, за которой наперебой ухаживали знатные кавалеры: ее любил Филипп, она была желанной для короля, царица на праздниках Версаля. Этот славный призрак исчез. Его поглотила ночь ужасной резни в замке дю Плесси-Бельер. В памяти остались тьма и огонь пожара.

Это было не очень давно. Каких-нибудь шесть лет отделяет ее от того времени, когда король написал ей: «Милая, незабываемая, не будьте жестоки!»

В этот вечер ее сердце трепетало не от предчувствия встречи со свидетелем ее прошлой жизни, а скорее, от боязни пробудить старые переживания и радости. Она забыла, что находится в Канаде. Когда внизу появился темный силуэт склада, Анжелика остановилась. Густой запах леса сдавил горло, и она положила руку на грудь, чтобы сердце немного успокоилось. Затем, собрав все свое мужество, Анжелика побежала к складу и, не переводя дыхания, повернула за угол. Здесь ее уже ждал человек. Его слабо освещал неясный свет луны.

Анжелика испытала шок: «Это Филипп». Но в то же время она знала, что этого не может быть, потому что Филипп умер, «голову снесло ядром». Однако в силуэте человека, стоявшего на холмике, было что-то, напоминающее ее второго мужа, маркиза дю Плесси де Бельер: посадка головы, несколько театральная осанка. На пляже зажглись огни. Их отдаленный свет помог Анжелике рассмотреть одежду мужчины. На нем было мантио с высоким отворотом. Воротник был украшен блестящей вышивкой, затянут золотым шнуром с кисточками. Блестели также застежки кожаных башмаков на высоких каблуках.

Широким жестом он поднес руку к шляпе с перьями и склонился в глубоком поклоне. Так было принято при дворе... Когда он выпрямился, Анжелика рассмотрела приятные мягкие черты лица. Действительно, лицо ей знакомо. Он не носил парика, так как у него была густая волнистая шевелюра каштанового цвета. Он показался ей красивым, в расцвете сил. Мужчина улыбался;

— Так это вы?! — воскликнул он дрожащим от волнения голосом. — Анжелика, любовь моя! Я вижу,

как вы приближаетесь, словно эльф, легкой походкой... Все та же, восхитительная!..

— Мсье, откуда вы меня знаете?

- — Так что же, ваши воспоминания не проснулись?

— Нет, уверяю вас.

— Ах, все такая же жестокая! Ах, какой удар! Но это же вы, всегда равнодушная к моим мукам. Ваше безразличие для меня все равно, что удар кинжалом в сердце. Ну посмотрите же на меня хорошенько!

Он приблизился, становясь в освещенное место. Он был невысок, но все же выше Анжелики. Элегантный молодой человек с изящными манерами и немного меланхоличным взглядом.

Он вновь склонил голову.

— Какая досада! Вот и весь след, что я оставил в вашем сердце? Конечно, я не могу ожидать от вас большего. Я отношусь к вам с такой глубокой страстью в течение долгих лет. Я хотел удостовериться, что хоть на одно мгновение вы поймете меня и примете мою любовь. Одна эта мысль помогала мне переживать разлуку с вами. Я вновь вспоминал ваши слова, сказанные мне, выражение вашего лица. Я пытался отгадать смысл ваших улыбок, недомолвок. Мне казалось, что все-таки вы меня чуточку полюбили, но скрываете это из-за скромности. Что ж? Я должен разочароваться и еще раз расстаться со Своими иллюзиями. Это факт. Вы меня никогда не любили.

— Я огорчена, мсье.

— Нет, нет! Вы не виноваты. Увы, сердцу не прикажешь.

— Он вздохнул. — Значит, даже мое имя вам ни о чем не сказало...

— Но я его не знаю.

— Как? А письмо, которое я написал вам?

— Я не смогла разобрать ваш почерк, — воскликнула Анжелика. — Мессир, не огорчайтесь, но у вас ужасный

почерк.

— Это так! Вы меня утешили.

Он обрадовано поднялся, взял ее руку и поднес к своим губам.

— Вы можете воскресить меня, а можете и убить. Меня переполняет счастье этого момента. Вы здесь, живая... Или это сон... — Он снова поцеловал ее руку.

Анжелика все больше и больше убеждалась в том, что хорошо знает этого человека, но никак не могла вспомнить его имя.

— Где я могла вас раньше видеть? Может быть, при дворе?

В окружении короля?

Он даже икнул и отступил на шаг.

— При дворе? — повторил он и удивленно посмотрел на нее. — Я мог бы встретить вас при дворе?

Он понял, что она вот-вот его узнает. Его лицо просветлело. Он протянул к ней руку и прикоснулся к ее лицу.

— Помогите мне, — взмолилась Анжелика. — Где же мы встречались, когда? Давно? Мне кажется, что это было не так давно.

— Два года!

— Два года! (Но тогда они познакомились не в Версале... Два года! Ла-Рошель!)

— Мсье де Бордагне! — воскликнула она, узнав наконец

лейтенанта, наместника короля, который когда-то был губернатором Ла-Рошели. Хозяин этой гугенотской крепости, он тогда был занят главным образом обращением гугенотов в католиков.

— Уф! Это уже неплохо, — сказал он с облегчением.

Ла-Рошель! Это меняет все. Речь идет не о придворном куртизане, который видел ее в полном блеске. Это ее очень устраивает.

— Мсье де Бордагне, — повторила она, очень довольная.

— О, как я рада снова встретиться с вами. Я сохранила добрую память о вас.

— Что-то незаметно.

— Это и ваша ошибка, — упрекнула она. — Вы приняли такой строгий и серьезный вид. А я помню вас, как человека веселого, улыбчивого, И потом, разве у вас не было тогда усов?

— Я сбрил их. Это сейчас вышло из моды.

Она рассматривала его лицо с возрастающим любопытством. Нет, он не изменился. Ла-Рошель! Нахлынули воспоминания. Мсье де Бордагне в карете спешит проводить ее, несмотря на бедную одежду служанки. Мсье де Бордагне в маске и темном мантио встречает ее по дороге из прачечной, откуда Анжелика несет огромную корзину с бельем.

— Вот почему Онорина сказала, что вы — ее друг.

— Она сразу вспомнила меня, чудесный ребенок! Когда я увидел ее в полдень на берегу, в компании канадских ребятишек, я решил, что потерял рассудок от неожиданной встречи.

Я подошел к ней, не веря своим глазам, но она меня радостно встретила, как будто мы разлучились только вчера.

— Теперь я понимаю, почему она совала мне под нос золотую погремушку, маленькая плутовка. Это вы подарили ей когда-то.

— Да, в самом деле. Вы же не захотели ее принять. Помните?

— Это была очень дорогая вещь для персоны моего положения.

— Вы вообще не желали ничего принимать, моя драгоценная, — вздохнул он.

Он с нежностью взглянул на нее. Непроизвольно они взяли друг друга за руки, ища в глазах один у другого

отражение прошлого.

— Я счастлива, искренне счастлива, что вновь вижу вас, — утверждала она. — Ну, улыбнитесь же мне, мсье де Бордагне, чтобы я вас узнала.

— Да, моя прелестная служанка!

Они улыбнулись. Повинуясь порыву, они обнялись, и губы мсье де Бордагне соединились с губами Анжелики. Это был скорее дружеский, чем чувственный поцелуй.

За два истекших года Анжелика совершенно забыла этого человека. Но при виде его она вспомнила их добрые взаимоотношения, его обходительность, любезность. Он скрашивал драматическую обстановку в Ла-Рошели. Он был королевским лейтенантом, губернатором, хозяином города, знатным, уважаемым человеком, а она — несчастной женщиной в самом низу общественной лестницы. Он и не предполагал, что за ее голову было назначено вознаграждение. Она сама по себе привлекла его внимание, и он был от нее без ума. Он не без надежды ухаживал за ней. Не мог допустить мысли, что какая-то служанка не покорится знакам почтения наместника короля. Несмотря на свое высокое положение, он готов был бросить к ее ногам свое имя, свои титулы, состояние, так велико было желание, внушенное этой женщиной. Холодность и отказ Анжелики только увеличили его любовь к ней. И вот это снова повторяется.

— Ах, — вздохнул он, касаясь ее руки. — Это вы! Я вновь узнаю ваше прекрасное лицо, ваши изумрудные глаза, контуры ваших губ, которые мне снились по ночам. Только вы одна вызываете в моем сердце нежность, и я готов стать вашим рабом. Вы не изменились.

— О! Вы тем более. Вы совсем не изменились, мсье де Бордагне! Мне так кажется.

— Но в чем же заключается секрет вашего чарующего колдовства? Я воспламеняюсь от звука

вашего голоса. Такая любовь — это дар. Давайте же присядем, здесь есть скамья в тенистом уголке.

Прокричала ночная птица. Николас Бордагне ласково обнял Анжелику за плечи. Их окутали складки манто. От него исходил запах пудры и аромат лилий. Его элегантность заслуживала уважения, если вспомнить, что Бордагне проделал такой нелегкий путь на этом судне «Сен-Жан-Батист».

— Однако я должен вас ненавидеть, — сказал он после минуты молчания, как бы продолжая нить своих мыслей. — Потому что вы посмеялись надо мной. Вы обманули меня самым наглым образом. Вы превратили меня в посмешище. Хуже того, вы меня предали. Но что я могу поделать?!

Из-за вас я потерял голову, но в этот вечер я готов вам все простить. Возможно ли это? Но на этот раз я выскажу все, я не хочу больше обещаний, я заставлю вас заплатить.

— Тсс! Не кричите так громко.

Она осмотрелась кругом и, как будто поняв, где она находится, воскликнула: — Мне пора идти!

— Как! Уже? Нет, это невозможно! Больше никогда я вас не отпущу. Скажите, вы всегда при вашем хозяине?

— Мой хозяин? — удивилась Анжелика, которую это слово поразило еще в письме.

— Да, этот коммерсант Берн, надменный упрямец, который ревниво охранял вас в своем доме, тогда как я не мог даже приблизиться к вам. Это следуя за ним вы появились в Канаде?

— В Канаде?! — воскликнула она. — Гугенот? О чем вы думаете? Вы потеряли рассудок, мсье королевский лейтенант. Кто поверит, что вы были уполномочены заниматься делами реформистской церкви? Ну посудите сами. Мы в Новой Франции, мессир. Это ультракатолическая страна, куда полиция может протянуть свою руку, как и в Ла-Рошель. Эта страна не

может служить убежищем для отъявленных гугенотов, скрывающихся от бдительной стражи короля.

— Это правда! Где же моя голова! Вы заставляете меня молоть чепуху. Это я таким становлюсь рядом с вами. Я думаю только о вас — так я обрадован нашей встречей! Однако я уже говорил, что должен был бы презирать вас, высечь, наказать. После всего того, что вы натворили!

Разве найдешь другую женщину, более скрытную, более изощренную на выдумки, чем вы, маленькая лицемерка, которая выдает лишь преднамеренную ложь с ангельским взором? Ну да, мэтр Берн! Поговорим о нем. Отъявленный гугенот, говорите вы... Вы ему помогали... на сей раз вы в этом сознались... вы ему помогли бежать. Ведь это я представил вас ему как даму из Общества Святого Таинства, чтобы вы могли обратить в католичество его и всю его семью. Я вам верил и не обращал внимания на семью этого грешника. У меня была тысяча поводов, чтобы засадить в тюрьму этого еретика. Ради нас я делал ему снисхождение. Я манкировал своим долгом, я — королевский лейтенант, губернатор Ла-Рошели! Мне было поручено обращать гугенотов в нашу веру. Да, здорово вы мне помогли! О-ЛЯ-ЛЯ! Хорошенькое дельце!

Дрожа от негодования, он взял ее за подбородок и повернул лицом к себе, чтобы видеть ее глаза.

— Посмейте... посмейте сказать мне сегодня в лицо, что это неправда, что вы не лгали мне с хитростью ярмарочного зазывалы. Скажите, что это не вы, нисколько не заботясь о моем положении, помогли бежать этому презренному безбожнику?!

Он дрожал от гнева и запоздалого унижения, а Анжелика, понимая его гнев и считая его справедливым, оставалась молчаливой.

Он успокоился, напряженно вглядываясь в слабо освещенный овал лица женщины, смотрящей на него.

Он тяжело вздохнул, отпустил ее и откинулся назад.

— Что делать? Перед вами я бессилён, — прошептал он. — Конечно, я догадывался о ваших уловках, я проклинал вас, но это меня не успокаивало. Вы находитесь рядом несколько минут — и я оказался связанным по рукам и ногам, я трусливо прощаю вам мой позор, рухнувшую карьеру, утрату доверия, всю мою жизнь, разбитую по вашей вине.

— Как это — по моей вине?

— Конечно. Вы не помните? Я уехал в Париж с донесениями о делах Церкви. Я подготовил доклад о достижениях в деле обращения в католичество в Ла-Рошели. Решил подчеркнуть, какая мирная обстановка установилась в городе, где нет ни малейших волнений. Я приводил в пример семью Берна. Но в Париже меня приняли холодно. Причину этого я узнал, возвратившись в Ла-Рошель. Здесь меня ожидал рассказ о мерзостях и катастрофах, от которых волосы вставали дыбом. Моя самая крупная дичь ускользнула, отряд отборной стражи превращен в месиво, затоплен военный корабль, бесконечные аресты и жалобы...

— Почему? По какой причине?

— Из-за этого затонувшего корабля... и еще потому, что арестовали мадам Денурье. Вы, конечно» помните эту католичку, которой Религиозное Бюро доверило воспитание детей Берна.

— А! Сестра мэтра Берна? И ее арестовали?

— Само собой разумеется! Она дала им возможность улизнуть и с кем? С вами, естественно. Вопреки своему обязательству обратить детей в католичество, она передала их вам. Уж не знаю, какой вашей выдумке она поверила на этот раз, но вы горазды на выдумки. Она оказалась в очень затруднительном положении. Ее муж, который был офицером королевского флота, занимал высокое положение в обществе, являлся фаворитом адмирала.

Арест несчастной наделал много шума. Что касается меня, то я нашел в этом чудесном городе, к которому я привык, где у меня были замечательные друзья, где у меня была, несмотря, а может быть, благодаря гугенотам, интересная и полноценная жизнь, где у меня были полезные обществу поручение и уважение, — короче, я нашел опустошенный город. Хуже того, я оказался обвиненным, осужденным, изгнанным. Бомар... Вы помните Бомара?

— Да, ужасный, гнусный тип.

— Это так... Этот Бомар приготовил мне прекрасную ловушку, я которой главным рычагом были вы.

— Снова я?

— Да, вы, маленькая Сен-Нитуш! Вы и ваши друзья, вся верхушка Ла-Рошели, и не только опора сопротивления — гугеноты, но и ряд коммерсантов убежали в Америку под носом у полиции! А ведь я обещал королю, что никто (слышите, никто) не улизнет за границу. Но это ничто по сравнению с ударом, который поразил меня лично. Сбежали вы, скрылись вместе с ними. О! Какая рана!

Он замолчал, тяжело дыша. Затем мрачным тоном сделал заключение:

— Я был арестован. Я должен был отправиться на галеры. Я — королевский лейтенант — на галеры! И вот как я этого избежал. Меня объявили соучастником, клятвопреступником, ренегатом. Бомар дошел до того, что назвал меня скрытым гугенотом. Меня, наследника дворянской католической ветви.

— Но это ужасно! Я... Я глубоко удручена. Как же вы выбрались из этого опасного положения?

— Я воспользовался протекцией посланца мсье де ля Рейни, лейтенанта королевской полиции. Это его правая рука. Этот полицейский находился в Ла-Рошели, когда я туда возвратился. Он сразу раскусил это дело и,

щадя мое самолюбие, велел тайно провезти меня через город в карете с зашторенными окнами.

И так как Анжелика пошевелилась, он сказал:

— Да. Вы уже догадались, о — ком идет речь. Вы с ним знакомы, с этим полицейским, не так ли? Так назовите же мне его имя...

— Франсуа Дегре, — сразу отозвалась она.

— Он самый. — Николас Бордагне тяжело вздохнул, пытаясь сдержать свою ярость, но не смог. — Франсуа Дегре, конечно! А не можете ли вы мне объяснить, что было между вами и этим мрачным притворщиком? Кажется, он знал вас очень хорошо?

— Мсье губернатор, пожалуйста, не начинайте ревновать!

— Как же я мог оставаться безразличным, когда видел сардоническую улыбку этого самца, который похвалялся своими победами. Он говорил о вас с преувеличенной фамильярностью. Как будто бы вы ему принадлежали, как будто вам некого было больше любить и что только ему вы доверяли свои секреты. О, как мучительно было мне все это слышать!

— Но вы сказали, что он вам помог?

— Да, без него я бы погиб! Бомар осудил меня беспощадно. Дегре спас меня от галер, а может быть, и от виселицы. Полиция у короля в чести. Она выполняет большую работу. Благодаря стараниям полиции, Париж освободился от бродяг и воров. Но это дорого обходится правительству. Дегре не останавливается ни перед чем.

В прошлом году он арестовал одну очень знатную даму. Подозревали, что она отравила своего отца, своего брата и часть своей семьи. Дегре использует любые средства, преследуя свою жертву. Его не остановят ни король, ни даже сам Бог.

— Отравительница была осуждена?

— Да, король не пожелал считаться с тем, что та была дочерью советника государства. Король сделал

заявление, что перед законом все равны. Ей отрубили голову. Еще одна победа Дегре. Но если он зайдет далеко, пусть бережется!

Он снова сделал усилие, чтобы успокоиться.

— Знайте, что я также мог загнать его в угол. Не оставалось сомнений в том, что он сознательно дал вам улизнуть. Да он это и не скрывал. Бомар об этом не знал, а Дегре издевался над ним. Он насмеялся и надо мной, когда я намекал на ваши отношения. Он знал, что я достаточно скомпрометирован, чтобы разыграть эту комедию. Но я мог бы... Он это понял. Вы были причиной наших подлостей и скачков в сторону, причиной нашей измены своему призванию, своему долгу.

Я хотел объяснить ему, какую власть вы имели надо мной и как внушенная вами страсть ввела меня в заблуждение и я потерял голову. Он засмеялся и сказал мне:

«Она жалела Николаса де Бордагне. Для него подобная неблагодарность была ужасной, ведь он служил с подобострастием, рассчитывая на продвижение по службе».

— Успокойтесь! — прервала его Анжелика. — Все это теперь далеко позади, мой бедный друг. От самой глубины сердца прошу меня простить. Я счастлива узнать, что вы вновь поднялись на ноги и, я полагаю, заняли достойное место.

— Да, мне повезло. Я и не надеялся, что смогу продолжить свою карьеру в Канаде, но мне представился случай выполнить особое поручение.

— Это снова связано с религией?

— И да, и нет. Речь не идет непосредственно о религиозных делах, но некоторые конфликты могут быть улажены на манер религиозных. Я согласился на эту миссию. Моя миссия в Квебеке будет деликатной, но я получил и власть, и свободу вести игру по своему усмотрению.

— Вы и есть... тот высокопоставленный чиновник короля, плывущий на судне «Сен-Жан-Батист», о котором говорили, что он болен?

— Как много болтунов в этих затерянных городишках! — усмехнулся он, — Да, это я, но тсс! — Он оглянулся кругом. — Желательно, чтобы никто не сомневался в важности моего положения.

— Почему же?

— Меня интересует этот пират Южных морей, который производил досмотр судна на рейде Тадуссака. Анжелика еле сдержалась.

— Вы говорите о том корсаре, что бросил якорь на рейде Тадуссака? О графе де Пейраке?

— Граф де Пейрак! Фу! Вы слишком почтительно говорите о нем. Для меня это — пират. По правде говоря, жители колоний не считают пиратами тех, кто приезжает к ним с золотом.

Меня об этом предупредили. Но кем бы он ни являлся, флибустьером или дворянином», он очень опасен. Он и раньше интересовался моей личностью. Могу доверить вам свой секрет. Он наклонился к ней и зашептал на ухо:

— Моя миссия касается его разоблачения.

Глава 21

При этих словах сердце Анжелики заколотилось. К счастью, посланец короля не мог увидеть выражение ее лица, которое неожиданно побледнело.

— Случай, — продолжал он, — столкнул меня с ним в устье Святого Лаврентия. В некотором смысле это поможет мне быстро выполнить мою миссию. Я этого не предвидел, так как знал, что он обитает где-то на юге, в Акадии. Я решил направиться в Квебек, чтобы вместе с губернатором Новой Франции обмозговать план кампании. И, о чудо! Он уже здесь и в наших руках. Скажу вам, что я почувствовал приятное волнение, когда узнал, что корабли, которые преградили нам путь

в Сен-Лоране, принадлежат как раз ему. Если бы он знал о моем приезде, то несомненно взял бы меня в плен. Но он о нем не догадывается, да иначе и быть не может. Он не подозревает о моем приезде. Дело решилось очень быстро и держится в большой тайне.

Он не догадывается, что я уже слышал о нем. Еще до нашего пленения в Тадуссаке я раздал золото команде, чтобы они — и капитан, и матросы — не проболтались обо мне. К счастью, он не расспрашивал об этом. Как и все пираты, он бросился к грузам. Представляете, как нагло он поступил, когда отнял у меня четыре бочонка бургундского вина, которые я захватил в подарок мсье губернатору Фронтенаку. Пусть! Скоро он не сможет ничего предпринять. Сейчас мы в его власти, он неуязвим, имея флот из пяти кораблей. Мы позволим ему беспрепятственно достичь берегов Квебека.

Анжелика видела, что у Бордагне нет никаких подозрений относительно нее. Он воображал, что она обитательница Тадуссака. Он не связывал ее имя с тем, кого он считал пиратом, иначе он бы так не откровенничал с ней.

— Но... почему же им интересуются столь высокие инстанции? Ведь могли послать следователя. Колония и сама может уладить свои дела.

— Это очень запутанная история, о чем свидетельствуют приказы, которые я получил. Конечно, речь идет не о каком-то авантюристе, его знатное дворянское происхождение требует, чтобы с ним обращались обходительно, не так, как с каким-то флибустьером. Говорят, что он присвоил территории, принадлежащие французскому королю. Более того, я уполномочен выяснить, не является ли он Рескатором — знаменитым средиземноморским ренегатом, который нанес поражение галерам Его Величества и этим усугубил свое положение.

Анжелике долго не удавалось унять сердцебиение. Она видела, что Жоффрей может восстановить против себя не только Новую Францию, а все королевство своего сюзерена. Они обвиняют его в ренегатстве. Это самое тяжкое преступление. И их супружество в Америке сочтут недействительным, а старые документы погребены в полицейских архивах.

Значит, уже снова созревает заговор в высших сферах. Цель его — разорить графа с помощью корсара по имени Золотая Борода, чтобы заманить его в сети более хитрые, чем уловки Демона. Чтобы добиться этого, посылают специального посла, который должен применить предписанные ему официальные и политические меры, если более элементарные приемы не будут иметь успеха. Враждебное отношение к ним ее не обескураживало. Но кто же замышляет эти заговоры: д'Оржеваль, иезуиты, Кольбер? Торговые компании? Братство Святого Причастия? Может быть, все вместе?

— Кто поручил вам вести расследование? — спросила она, стараясь говорить безразличным тоном.

— Король.

— Король? — изумилась она, от удивления раскрыв глаза.

— Вы хотите сказать, что имели разговор на эту тему лично с королем?

— Да, мое дорогое дитя, что же в этом удивительного? Представьте себе, я достаточно знатен, чтобы удостоиться приема у Его Величества, который лично дал мне рекомендации, как в таком случае действовать. Король придает серьезное значение этой миссии. Мы больше часа беседовали с Его Величеством об этом человеке. Я заметил, что Его Величество тщательно изучил досье графа де Пейрака. Не сомневайтесь в этом. Наш сюзерен с примерной заботой и терпением относится к любому делу, за которое берется.

Анжелика наклонила голову. Ей хотелось подтвердить: «Да, да, я знаю», но ни один звук не слетел с ее губ. Она была крайне взволнована. Она восстанавливала в памяти образ короля, его таланты, его дерзость, любовь к славе, его ревнивые замыслы в течение нескольких лет войти в число самых могущественных королей в мире. Какого бы мнения они об этом ни были в Америке, их судьба все равно находилась в жестких королевских руках. Эти руки держали скипетр, чтобы поражать того, кто выступал против предписаний короля, против его вездесущей авторитарной воли. И вот она снова убедилась в том, что и по другую сторону океана король помнит о ней. Людовик XIV склонился над секретным досье, где огненными буквами значится имя графа де Пейрака, а за ним стоят обвинения, полицейские доносы, клевета. Затем имя де Пейрака всплывает в Америке. Король догадывается, что за этой волнующей историей скрывающегося призрака прячется женщина. Та, которая однажды вечером, в грозу, в Трианоне, повернулась к нему и крикнула: «Нет, я не буду принадлежать вам, я — его жена, я — жена Жоффрея де Пейрака, которого вы велели сжечь живьем на Гревской площади!»

Мсье де Бордагне догадался о ее волнении, но не понял причины. Он вообразил, что испугал её. Его растрогало такое выражение растерянности. Испытывая нежность, граф наклонился к Анжелике. Его руки обнимали ее плечи. Боясь, что она замерзнет, он плотнее укутал ее своим плащом. Легким, но горячим поцелуем он коснулся ее лба, но Анжелика так погрузилась в себя, что едва ли обратила на это внимание. Она почувствовала только силу объятий, это согревало и в то же время успокаивало. В ее душе периодически поднимались смятение и тревога. Она прижалась к его плечу. Усталость отняла все ее силы.

Она крайне утомилась от этой борьбы, которой не было видно конца. Неужели больше никогда они не смогут жить в мире?

Ей было холодно, но ее лоб горел. Ей необходимо было почувствовать мужскую силу, нужен был мужчина, который бы ее поддержал. А этот мужчина — враг, облеченный властью. Пока он будет иметь возможность разрушить ее жизнь, она должна полагаться на его милость. Эта мысль глубоко запала ей в голову.

Она ощущала, что покорность пробуждает его великодушие больше, чем гордо поднятая голова. Сейчас нельзя казаться недотрогой. Она вновь почувствовала себя, как в Ла-Рошели. Проснулось воспоминание, что этот добрый и обходительный человек в силу своих обязанностей мог одним словом или движением бровей разрушить хрупкий мир, раздавить шаткое убежище в семье Берна, где она с незаконным ребенком набиралась сил. Так как он любил ее с безграничной страстью, она смогла нарушить его планы и избежать ловушки. Она чувствовала всю шаткость и двойственность беспокоивших ее чувств. Нужно было опасаться его и в то же время остаться к нему благосклонной.

— Почему вы не согласились поехать со мной в Берри? — прошептал он. — Я устроил бы вас в моем поместье. Вы с вашим ребенком дождались бы там лучших времен, живя среди лесов и полей, у вас всегда имелись бы свежие продукты, овощи, фрукты. У меня там замечательные земли, изобилие лесных даров, которые заготавливаются на зиму, красивая мебель, хорошая библиотека, преданные слуги.

Ле Берри — это небольшая провинция, тихая, удаленная от проезжих путей. Вы бы меня дождались там. Там, забыв о жестоком человеческом мире, вы отдохнули бы от несчастий, которые вам пришлось

пережить. Я бы ничем вам не надоедал... пока вы сами не пришли бы ко мне по доброй воле.

Она совершенно не помнила, когда это он предлагал ей укрытие в Берри. Может, так и было...

— А теперь, что ждет вас в этом диком краю? Вы ничего не сказали мне.

Он колебался. Ему было тяжело начинать разговор на эту тему. Он предпочел бы ничего не знать о ней. Держал бы ее в своих объятиях, как если бы она принадлежала ему... Сделав над собой усилие, он продолжал:

— Если вы больше не служите у Берна, тогда у кого же вы теперь? Вернее... с кем живете? Потому что, увы, я не питаю надежд, — сказал он с горечью в голосе и попытался улыбнуться. — Дегре меня хорошо просветил на этот счет. Вы слишком красивы, чтобы оставаться одной. Если вам нанес обиду какой-нибудь мужчина, вы сумеете найти удовлетворение с другим мужчиной. Не так ли?

Насмешливый тон не обманул ее. Анжелика угадала, что втайне он надеется, вопреки логике и реальности, что она заявит ему сейчас, что она свободна, ведет разумный образ жизни, предпочитает обходиться без любовных утех и живет в трудолюбивом одиночестве и что она воспитывает свою дочь в духе покорности мужчине. Она догадывалась, что разочарует его. Он считает, что в худшем случае она сожительствует с каким-нибудь канадским охотником. Но нельзя было больше держать его в неведении. Анжелика собрала все свое мужество.

— Вы правильно догадались, — сказала она, имитируя насмешливый тон Бордагне. — Я живу не одна. Я нашла покровителя. Слышите! Я буду откровенна с вами. Ах, это будет в первый раз. Я предполагаю, что мой выбор поразит вас, но...

— Что вы мне приготовили? — недоверчиво спросил Бордагне. — Пожалуйста, продолжайте. О чем идет речь? Или, скорее, о ком?

— О ком... Хорошо! О пирате, рассказом о котором вы меня только что развлекали ...

Она мотель добавить: «Я его жена», но предусмотрительно промолчала.

— Не хотите ли вы сказать, что находитесь во власти этого морского разбойника!

— Именно так...

— Но это безумие! Это безрассудно! — воскликнул он.

— Несчастливая! Знаете ли вы, насколько опасен этот человек?

Это самый циничный авантюрист. Если бы вы, мое бедное дитя, знали то, что знаю о нем я и что мне доверил сам король!

Этот человек связался с Дьяволом и именно за это был изгнан из королевства и с тех пор слоняется по свету. Сила его наглости и пристрастие ко злу привели к тому, что он самым бессовестным образом настойчиво стремится вернуть свое родовое имя, не думая о том, что был лишен его из-за колдовства.

— Может быть, этим он хочет доказать, что приговор был несправедливым, а наказание незаконным...

— Без серьезных причин человека не присудили бы к сожжению на костре. Церковь мудра, а Инквизиция в наши дни стала более осторожной, чем в прошлом.

— Не будьте лицемерны, — воскликнула Анжелика вне себя от возмущения. — Вы знаете так же хорошо, как и я, какие комедии разыгрывают эти трибуналы Инквизиции.

— Что же вы так разволновались из-за этого ничтожного человека? Неужели вы в него влюбились? Я не могу этому поверить. Вы, Анжелика, пали так низко!

И катитесь вниз! Пожалуйста, не добавляйте мне мучений. Неужели я должен потерять навсегда ваш образ, очаровавший меня в те дни. Я, наверное, и сейчас кажусь наивным, а вы этим злоупотребляете.

— Увы, это не так! — продолжал он. Его гнев вспыхнул снова. — Я знаю все ваши недостатки и все-таки обожаю вас. Я понимаю, что вас довели до этого состояния, потому что вы существо преследуемое. Вы, бедняжка, обречены скитаться без крова, без помощи. Почему вы не поехали со мной в Берри? Я хотел помочь вам сломать прутья клетки. Еще не поздно, я вас спасу. Есть еще время. Оставьте этого человека! Идемте со мной! У меня есть власть. Даже сам пират не сможет восстать против посланца короля Франции. Я вырву вас из его когтей.

— Мсье, это невозможно. Я замужем.

— За ним?

Первой реакцией де Бордагне был страх.

— А я-то поведал вам цель моего приезда! Вы и сейчас меня предадите?

— Нет, конечно. И я абсолютно удовлетворена, что вы говорили со мной так откровенно, так как смогу рассеять некоторые недоразумения. Даже сейчас я могу продвинуть вашу миссию вперед, открыв вам, что Рескатор — это и есть тот человек, о котором вы говорили. Вы об этом узнали бы рано или

поздно. Он прославился на Средиземном море своими подвигами, а не пиратством. Он навел там порядок, установил экономическое равновесие. Иногда ему приходилось сталкиваться с королевскими галерами. Но здесь, в Канаде, вы можете за него не переживать. Он с уважением относится к королю Франции и ко всем его эмиссарам.

— А если он повесит меня на первом же суку?

— Это ему ничего не даст, поэтому он не станет вас трогать.

Он направляется в Квебек с мирными намерениями. Мсье де Фронтенак заверил его, что уже давно желателен такой добрососедский визит.

— С пятью военными кораблями? Но я очень хочу вам верить, по крайней мере надеяться, что вы меня не обманываете. Да, действительно, это продвигает мою миссию вперед.

Судьба решительно мне благоприятствует.

Анжелика уже поздравляла себя с тем, что импульсивный Николас де Бордагне так хорошо все воспринял. Но его спокойствие продолжалось не дольше шоковой анестезии. Через мгновение он пробудился.

— Нет, нет! Замужем! Вы! Замужем за этим пиратом! Это не в счет, это колдовство! Возможно, вы его наложница, но никак не жена. Зачем вы меня обманываете? У вас просто потребность выдумывать, это невыносимо. никоим образом он не может взять вас в жены. Он граф. Он носит одно из самых известных имен во Франции. А вы. Кто вы? Служанка! Правда, Дегре мне сообщил, что у вас хорошее происхождение. Вы получили приличное воспитание. И вы сыграли на этом, чтобы заставить его жениться на вас. Но я не могу этому поверить. Вы снова лжете. Неважно, я вас люблю. Эта фатальная любовь приведет к тому, что вы будете принадлежать мне. Я добьюсь этого любой ценой. Я изнемогаю без вас, я страдаю из-за вашего отсутствия. Это глупо — уступить вас человеку без морали.

Его храбрости хватает на то, чтобы навязать вам себя. Этот развратник Дегре! Этот безбожник Берн! Вы думаете, что перехитрили меня в Ла-Рошели. Мэтр и служанка! Вы жили под одной крышей. Он тащил вас в свою постель, этот Берн!

— Мсье, довольно! Хватит! — прервала его Анжелика. — Вы надоели мне с вашими оскорблениями. Вы меня оскорбляете и унижаете. Я ухожу.

Мсье де Бордагне вновь схватил ее за запястье и насильно усадил.

— Извините меня! Извините меня, — говорил он торопливо. — Я отвратителен. Я это знаю, но вы меня так поразили...

Вы постоянно заставляете меня страдать. Но я всегда благословляю ваше существование. Ни одно существо на земле не обладает такими чарами, как вы. Вы несете людям восторг, жизнь, грезы!

Он кинулся к ней, прижал ее к себе и приник к ее губам жадным поцелуем.

Прошло довольно много времени, прежде чем он смог воспринимать происходящее. Он осознал, что это она рядом, она вызывает в его сердце тепло и радость, что он держит ее в объятиях и что именно ее губы трепещут под его губами. Он начал наслаждаться их нежностью и ответным поцелуем.

— Хвала Господу, — выдохнул он бесцветным голосом. — Как прелестны ваши губы... Будь благословен Господь!

— Вы в самом деле думаете, что нужно впутывать Бога во все это? — спросила Анжелика, с трудом переводя дыхание.

— Да! Ибо я начинаю понимать, что он посылает мне награду. Я был унижен, я пострадал за справедливость и за любовь. Я чувствовал, что потерял все. Я был забыт Богом и людьми... как Иов, я жил без надежды. И вот вы возвращаетесь ко мне. Разве это не знак Неба?

При слабом свете Анжелика встретила взглядом с мсье де Бордагне. Он был полон нежности, необычайно светлые глаза отражали серебристый цвет ночи.

«Я никогда не замечала, как красивы эти глаза», — подумала Анжелика.

Они бросились в объятия друг друга. Этот страстный поцелуй длился бесконечно. Они забыли обо всем на свете.

Анжелика с удивлением почувствовала, как кровь с обновленной силой заструилась по венам. В лице Бордагне Анжелика наслаждалась поцелуями всех мужчин, которые ее обожали: короля, Дегре, поэта. Эти мужчины говорили, что любят ее, будут любить всегда, что их любовь не умрет. Это добавляло ей силы и уверенности в том, что она победит. Она вновь ощутила всей натурой, всем телом опьянение властью, которой обладала: щедро одаривать и очаровывать.

— Вы приводите меня в восторг, — пробормотал Бордагне. — Ах, я только теперь понял, что вы вновь рядом со мной.

— Я тоже... — сказала Анжелика дрожа.

Она встала, пошатываясь. Он хотел поддержать ее, но она отстранилась.

— Нет, прошу вас. Мы снова встретимся с вами, милый. Но не в этот вечер. Прощайте!

Он увидел, как она уходит, услышал шорох гальки под ее ногами. Повернувшись, он крикнул во тьму:

— Не забывайте... что касается пирата.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. УКРАДЕННОЕ ВИНО

Глава 22

Первым встречным на ее пути оказался Он, О какого момента он здесь караулил? Что он видел, что слышал?

На опушке леса лежала глубокая мгла. Они не различали друг Друга. Рука Жоффрея де Пейрака обняла ее. Анжелика тоже обвила мужа рукой, спрятав свое лицо в складках его одежды с почти детской растерянностью. Она была не в состоянии объяснить свои ощущения.

— Вы вся пылаете, — заметил он приглушенным голосом.

— Вы возбуждены, расстроены! Что случилось?

— Ох! Ничего серьезного! Но это долго рассказывать. Речь идет о дворянине, который не относится к королевскому окружению. Я встретила с

ним не при дворе... Однако здесь замешан Версаль... и король. И это имеет отношение к вам.

Он слушал затаив дыхание, склонившись над ней. Она чувствовала его напряжение по лихорадочной дрожи его голоса. Она ощущала, как пылает ее лицо и леденеют руки.

— Вы мерзнете!

Холодно! Жарко! Она больше не знала. Что произошло? Она находилась в Канаде. Она задыхалась.

— Это прошлое, — проговорила она, — прошлое, понимаете?

— Конечно, я понимаю. Не волнуйтесь же так, любовь моя.

Спокойный и такой знакомый тембр голоса де Пейрака произвел успокаивающее действие. Анжелике стало легче дышать. Она взяла себя в руки, в душе ругая себя, называя идиоткой. Приняв гордый вид, зашагала рядом с ним, кратко объясняя, кто такой Бордагне и что она знает о его миссии. Это как раз то, что они и предполагали. Дело дошло до короля, и король стоял на их пути.

— Меня интересует одна вещь, — сказал он. — Хотелось бы узнать, почему для миссии, касающейся меня, был избран именно этот господин, который знал вас в Ла-Рошели и даже не подозревает, что вы имели отношение ко двору. Я хотел бы поверить в совпадения, но мне кажется, что здесь все подготовлено и организовано. Мне кажется, что какой-то хитрый черт дергает за веревочки за кулисами.

— Не поминайте черта! — взмолилась она.

Они приближались к поселку, где то там то сям сверкали огни, вокруг которых танцевали люди.

Анжелика удивилась этому. Ей казалось, что прошло ужасно много времени с той минуты, как она отправилась на свидание. Она провела рукой полбу.

— Ох, я умираю от усталости! Я совершенно разбита. Ночь кончилась?

— Напротив, — сказал он смеясь. — Она только начинается. Неужели вы забыли, что мы откупорили бочонок знаменитого бургундского, которое так соблазняло Виля д'Эвре. Вся компания ждет нас на борту «Голдсборо». Идемте, мадам! Оставьте свою усталость. Благодарение Богу, рассвет еще далеко!

А что если пригласить этого дворянина на нашу попойку?

— Нет, нет, — поспешно возразила она. — Он подумает, что это западня. Он настроен против нас.

— Завтра же я представлюсь ему, чтобы он успокоился. А

пока давайте повеселимся. Предзнаменования благоприятные.

Сейчас мы выпьем за встречу с вашим ларошельским поклонником, за успех наших предприятий, за его успехи, чтобы мы не очень-то, ссорились друг с другом.

Он остановился, чтобы нежно обнять Анжелику. Она ощутила силу его рук. Он передавал ей свою энергию. Умиравшая только что от усталости, Анжелика почувствовала, что новые силы вливаются в нее.

Они подошли к пляжу и при свете факелов увидели ожидавшую их шлюпку.

— Почему вы вспоминаете Ла-Рошель! Там я ничего не значила. С мсье Бордагне мы встретились случайно.

— Благословим случайность, все случайности, и больше не будем говорить на эту тему... до завтра.

Он подхватил ее и на руках отнес к лодке.

— В этот вечер мы будем принцами в этом мире, — сказал он смеясь. Белые зубы сверкнули на его загорелом лице. — Мы единственная власть Тадуссака, Канады, королевства Франции. Мы будем упиваться божественным напитком — вином, которым

наслаждаются все пары Франции. Не станем же терять напрасно время. Поднимем наш кубок во славу Бургундии. Идемте же пить, моя красавица! Пить и кутить. За здоровье, нашу любовь, за наши победы, за наш триумф! За наших друзей и врагов! За здоровье короля Франции!

Глава 23

Он не дал ей времени на отдых. В каюте «Голдсборо» она нашла наряд, приготовленный Иоландой и Дельфиной, — платье, веер, манто. Он усадил ее в кресло и сам натянул ей чулки. У него было чудесное настроение. Он напевал.

— Подошло время... время... надеть эти прелестные чулки... на божественные ноги...

Ярко-красные шелковые чулки с золотыми нитями, сатиновые башмаки с золотой отделкой... Он обувал ее, стоя на коленях, как принц перед Золушкой.

— Моя графиня-скиталица!

Он слегка коснулся губами ее пальцев, затем уступил место Дельфине, вошедшей с горячими щипцами для волос. С помощью девушки Анжелика быстро оделась.

Стол ждал их в комнате для игр. Анжелика поспешила туда с веером в руках. На берегу, в отдалении вспыхивали огни фейерверка.

— Да здравствует праздник! — сказала она маркизу, которого встретила на пороге зала. — Праздник пришел в Тадуссак, будет ли он таким же в Квебеке?

— Это будет как в Версале! Моя — дорогая, — сказал он, уступая ей дорогу, — я ведь говорил вам, что на карнавале в Квебеке мы будем падать от усталости. Нам предстоит столько танцевать, есть, пить! Там нас ждет столько приемов, развлечений; скачки, карточные игры. К счастью, не будет столкновений с воинственными ирокезами... Ах, Квебек!

На столе и повсюду в зале горели свечи и серебряных подсвечниках. Тепло и аромат горящего воска смешивался с аппетитным запахом яств, которые начали выставлять слуги. На столе уже стояла серебряная супница.

— Мы только что спорили с вашим метрдотелем о рецепте приготовления пикантного бульона из дичи. Я утверждаю, что мясо фазана или бекаса следует провялить вначале в течение шести-семи дней, а он ограничивается только четырьмя днями.

— Речь идет об орлане, а его мясо более нежное, — защищался метрдотель, отстаивая четыре дня.

Компания разместилась. Это был ужин очень близких людей; члены флотилии Рескатора, старшие офицеры и привилегированные подчиненные. Общество утвердилось еще в начале плавания. Вместе перенесенные невзгоды и приключения за короткий промежуток времени соединили их в одну компанию. Чтобы воспеть славу бургундскому, стол накрыли, словно в торжественные дни. Перед каждым участником был поставлен кубок богемского стекла красно-золотистого цвета.

Наконец принесли вино, но не в графине или в кувшине, а по старинному обычаю — в серебряном корабле. Сосуд этот из позолоченного серебра был шедевром искусного ювелира. Каждая деталь корабля была с точностью воспроизведена. Молодой матрос, назначенный на этот вечер виначерпием, был зачарован увиденным чудом: судно, поддерживаемое тремя дельфинами, вынырнувшими из волн. Их глаза были сделаны из маленьких алмазов. Маркиз де Виль д'Эвре замер с раскрытым ртом. Анжелика тоже удивилась, впервые увидев эту вещь. Рескатор всегда поступает, как принц. Он способен выносить самый строгий режим экономии, может вести самую скромную жизнь, скудно питаться, но тем не менее оставаться единственным

владельцем сокровищ. Он и мел секретные хранилища по всему свету. Верные люди охраняли и берегли накопленные им богатства. Анжелика далеко не все знала о человеке, который был ее супругом.

— В наше время не делают таких прелестных вещей, — заметил со вздохом Виль д'Эвре. — Этому шедевру два века. Это произведение швейцарских ювелиров. Только в Швейцарии и Германии имелись такие мастера.

Сели за стол. Так как собравшиеся были близко знакомы друг с другом, можно было общаться, ничего не пряча за душой. Мало-помалу завязывался разговор. Анжелика услышала, как Карлон говорил Пейраку, продолжая прерванный в ожидании ужина разговор:

— В общем-то я не сержусь, но меня бесит легкомыслие Виля д'Эвре. Разве он не знает, или притворяется не знающим, что в Квебеке вас считают врагами короля Франции. Более того, вы осуждены заочно.

— Но это уже избитый сюжет, — запротестовал Виль д'Эвре, разворачивая свою узорчатую салфетку и поглядывая по очереди на супницу, из которой распространялся ароматный запах, и на позолоченный бокал со «своим» бургундским.

— Мы все это знаем. Вы повторяетесь, мой дорогой.

— Это никогда не излишне, если речь идет о том, чтобы подготовить батареи. Нужно продумать, как найти выход из ситуации, которая, кажется, не имеет выхода. Ведь все знают, что за мсье де Пейраком установилась репутация карибского пирата. К этому добавляют сегодня, что он является победителем, то есть завоевателем Акадии французской, и что он завладел ископаемыми богатствами Кеннебека. Ведь корабли-разведчики курсировали здесь летом. Поэтому не стоит удивляться тому, что в Квебеке разгорелись страсти и что нас встретят выстрелами.

Жоффрей де Пейрак заметил это «нас», которое обронил интендант, и улыбнулся.

Карлон продолжал:

— Мадам де Пейрак тоже должна защищаться от толков и сплетен. Ее влияние на индейцев вызывает подозрение: как его объяснить?

И как вы смогли выйти победителем из войны с ирокезами, когда их вожди были убиты под вашей крышей? Это необъяснимо для того, кто хоть чуть-чуть знает индейцев. Вас уже сто раз считали мертвой, а вы возрождаетесь заново, вы живы. Это уже магия!

— А что говорят обо мне в Квебеке? — спросила Анжелика.

Он раздраженно покраснел:

— Что вы прекрасны, прекрасны, прекрасны!

Она улыбнулась, услышав это:

— Между нами, мой дорогой, ведь вы желали бы, чтобы я из-за этого плакала.

— Вы должны были.

— Но какое безумие! С каких пор французы стали такими пуританами?

— Это не пуританство. Это - страх.

— И давно французов пугает красота?

Она вызывающе тряхнула своей золотистой шевелюрой, перевязанной двумя нитями жемчуга:

— Если они хотят, чтобы я предстала перед ними красивой, я побеспокоюсь о том, чтобы не разочаровать их.

Только что подали на первое очень крепкий пряный бульон, чтобы согреться и утолить аппетит после молодого бургундского вина. Каждый почувствовал блаженство и взглянул снисходительно на жизнь и даже на говорливого интенданта Карлона, тем не менее, слушали вежливо и терпеливо. А он перечислял все «злые слухи» без исключений, потому что знал, как они бродят и клопочут в недрах квебекского

колониального общества. Это не мешало ему наслаждаться крепким бульоном из дичи, который он пил большими глотками.

— Я думаю, что вам предъявят обвинение в смерти д'Арпентьи, в смерти Пон-Бриана, в перевороте в Сен-Гастине. Но самое серьезное — это исчезновение отца де Вернона. Говорят, что он убит на вашей земле каким-то непонятным образом, возможно, его бросили на съедение медведю, — жуя заметил Карл он.

— Да нет же! — простонал Виль д'Эвре. — Вы как всегда все путаете. Это как раз он ударом кулака убил медведя (несчастный зверь). А еще он убил хозяина медведя, а тот, в свою очередь, убил его.

— А вы там были?

— Конечно, я там был, — заявил маркиз с апломбом.

— Вы не заставите меня поверить подобной басне. Я хорошо знал отца Вернона. Это был достойный служитель церкви, уравновешенный, немного холодный, может быть, но в действительности очень мягкий и обходительный человек.

— Значит, вы его абсолютно не знали. Вы никогда не представляли его истинного облика. Его нужно было видеть в Голдсборо. Это был Геракл. А вы знали его только по Квебеку. Ах, Голдсборо — это восторг! Не так ли?

— Доберемся сначала до Квебека, — проворчал Карлон.

Покончив с едой, он вытер рот салфеткой и повернулся к Пейраку:

— Мы ваши заложники?

— Это зависит от того, какой прием ожидает нас в городе.

— Ха! Ха! Ха! Вот вы и сбросили маску, — мрачно рассмеялся Карлон.

Анжелика испытывала двойственные ощущения. Полчаса назад она находилась в Ла-Рошели, а потом

вдруг снова очутилась в Канаде. Опять нужно заботиться о появлении в Квебеке с этой разношерстной компанией. Это походило на безумный сон. Ей вдруг захотелось, чтобы за стол пригласили Бордагне, как предложил Пейрак, вот сюда, сейчас. Но это возможно только в Квебеке: праздники, светские развлечения и, в темноте, заговоры. Будут стараться услужить, будут вести шуточные пересуды, но их смех станет лишь прикрывать хитросплетения и коварные замыслы. Смерть, любовь, счастье — все будет доведено до крайности.

«Что может сделать теперь посланник короля? — спрашивала она себя. — А что могу я? Какое место займет он на шахматной доске в той партии, которая нас ожидает?»

Желчный Карлон не знал еще об этом дополнительном осложнении. А может быть, смутно догадывался о нем. Он мог сговориться с посланником раньше и продумать, чем следует подпитать его мрачные сомнения.

— Его жене не приходится развлекаться каждый день, — проговорила Анжелика на ухо Вилю д'Эвре, указывая подбородком на Карлона.

— Однако она обворожительна, — он стукнул себя полбу.

— Но нет! Что я за дурак? Он — холостяк.

— Тогда о ком же вы говорили?

— О мадемуазель д'Оредан. Их связь настолько прочна, он относится к этой женщине так, как будто имеет на нее права.

— Она его любовница?

— Еще нет! У них платоническая любовь. Бедняжка д'Оредан редко появляется в светском обществе. Она соглашается выйти из дома только в том случае, если сопровождаю ее я. Зато он ее объект. Она заботится о его душе, о его продвижении по службе, следит за его

успехами, поддерживает его прожекты. поэтому все, в тайне от них, говорят, что дело кончится браком.

Д'Урвилль и Карлон обсуждали достоинства арсенала Квебека, сравнивая его с пушками Голдсборо. Анжелика мучительно напрягала свой ум, стараясь отвлечь собеседников от опасной темы. Ей хотелось остаться одной и привести в порядок мои мысли. Волнение размывало в ее памяти встречу с Бордагне. Она с трудом убеждала себя в том, что встреча действительно состоялась. Она взглянула на Жоффрея и встретила с его озабоченным взглядом. Он оставил своих гостей общаться друг с другом: ему тоже хотелось подумать о другом. Встретившись глазами с Анжеликой, он улыбнулся. Затем обратил внимание на то, что происходит. —

— Зачем забегать вперед, мсье, — сказал он, — мы еще не в Квебеке, и еще рано палить из пушек. Мы едем туда по приглашению мсье де Фронтенака, с которым я всегда находился в прекрасных отношениях.

— Естественно. Мсье де Фронтенак, как и вы, из Аквитании. Эта мятежная провинция потекает гугенотам.

— Человек с Севера! — прошептал Пейрак, а вслух добавил: — Но не бойтесь ничего! Ради любви к Канаде я пойду на все.

Решительно, праздник начался неудачно. Можно было подумать, что они сдут к заклятым врагам. Всем было жутковато. Анжелика подала знак метрдотелю. Наступила пора разливать вино. Когда вино заискрилось в бокалах, не оставалось ничего другого, как сравнивать его блеск со сверканием рубинов.

— Вот вино, удивительное во всех отношениях, — сказал Виль д'Эвре. — Оно радует и обоняние, и зрение, и вкус.

Знаете ли вы наверняка, как делается это вино? Я могу рассказать вам, так как долгое время жил в

Бургундии и знаю весь процесс.

Он выпил, провел по небу языком. Его глаза уже слипались, но маркиз еще долго описывал процесс приготовления бургундского вина.

— Но почему все время говорю я один? Скажите же что-нибудь вы. Пусть поговорят другие!

— Это потому, что вы нас очаровали, маркиз, — любезно сказал Пейрак, поднимая ему навстречу свой бокал. — Пить доброе вино, слушая вас, — что может быть приятнее!

— Вы мне льстите. Но это факт: куда бы я ни попал, я всем нравлюсь. При дворе никого так не слушают, как меня. А что я могу? Я люблю жизнь и ее удовольствия. Это меня и успокаивает и огорчает. При дворе меня ужасно ревновали. В Канаде спокойнее...

— Это ловушка, западня... это вино! Ведь это преступление — беречь его в тайне от всех. А кому оно предназначалось?

Невеждам, вандалам, — причмокивая от удовольствия, бормотал Виль д'Эвре.

— Епископу и губернатору Новой Франции, — заявила Анжелика. — Я имела удовольствие узнать, что вы забрали его не у Рене Дюга, маркиз. Вы отобрали его у представителя короля Франции, который приготовил вино в подарок здешним высокопоставленным лицам.

— У представителя короля Франции? — удивился Виль д'Эвре, и бокал застыл в его поднятой руке. — Ивы его видели? Вы с ним встречались? Вы с ним знакомы? Он вас любит? Ха! Ха! Значит, это правда, что он прячется на борту «Сен-Жан-Батиста»?

Его игривый взгляд переходил с Анжелики на Пейрака в поисках ответа на эти вопросы.

— Какая увлекательная история! Вы мне ее расскажете. — Он подал знак слугам налить ему еще вина и стал с наслаждением пить его. — Божественно!

— Вы смеетесь, маркиз, — возразила со смехом Анжелика, — но знайте, что ваш непростительный поступок нанес вред репутации моего супруга.

— Это очень забавно!

— Совсем не забавно. Это специальный посланник короля. Он выполняет определенную миссию. Что везет он? Письма? Приказы? А вы отобрали у него вино и испортили настроение.

— Тем хуже для него! — сказал Виль д'Эвре. — Он мог показаться и защититься. Мне отказались даже назвать его имя. А вы знаете его? — обратился маркиз к ней.

Она покачала головой, не говоря ни да ни нет.

— Вы знаете все! — воскликнул он. — И вы откроете мне все. Договорились. Во всяком случае, это недоразумение с вином не имеет никакого значения. В сравнении с тем, что мы имеем на своей совести и что могло бы привести нас на виселицу или на костер, несколько бочонков вина — это пустяк.

— Что вы хотите этим сказать? — растерянно спросил Карлон.

Виль д'Эвре лукаво посмотрел на него.

— Всего лишь смерть герцогини де Бодрикур.

— Замолчите! — сказал Карлон, глянув в сторону слуг.

Но маркиз махнул рукой.

— Они с нами, они все видели. Что вы хотите от них скрыть? А правда, мы все на этом-корабле — банда разбойников, связанных одной ужасной тайной.

И приободрившись, он залпом выпил бокал.

— Я обожаю вино... Я чувствую, что живу. Вина, мой друг! — протянул он бокал виночерпию, который остановился позади Вилья д'Эвре, не решаясь отойти от него. Маркиз находился в состоянии экзальтации. — Оказаться, наконец, на острове отверженных, проклятых, тех, кто выступил против закона...

Ха! Выдумаете, что убийство герцогини таки сойдст с рук? Вы подумайте только, что все высшее духовенство предупреждено о ее прибытии. Благодетельница с несметными богатствами...

Отец д'Оржеваль в первую очередь поинтересуется, что с ней случилось. Говорят, они родственники.

— Ах! Это ужасно, — простонал Карлон. — Вы снова бередите мою рану.

— Ну уж нет! Вы драматизируете.

— Как это я драматизирую? Смерть молодой, красивой, пленительной женщины, дамы, которой покровительствовал двор... И отец д'Оржеваль... И при ужасных обстоятельствах...

— Вы были там и, насколько я знаю, ничего не предприняли. Единственный человек, который сделал гуманный жест, это она, — указал Виль д'Эвре на Анжелику.

Два канадских сеньора, Гранбуа и Вовенар, давно уже пытались вступить в разговор, но только теперь они сумели вставить слово.

— Ну, о чем вы тут разговорились? Преступление... Ее не убили. Бог милостив. Мы там были. Помните? Она убежала в лес, где ее растерзали волки. Но мадам де Пейрак сделала все возможное, чтобы спасти ее на пляже.

— Кстати, почему вы ее спасали? — спросил Вовенар, повернувшись к Анжелике. — Я этого никак не мог понять.

— А я — тем более, — сказала Анжелика.

Ей показалось, что она и сейчас слышит душераздирающий крик Амбруазины. Она выпила большой бокал вина, чтобы прийти в себя.

— ...Я не знаю, почему я это сделала. Может быть, потому, что на пляже мы были единственными женщинами. Будьте милосердны, перемените тему.

— Ах, женщины! — воскликнул Виль д'Эвре. — Что представлял бы собой мир без вас? Он был бы лишен нежности, благодушия, очарования, капризов, неожиданных алогичных поворотов, в которых заключается секрет вашего обаяния.

— Маркиз! Я обожаю вас, — сказала Анжелика, обнимая его.

— Это вино опьяняет, — резюмировал Карлон, рассматривая свой бокал на свет. — Я думаю, что мы захмелели.

— И это в то время, когда истина должна была открыться на дне вашего бокала! — отрезал Виль д'Эвре.

— Да... — Карлон хранил мрачный вид, — по правде говоря, герцогиню убили мы, поэтому нас и мучает совесть. Вы правы, мсье Виль д'Эвре. Вопреки своему желанию я готов признать себя соучастником преступления.

— Двух! — отрезал маркиз.

— Двух?! — подскочил интендант.

— Да. Одно то, в котором упрекает вас совесть, — убийство герцогини де Бодрикур. Второе: вы пьете вместе с нами весь вечер вино, которое предназначалось губернатору и епископу.

— Я не знал его назначения, когда садился за стол.

— Это не помешало вам пить и наслаждаться им.

Глава 24

Некоторое время интендант Карлон оставался удрученным. Было видно, что он старается разобраться, как выпутаться из такой деликатной ситуации.

Была засада англичан на берегу Сен-Жана, вмешательство-де Пейрака спасло его от плена в Новой Англии; затем Тидмагоуч, суд на пляже, где он должен был выступить официальным свидетелем и где ему довелось выслушать обвинительную речь.

В этой речи предъявлялись обвинения в ужасных преступлениях. Абсолютно безумная авантюра. Он спрашивал себя, каким образом его втянули в это дело. Он больше никогда не поедет в Акадию.

— Ах, зачем я пустился в это путешествие в Акадию? — простонал он.

— Да, зачем? — спросил с насмешкой Виль д'Эвре. — Это могу сказать вам я. Вы желали сунуть нос в мои дела, помешать мне получить мои дивиденды. Вы предполагали, что совершите турне в Акадию, как вы совершали турне в провинцию, чтобы поприжать бедняков. А Акадия — это совсем другая страна.

Там не то обращение. Акадия вас потрепала, вы просто жалкий человек.

— Не забывайте о рамках дозволенного, — запротестовала Анжелика, приходя на помощь несчастному. — Маркиз, вы Очень злы. Не слушайте его, интендант. Мы выпили лишнее.

Завтра вы протрезвеете и снова наберетесь смелости.

— Но вы не забудете, что здесь было сказано, — настаивал Виль д'Эвре. — Забыть! Забыть Акадию! Если вы забудете, то я напомню вам, я!

— Вы слишком строги с ним, маркиз.

— Э-э. Он строг тоже. Если бы вы могли знать его в Квебеке. Ведь он действует только по чьей-то указке. Я не упущу случая взять реванш. Вы не знаете меня. Я могу быть очень, очень злым.

Мысли Анжелики блуждали. Бордагне. Ла-Рошель. Сон, грезы. Но сегодня жизнь начинается вновь. Она теперь в безопасности. Она под защитой человека, который ничего не боится. И он отгородил ее своей любовью от всех бед. Почувствовав магическое притяжение, она поискала его глазами на другом конце стола и, найдя Жоффрея, успокоилась. Колесо фортуны повернулось. Ей выпало счастье.

А он, воздавая ей должное, медленно поднял свой бокал в ее сторону и, казалось, повторял издали: «Давайте выпьем, выпьем! За здоровье короля Франции!» Она выпила и почувствовала, как по всему телу вместе с этим божественным напитком растекается радость и уверенность в победе. Анжелика пила медленно. Она испытывала жажду, а вино было прекрасным. Его горячие волны ощущались в горле, как бесконечный поцелуй. Она утоляла жажду и не могла утолить.

«Что означал наш поцелуй?» — она задавала вопрос сама себе. Это казалось ей лишним, но она не жалела о случившемся. Она испытывала бесконечное удовольствие. Видение Ла-Рошели. Боли и радости, которые принадлежали только ей.

Рядом с ней Виль д'Эвре продолжал вести разговор сам с собой.

— ...Еще опаснее Карл она военный губернатор. Один из ваших злейших врагов.

— Однако он гасконец, как Фронтенак, как мой муж.

— Да, но он тип мрачный, скрытный. Он примкнул к партии отца д'Оржеваля, как когда-то его предки во времена Реформации.

— Разве он мог быть протестантом? Ведь он занимал такой высокий пост!

— Нет, Но он был сыном обращенного. А это хуже. Вот Сабина де Кастель-Морга — это другое дело. Она царит в городе, так как держит в руках массу дел. В меру благочестивая, она занимается благотворительностью, бывает в светском обществе. Милосердие и интрига одинаково свойственны ее натуре. Находились и такие, кто думал, что она злая и некрасивая. Я же — нет — так не думаю. Я люблю ее, как свою сестру. Но мы поспорили, даже поссорились из-за ее сына Анн-Франсуа. Д'Оржеваль посылал его на охоту с капканами на нагорье. Я возражал. Но Сабина

полностью была во власти Себастьяна д'Оржеваля. Говорили даже, что она его любовница.

— Но ведь он иезуит! — возразила Анжелика.

— О! Знаете ли, эти иезуиты...

— Молчите, вы слишком много выпили. Вы злословите.

Она выпила еще. Вино было вкусным и прекрасно утоляло жажду, не опьяняя человека. Оно постепенно растекалось по языку, проникало во внутренности и возбуждало аппетит.

Анжелика ощутила, как тепло распространяется по телу и пожаром воспламеняет всю ее душу.

Ей потребовалось выйти. Свежий воздух закружил ее, успокаивая и опьяняя больше, чем вино. Во тьме покачивание корабля на волнах вызывало головокружение. Угли в жаровне горели в ночи красными и золотыми огоньками, как вино в бокалах. От жаровни поднимался запах жареного мяса.

Около батареи слышался смех. Там Кантор и Ванно развлекали «девушек короли». Пели матросы. Каждый понимал, что часовые могут рассчитывать на глоток бургундского. Она сделала несколько шагов в сторону света и тени. Она была здесь одна, в чудесном соседстве с собственной тенью. Этого двойника подарило опьянение.

«Кто может одержать верх над тобой? — спрашивала Анжелику ее тень. — Что наговаривает этот Карлон? Будущее принадлежит тебе! Ты обладаешь Любовью, ты обладаешь Красотой... Молодость еще не кончилась. Бодрость, вкус к жизни, умение наслаждаться красивыми вещами, защита и покровительство мужчины, который тебя боготворит... Стоит тебе только появиться в Квебеке, и ты покоришь этот город».

Чья-то рука обвила ее железным обручем, привлекла к себе, запрокинула ее лицо.

— Они все абсолютно пьяны, — сказал голос де Пейрака.

— Любовь моя! Любовь моя!

В этом состоянии головокружения его руки, лаская ее, опьяняли еще больше.

— Любовь моя! Любовь моя! — Он обнял ее еще крепче, а его губы произнесли: — Шайтан! Шайтан!

И это напомнило ей персидского принца. Он тоже говорил: «Шайтан! Дьяволица!»!

— Идемте, душечка, метрдотель принесет фазана, украшенного перьями... и пирог...

Он повел ее в каюту.

— Вы отведаете лакомые закуски. Это поможет вам расстаться с головокружением. Вы будете завораживать нас своей красотой. Когда вы уходите, меркнет свет. Мы всего лишь грубые бедолаги, волей судьбы оказавшиеся на краю света;

Глава 25

На этот раз у интенданта двоилось в глазах. Он видел двух бойцов за правду на том конце стола, где находился де Пейрак.

— Вы оказываете на нас сильное давление, — сказал он, еле ворочая языком. — Я понимаю, что король уберет вас со своего пути. Я знаю только одного человека, который равен вам во власти над людьми. Это Себастьян д'Оржеваль. Но у него нет вашего золота, чтобы восторжествовать.

— У него есть другое: небесные легионы и даже сатанинские, когда это ему нужно.

Интендант не прореагировал на эти слова. Он продолжал пристально всматриваться в Жоффрея де Пейрака, который сквозь густую пелену казался ему Мефистофелем, — Вы очень много знаете обо мне, обо всех нас.

— Нет, ошибаетесь, мсье интендант, — сказал де Пейрак, неожиданно воодушевляясь. — Вы для меня

незнакомец, так как я знаю о вас только то, чем вы изволили поделиться. Это ничтожно мало. Мы все тоже стараемся запрягать, скрыть свое «я», выставляя себя папиными простачками.

И однако, признайтесь, мсье интендант, не доводилось ли вам разрушать свой образ, который сложился у окружающих? Мы все привязаны к этому образу?

Я предлагаю вам в этот вечер игру. Разрушим свой образ, пойдем с другой карты, с той, которую мы прячем от чужих глаз. Это очень ценная карта, ведь мы знаем, что она еще не была в игре. Именно она будет истинной сущностью нас самих. Так мы очутимся среди друзей, а не среди врагов, мы будем смотреть в глаза друг другу без уверток. Все мы здесь, на этом корабле.

Впрочем, теперь ночь. Кругом пусто. Мир выключен, стерт. Ночь располагает к доверию, к откровенности. Давайте заглянем в себя и откроем себя... без колебаний... не стыдясь ничего... Кем бы вы хотели стать, мсье Карлон, если бы вы не сделали административной карьеры?

Игра, предложенная де Пейраком, сразу изменила обстановку. Лица оживились, глаза искали в кольцах дыма призраки забытой мечты.

— Мсье интендант, вам честь начать игру, — сказал тихо де Пейрак.

— Нет, никогда! Ни в коем случае. Я вам сказал, — и в пьяном угаре он несколько раз стукнул кулаком по столу. — Я не играю. Я больше не играю. Я ухожу. — Но он не смог сделать ни шага, и снова сел на прежнее место.

— Ну что ж. Хорошо. Я подам пример, — сказал Пейрак.

— Я начинаю.

Он поднял голову. Свет свечей резче нарисовал его шрамы и морщины, но в то же время подчеркнул силу и

привлекательность, которую придавали ему красиво очерченные чувственные губы. Этот нежный рот скрывал обычно малопривлекательное выражение его лица. Оно вызывало трепет, может быть, из-за шрамов? А возможно, такое выражение придавал ему острый пронзительный взгляд очень черных глаз? Его смуглая кожа обветрилась. Можно было предположить, что в его жилах течет и мавританская кровь. Когда эти губы посещала насмешливая улыбка, обнажались ослепительно белые зубы. Для Анжелики в этой улыбке заключалась вся прелесть мира, улыбка предназначалась ей и давала ей умопомрачительную радость. Казалось, что граф пытался рассмотреть на брусках потолка приметы своей мечты.

— Прежде чем стать бродягой в этом мире, — начал де Пейрак, — я тысячу раз начинал рискованную игру, предлагаемую жизнью. Бывало, что удача сама шла в руки, а затем я терял все. Я покорял земли, чтобы защищать их. Я находился в положении, которое, с одной стороны, полностью соответствует моей натуре авантюриста, врага монотонности. Все же я испытывал чувство неудовлетворенности, мне казалось, что я сбился с пути, что меня насильно отталкивают от предназначенной мне судьбы. Прежде чем снова стать принцем, властелином целой провинции, каким я и был некогда, унаследовав земли и власть со всеми обязанностями и почестями, которые соответствуют этому положению, я долго был человеком, обреченным на продолжение научных поисков, — хотя у меня были обширные познания.

Я работал в лаборатории на свой страх и риск. Если бы какой-нибудь меценат снабжал мою лабораторию новейшими аппаратами, приборами, освобождая мне время для чисто научных работ! Когда ученому доводится заниматься вопросами снабжения, он уподобляется птице с обрезанными крыльями. Он хочет

устремиться вперед, он чувствует, он знает, но не может. Ему не хватает средств... времени... покоя... Его гонят, преследуют, высылают из страны в страну. Ах! если бы можно было запрятаться, как в келье, стать невидимкой. Не замечать ни дня, ни ночи, быть свидетелем научных открытий, бесконечного обновления! Знать, что у тебя есть возможность идти вперед, как можно дальше раздвигать границы человеческого познания...

— Я не верю вам, — прервал его Виль д'Эвре. — Вы в боль шей степени эпикуреец, чем ученый человек. Вам нравится наша жизнь. А слава? А имя?

— Пустяки!

— А женщины, мой дорогой? Вы что же, спокойно проходили бы мимо них?

— Я никогда не утверждал, что ученый, увлеченный любимой работой и сложными научными изысканиями, должен отказаться от прелестей жизни.

— Живя среди реторт, можно и засохнуть, — сказал Гранбуа.

— Что составляет радость жизни для увлеченного человека, объяснить очень трудно. Мулаи Исмаил, султан Марокко, развращенный, привыкший к роскоши и сладострастию, сказал мне однажды, что ему очень нравится творить молитвы.

Если бы он не был королем Марокко, он стал бы самым ярым аскетом-пустынником.

— Вы хотите сказать, что наука тоже привлекает к себе тайными соблазнами?

-Да!

И улыбка, которая так нравилась Анжелике, тронула губы Рескатора.

— Бассомпье, смелее! Ваш черед.

Бывший пират Золотой Бороды покраснел. Это был еще молодой человек, красивый, любезный, получивший воспитание кавалера, удачливый дуэлянт. Он выбрал

путь приключений. Для него не было большой разницы между сражениями с корсарами или с королевскими матросами. Поэтому он нашел себе применение там, где был большой шанс овладеть фортуной. Смерть его невесты Мари-ла-Дюс замкнула его характер, наложила отпечаток печали на его лицо.

— Я хотел бы быть старшим братом в семье, не столько из стремления обладать богатством и почестями, сколько из желания владеть имением, где мы жили. Я хотел бы его улучшить, украсить, чтобы устраивать там роскошные праздники.

Как Фуке в Во-ле-Викомия. Я хотел бы иметь небольшую свиту из писателей и артистов; я занялся бы классическим образованием, у меня есть вкус к возвышенному. Вот мой брат живет при дворе, душит налогами своих крестьян, чтобы поддерживать свой престиж в обществе. Я хотел бы забыть об этом.

— А какова разница в возрасте между вами?

— Мы — близнецы.

— Почему вы его не убьете? — простодушно спросил Виль д'Эвре.

— Чтобы не убить его, я и убежал из дома!

— Кто знает, может, уже недалеко то время, когда он уступит тебе место, — заметил Гранбуа.

— У него есть сыновья.

— Не стоит сокрушаться, мсье Бассомпье, — вмешалась в разговор Анжелика. — Сегодня осталось не так уж много земель, которыми владеют принцы, король этого не допускает.

Вы все равно остались бы без своих поместий.

Затем заговорил Эриксон. Он удивил всех, заявив, что хотел бы быть польским королем.

— Почему именно польским? — спросил Виль д'Эвре.

— Так.

Вот так мечта! Лишь бы иметь власть. Никто не знал хорошо историю Польши. Мысли расплывались, вино

циркулировало в крови. Люди забывали о сне, слушая саморазоблачения. Один говорил о том, о чем слушатель никогда и не мечтал, другой рассказывал о жизни, которая пролетела перед его носом. Кое-кто почесывал затылок, уверяя, что он все же победит судьбу и что будет жить лучше, но не знает, когда это случится. Гранбуа признался, что у него была только одна мечта: стать очень богатым, носить парик, ездить в карете, иметь слуг и служанок и никогда не уезжать из своего жилища. В Акадии он проводил свое время в лесах и горах, плавал на лодке по рекам, ходил на яхте во Французскую бухту. Но к несчастью, в его карманах всегда гулял ветер. Там не задерживалось ни одного экю. Прощай, замок, карста, спокойная жизнь!

— Но чтобы вы делали каждый день в своем владении? — спросила Анжелика.

— Я играл бы в карты, наказывал слуг, выращивал бы розы, лечил бы свою подагру и каждый вечер находил бы в своей постели женщину...

— Разных женщин?

— Нет, всегда одну и ту же. Женщину, которая принадлежала бы только мне. Я не люблю спать один, мне бывает холодно и страшно. Жизнь на реке Сен-Жан не была для меня везучей. Индианки... Тьфу! О, извините, мадам...

— Придержи свой язык! — воскликнул Вовенар.

— Говори, теперь твоя очередь, — проворчал ему в ответ Гранбуа. — Меньше будешь смеяться над другими!

Вовенар замолчал и призадумался.

— Я вижу себя священником, — сказал он наконец, — и даже иезуитом. Да, я хотел бы стать иезуитом, — повторил он.

— Я хочу повелевать.

— Мсье интендант, теперь очередь за вами.

— Мне не в чем признаваться.

— Скажите мне, — взмолилась Анжелика, беря его за руку.

Этот жест сломил сопротивление Жана Карлона.

— Ну ладно! Когда мне исполнилось восемнадцать лет, у меня была встреча.

— Она была красива?

— Нет.

— Богата?

— Речь не о женщине!

— Ах!

— А кто же это был? — спросила Анжелика.

— Мольер, — почти неслышно прошептал Карлон. Затем он оживился. — Его звали тогда Покленом. Мы вместе с ним занимались юриспруденцией, готовясь стать адвокатами. Жан-Батист сочинял трагедии и давал спектакли. Следуя его примеру, я решил посвятить себя театральному искусству. Но мой отец поколотил меня. Сказал, что я буду предан проклятию, что меня похоронят без покаяния, как собаку, вне кладбища. Его можно понять. И я пошел по пути, начертанному отцом.

— И вы имели успех на этом поприще, — заметила Анжелика, — А Мольер — на своем. Однако я скажу вам, мсье Карлон, не жалеете ни о чем. У артистов безумная жизнь. Ваш соученик знает, какой дорогой ценой доводится смешить двор. Лучше быть в партере, чем на сцене.

— Итак, мы все удовлетворены своей судьбой, — заключил Пейрак, поднимая свой бокал. — Мсье Карлон, вы не преданы проклятью. Что касается меня, я благодарен своему тернистому пути, который привел меня к встрече с вами в этот вечер в Канаде. Выпьем же за пересечение наших жизненных путей! За наши успехи! За наши мечты! За Мольера! — обернулся он к Карлону.

— За Мольера! — тихим голосом отозвался тот, и его глаза увлажнились.

Когда были подняты бокалы с красным вином, слышались далекие аккорды гитары Кантора, ей подпевали флейты и арфы. Чистые голоса пели: «Жаворонок, славный жаворонок!»

— Молодость не знает того, что знаем мы, — сказал Виль д'Эвре. — Эти юноши не подозревают» что в их рукаве спрятана карта, которая никогда не будет участвовать в игре.

Они долго еще пили. В глубине бокалов сверкало солнце, проплывали тени, виноградные гроздья мерцали в тени виноградников.

— За Бургундию! За французское вино! За короля Франции! — предложил Виль д'Эвре, с каждым тостом повышая голос.

И он заплакал, говоря, что Франция так далеко, что о них там забыли, что скучно жить в здешних краях.

Карлон тоже заплакал, думая о Мольере.

Анжелика поднялась. Ноги плохо повиновались ей. Эти господа сейчас пойдут курить, а она заснет сном праведника в своей постели.

— Мадам! А вы ничего не рассказали о себе, — запротестовал кто-то.

— О, это правда! Но что я могу сказать после таких серьезных исповедей? Уже давно я мечтала побывать в Америке.

Но я тогда была еще ребенком. А позже, пережив множество жизненных неожиданностей, я стала мечтать о надежном убежище. Я хотела бы обрести элегантное комфортабельное жилье. Я жила бы там с любимым мужчиной, который тоже любил бы меня. Я готовила бы вкусные пирожные своим детям.

— В общем скромные мечты, как у Гранбуа. Разве вам не приходилось никогда мечтать, как любой

женщине, о больших почестях, о Версале, о дворе?.. Не хотелось понравиться королю?

— Я могла бы понравиться королю, но предпочитаю не нравиться...

— Какое безумие! — воскликнули мужчины. — Не хотите же вы заставить нас поверить, что вы презираете двор... Этот рай для избранных, достойных вельмож...

Резко повернувшись к ним, она спросила:

— А отравители?

Но ее заявление, вопреки логике, вызвало взрыв смеха. Все развеселились. Отравители?! В Версале?! Анжелика сделала заключение:

— Вот почему я здесь.

— В руках пирата, — шепотом произнес Жоффрей, который закурил свою длинную сигару.

— Значит, это правда, она и вас опьянила, мсье?

— Не совсем, но почти.

— Когда же?

Анжелика скользнула к Пейраку и приложила пальцы к его губам, потому что подумала, что он намерен дать объяснения.

— Нет, дорогой, молчите! Вы запутаете всех этих господ!

Это слишком долго рассказывать.

Пейрак поймал налету ее длинные тонкие пальцы и жадно поднес к губам, а она ласково погладила его взлохмаченную черную шевелюру.

Вино разрушило преграды, которые иногда возникали между ними.

Подойдя к ним, Виль д'Эвре потянул Анжелику за платье, она попятилась и повернулась к нему.

— Вы расскажете мне все, не правда ли? Историю вашей любви с этим таинственным человеком, мсье де Пейраком... Когда мы будем в Квебеке...

— А мы туда когда-нибудь попадем? Вы слышали, что сказал интендант? Что меня оттуда выгонят, забросают камнями, сожгут живьем. Я предполагаю, что и он подбросит хвороста в огонь.

— Мадам, что вы говорите! Господь сохранит меня от подобного, — воскликнул Карлон, устремляясь к Анжелике нетвердый шагом. — Вы меня не поняли. Я говорил... чтобы вас предупредить. — Жители Квебека не идиоты. Я уверен, что вы очаруете их... Они преклонят колени.

— Я не прошу этого, — развеселилась Анжелика. — Мсье Карлон, я прощаю вам все за такие слова. Не забудьте этого завтра, когда вы будете трезвы.

Очень трудным делом оказалось найти дверь, глотнуть чистого воздуха и пересечь палубу, чтобы попасть в свою каюту.

Пейрак тоже смеялся, услышав издалека диалог между интендантом и своей женой. Они все были совершенно пьяны.

Этот Карлон, спокойный и уравновешенный старый холостяк, и тот поддался чарам Анжелики. Опасность этой женщины в том, что она всегда остается сама собой, и становится еще естественней, когда вино заставляет пылать ее щеки, зажигает свет в ее глазах. Зубы ее сверкают, когда она смеется. Очень редко ему доводилось наблюдать, как она смеется. Новым был и образ несравненной спасительницы. Она была... Она была воплощением соблазна.

Анжелика в Версале... Анжелика, смеющаяся перед королем. Какой мужчина может устоять перед этим? Будь то король, бродяга, финансовый чиновник. Куда она их заведет? Весь город покорится ей, «преклонит колени». К его счастью постоянно примешивалась боль и сжимала сердце. Ему трудно было видеть, что она очаровывает всех и что ей приятно сознавать свою власть над мужчинами, вызывать в них любовь.

Пейрак подошел к двери, за которой скрылась Анжелика, и заметил Виля д'Эвре. Лицо маркиза было озабочено. Казалось, он страшно огорчен. Внезапно он заявил:

— Это несправедливо.

— Что именно?

— Что она вас любит, — возмутился Виль д'Эвре, — она вас действительно любит. Она без ума от пас. Только вы можете рассчитывать...

— Вы уверены?

— Это ясно... это бросается в глаза!

— В чем вы это видите, маркиз?

И маркиз сделал удивительное заявление, в котором не было логики. Но в этот вечер никто из них не размышлял логично.

— Вы — единственный, кто может заставить ее страдать, — сказал он.

На мгновение де Пейраку показалось, что мысли маркиза витают где-то далеко отсюда. Он поднес сигару к губам, выпустил голубоватые кольца дыма. Слова де Виля д'Эвре пробудили в нем бесконечную радость.

«Она действительно вас любит... Она без ума от вас». И потом еще: «Вы единственный, кто может заставить ее страдать». Жоффрею де Пейраку пришло на память, как он услышал ее рыдания за дверью. Она плакала, как ребенок, в тот вечер, когда он ударил ее. Он был тогда взволнован, не пожелав выслушать ее объяснений...

Она одна имела власть над его сердцем, могла приводить его в отчаяние, унижать или возвышать одним только взглядом своих изумрудных глаз. Этот взгляд для других становился неумолимым. Он ощутил, что ни капельки не завидует своим соперникам: ни королю, ни Мулаи Исмаилу... Бедняги!.. Он один из всех

ее любовников мог вызвать слезы на ее глазах. Он видел ее на коленях у своих ног.

Не беспокоясь о впечатлении, какое может произвести на графа его заявление, Виль д'Эвре продолжал тоскливым, обреченным тоном:

— Но почему вы? Только вы? Вот в чем тайна! Вот несправедливость. Вы — не красавец. Вы даже пугающе страшны... Конечно, вы богаты... Но все мы здесь... тоже богаты. Впрочем, не богатство притягивает ее к вам, вы окружили ее роскошью, но судьба авантюриста может ли понравиться такой женщине?

Ей следовало бы блистать в Версале! Что ж. Тем хуже. За неимением Версаля я сделаю ее здесь королевой Квебека.

Он искоса взглянул на Пейрака.

— Вы ревнивы?

— Могу быть таким.

Лицо маркиза прояснилось.

— Значит, грешны? Но это замечательно! Решительно, вы — настоящий мужчина. Вы даже можете быть ревнивым. У вас все козыри. Я понимаю, что она вас любит. Но я не представляю, как, когда могло произойти сближение таких разных, не похожих друг на друга характеров.

Пейрак приблизил лицо к маркизу, чтобы сделать признание:

— Слушайте: я купил ее, когда она была семнадцатилетней девочкой, вместе с серебряным рудником. Ее отец, мелкопоместный дворянин, уступал мне рудник при условии, что я возьму в придачу и его дочь. Я заключил сделку, хотя не видел девочку, которую продавали.

— И это была она?

— Это была она.

— Вам всегда везет, мсье де Пейрак!

— Нет, не всегда. Смотря по обстоятельствам. Это была ЛЮБОВЬ, но нас разлучили.

— Кто вас разлучил?

— Король.

— Значит, король — ваш соперник?

— Нет, это слишком. Это я — его соперник.

— Ах, да! Этим вы желаете сказать, что король любит ее, а она любит вас?

— Да.

Виль д'Эвре казался озабоченным.

— Это так серьезно. Будем полагать... Может быть, король ее забыл?

— Вы думаете, что король сам забудет ее?

Виль д'Эвре отрицательно качнул головой. Конфиденциальные речи Жоффрея де Пейрака, неожиданные и сенсационные, очень его удивили. Он потирал руки.

— Хо, хо! Мне думается, обстановка осложняется. Это прекрасно! Жизнь прекрасна!

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. ПРИБЫТИЕ И УБЫТИЕ

Глава 26

Бордагне ждал... ждал.

Анжелика наблюдала, как он прогуливается по берегу. Какие-то люди в мантии и фетровых шляпах с перьями держались на расстоянии. Иногда они кидали взгляды в сторону Анжелики, не догадываясь, что сами являются объектом ее интереса. Очевидно, это были люди из его окружения, пассажиры «Сен-Жан-Батиста». Николас де Бордагне на пляже Тадуссака ожидал свою прекрасную служанку из Ла-Рошели. Даже походка выдавала влюбленного, озабоченного только одним предметом: придет ли она? Увидит ли он ее снова? Этого не может быть, неужели она здесь, рядом?

Анжелика пристально вглядывалась в подзорную трубу, чтобы понять, в каком он настроении. Она

должна была принять очевидное. Это был он, и он ее ждал.

На ее пути стоял призрак. Как только она оказалась в водах Святого Лаврентия, у нее появилось ощущение, что они движутся по необитаемым краям, чтобы встретить безымянные тени. И вот одна из теней появилась из тумана: Николас де Бордагне. А за его спиной стояли полицейский Дегре, мсье де ля Рейни — лейтенант королевской полиции, а затем и сам король. Король тоже как призрак. Его приглушенный голос звал ее: «Моя незабвенная!»

Вчера вечером Николас де Бордагне держал ее в своих объятиях, а она, прильнув к его губам, целовала все эти забытые лица. Чудный вечер. Замечательное бургундское вино, выпитое на борту «Голдсборо», словно пробило огромную брешь между вчерашним и новым днем. Она вспоминала каждого гостя на «Голдсборо».

Застолье завершилось на заре. Анжелика погрузилась в глубокий сон, едва добравшись до своего ложа. Сон ее был светлым и легким. Она чувствовала рядом Жоффрея, крепко обнимавшего ее. Прелестная, опьяняющая ночь подарила ощущение осуществленной мечты. Утром казалось, что трагедии и безрассудства — в прошлом.

Новое утро в Канаде. Ледяной воздух, чистый, как хрусталь, тускло серебрится в отблесках реки. Нужно опомниться.

Бордагне здесь. А с ним неясная тоска. Нужно же было, чтобы для слежки за самозванным владельцем Голдсборо король избрал именно его!

Жоффрей не верит в то, что это случайное совпадение. Однако король, наверное, не знал, что Николас де Бордагне знаком с Анжеликой по Ла-Рошели. Точно так же губернатор этого города не догадывался, что она бывала в Версале. Ведь в его

глазах Анжелика — всего лишь бедная служанка в семье буржуа-гугенота.

— Служанка, несомненно, достойная восхищения, — сказал Жоффрей, смеясь.

Но взгляд его при этом был жестоким. И она вспомнила его ревность по отношению к Берну, а затем конфликте Коленом Патюрелем. Он убил на дуэли лейтенанта Пон-Бриана, который посмел ее пожелать. Анжелика должна была признаться, что несмотря на отвращение, которое она во времена Ла-Рошели питала к мужским ухаживаниям, постоянство и упорство его вулканического желания взбудоражили ее. А теперь Бордагне в Канаде, Направляется в Квебек, чтобы перезимовать там. Можно ожидать вспышек...

Что таится за всем этим?

Вознамерившись сойти на берег, чтобы днем вновь встретиться с влюбленным Бордагне, Анжелика все-таки раздумывала. Она рассматривала его в кружок подзорной трубы. А где же Жоффрей? Вдруг она увидела, что граф де Пейрак, сойдя на берег, сразу же направился к Бордагне. Он шел в сопровождении испанской гвардии. Ее сердце отчаянно забилося.

Но напрасно она так сильно волновалась. Она имела дело с мужчинами, которые прежде всего хотели избежать неприятностей. Сознание собственной ответственности было слишком серьезно в каждом из них. Они не хотели выставлять на первое место личные амбиции.

Она заметила, как церемонно они подошли друг к другу и, приветствуя один другого глубоким поклоном, сняли шляпы с перьями, украшавшими их дворянские головные уборы. Затем они приблизились друг к другу и обменялись несколькими фразами, как того требовала обычная вежливость. Казалось, что оба стойко выдержали испытание. Николас де Бордагне оказался ниже ростом, чем Жоффрей де Пейрак. Ни один из них

не показывал высокомерия. Они вели себя, как персоны высокого ранга на дипломатической встрече.

Анжелика отложила подзорную трубу и направилась к шлюпке, чтобы присоединиться к мужчинам. Приближаясь к берегу, она увидела, что Жоффрей де Пейрак оставил посланца короля одного, а сам удалился. Мсье де Бордагне стоял неподвижно, пристально вглядываясь в силуэт «Голдсборо». Он искал ее фигуру на палубе корабля, не замечая, что она в шлюпке приближается к берегу. Она посылая ему дружеские знаки, внимательно рассматривая его в утреннем свете. Действительно, в нем было что-то от Филиппа. У Бордагне была даже более благородная внешность. Без усов он выглядел моложе. Он был явным представителем Западной Франции. Матовая кожа лица приятно контрастировала с серо-голубым цветом глаз. Нельзя было отрицать, что у него хорошая выправка. Он был из тех дворян, которые умеют носить мантию, что стало редкостью, как заметила язвительная Амбруазина в тот день, когда Жоффрей де Пейрак галантно приветствовал ее на берегах Голдсборо.

Поверх парика Бордагне носил круглую шляпу с перьями, по последней моде. Вся его внешность дышала изысканностью. Решительно, усы, вернее отсутствие усов, абсолютно изменили его внешность. Хотя она не могла сказать, что именно изменилось в лице, которое она знала два года тому назад.

Он увидел Анжелику только тогда, когда она сошла на берег. Она заметила, как блеснули его зубы в улыбке. Он поспешно бросился к ней навстречу, затем остановился в нескольких шагах, чтобы приветствовать ее.

— Какая богиня приближается ко мне! — воскликнул он.

— Дорогая Анжелика! Я вижу вас при свете дня и знаю, что это не сон, не греза. Я вижу, что вы такая,

какой я представлял вас себе вчера в потемках. Даже еще прекраснее. Какое чудо! Не буду от вас ничего скрывать. Я был так взбудоражен, расстроен, боялся обольщаться. Я был на грани безумия, я не спал всю ночь.

«А мы упивались до утра вином, — подумала Анжелика, — его бургундским вином. Это нечестно».

Как бы искупая эту несправедливость, Анжелика ласково протянула ему руку. Он с восторгом поцеловал ее.

— Я видела, как вы сейчас разговаривали с моим супругом, — сказала она.

Де Бордагне нахмурился.

— Увы! Тяжкое испытание для моего раненого сердца.

Однако я должен сознаться, что он проявил большую галантность по отношению ко мне. Завидя его издали в окружении иностранной гвардии, я сразу понял, с кем имею дело. Испанская гвардия! Короче, я очень сожалею, что этот господин с повадками кондотьера — ваш супруг. Его лицо вызывает страх.

Однако он дружелюбно обратился ко мне с любезными словами. Он заверил меня в своей преданности королю Франции, в которой я не очень уверен, и в том, что я могу пользоваться полной свободой. Это заявление запоздало, ведьмы были подвержены аресту, как только приплыли в Тадуссак. Не вам ли я обязан избавлением? Он утверждает, что завтра мы сможем продолжать свой путь, так как ремонтные работы на корабле закончены. Словом, я не могу пожаловаться на отношение. Но я еще не скоро отделаюсь от гнетущего впечатления, которое осталось от его внешнего вида.

Он замолчал на минуту, затем продолжал:

— Мне подумалось, если он Рескатор, то значит, именно с этим пиратом вы убежали из Ла-Рошели.

Можно сомневаться в этом, но я помню, что тогда часто упоминалось имя Рескатора. Его действия под стенами Ла-Рошели, чтобы укрыться от пушечных ядер, вполне в его стиле. Теперь я понимаю все.

Именно там вы его и встретили.

«Это неправда!» — хотела сказать Анжелика, но он продолжал свою мысль:

— Конечно, я понимаю, вы считаете его своим спасителем и обязаны ему свободой. Вы хотели выразить ему свою признательность. Но зачем же было выходить за него замуж, бедное дитя! Какая беда! Почему вы не подождали меня?!

— Я не могла предположить, что вас направят в Канаду.

— Нет, я хотел сказать, почему вы не подождали моего возвращения в Ла-Рошель вместо того, чтобы сломя голову броситься прочь.

— Вскоре нас всех бы арестовали. У Бомара был список.

Кроме того, мне было известно, что вы не вернетесь, так как впали в немилость.

Бордагне щелкнул зубами.

— Болван! Жалею, что не проткнул его шпагой, как жалкую крысу.

— Это ничего не изменило бы.

— Оставим эту неприятную историю, — предложил со вздохом мсье де Бордагне. — И, вот теперь вы стали мадам де Пейрак.

— Теперь — сегодня и вчера.

Анжелика была готова объяснить, что вышла замуж за Пейрака давно, что они провели пятнадцать лет вдали друг от друга, что благодаря счастливой случайности вновь повстречались у Ла-Рошели. Но эта задача показалась ей невыполнимой. Он уже привык думать о ней, как о милой обманщице. Он начнет ее расспрашивать, чтобы выяснить все до конца. Этот

человек не хотел слышать того, что причиняло ему боль, что разрушало его мечты и надежды. Так зачем же рассказывать все подробности? Он же может проговориться обо всем в Квебеке и этим усилить позиции их врагов. Что знают о них в Тадуссаке? Какие-то слухи уже бродят по городу. Наступит время, когда о них узнают и в Квебеке. Но не стоит подливать масло в огонь враждебно настроенных людей. Ко всем опасностям, подстерегавшим их в Квебеке, Анжелика, отмеченная клеймом — лилией, могла добавить угрозу быть опознанной и арестованной.

Круг замыкался. Рассказать всю свою историю — значило связать себя по рукам и ногам и сдать на милость этому посланцу короля. Даже если он и влюблен в нее, разве ему удержаться от насмешки? Она никогда не должна забывать о его миссии. Ведь Людовик XIV поручил ему собрать сведения о странной паре, разузнать, не является ли женщина, сопровождающая графа де Пейрака, Мятежницей из Пуату. Это будет нелегко.

Когда она слушала его рассказ о короле, когда он говорил, даже не подозревая о том, что она, именно она побывала в объятиях этого короля, — о том, как Его Величество, давая ему наставления, провожал его до двери; когда он описывал несравненную красоту дворца, залитого июньским солнцем, ей хотелось оборвать его, заявив «да, я знаю», и спросить: «Построили ли новую оранжерею? Завершили ли левое крыло дворца? Какие пьесы я этот сезон ставил Мольер перед принцами?» Она вовремя сдержалась и изменила тему разговора.

— Я все время забываю спросить вас, вы женаты?

— Женат... — вздохнул де Бордагне. — Как вы это себе представляете?

— Почему бы и нет? Мне кажется, что за два года вы могли бы жениться.

— За два адских гола, да! Вы не отдаете себе отчета, сколько я перенес за эти два года. Отчаяние, когда вы сбежали от меня, а затем немилость короля.

Когда-то он был доволен собой и своей жизнью и вдруг почувствовал себя отверженным и принял это как трагедию. «Неужели я и вправду нанесла ему такой удар?» — спросила себя Анжелика.

Он поведал ей, что несмотря на протекцию Дегре, он был заточен в тюрьму. Главный лейтенант полиции мсье де ля Рейни выпустил его оттуда.

Анжелика, воспользовавшись случаем, задала ему вопрос, который жег ей язык:

— Как могли вас после стольких неудач рекомендовать

королю для подобной миссии? Ведь это весьма ответственное задание?!

— Меня рекомендовал как раз мсье де ля Рейни. Я предполагаю, что дело обстояло так. Король искал, кому бы доверить миссию в Канаде. Я знаю, что он привык обращаться в таких вопросах к лейтенанту полиции мсье де ля Рейни, который имеет полное представление о населении королевства, о каждом подданном короля. А Дегре не расставался с лейтенантом полиции. Дегре — его правая рука. Видя, что мсье де ля Рейни пытается услужить Его Величеству, он подсказал ему выход.

Напомнил, что именно лейтенант помог мне выйти из Бастилии и уладить мои дела. Именно поэтому, хотя проклятый Дегре заставил меня страдать, я должен быть ему благодарен.

— Да, я понимаю. Так значит, по вашим словам, это Дегре посоветовал вас на королевскую службу в Канаде. И вам поручили проследить за графом де Пейраком. Вы так мне говорили.

— Да, именно ему, Дегре, мсье де ля Рейни поручил сопроводить меня в Версаль. Убедившись, что король

действительно разговаривал со мной, он начал очень низко кланяться, приветствуя меня. Больше я не слышал от него даже намеков на приключение в Ла-Рошели. Видите, как сложились дела.

Да, она это очень хорошо понимала. И разве ошибался Жоффрей, предугадав, что за кулисами этого назначения затаился шутник — Дьявол. Он дергает веревочки по своему усмотрению и навел несчастного Бордагне на след той, которую он так любил. Король величественно восседает под люстрами Версаля и даст указания Николасу де Бордагне, пытаюсь скрыть дрожь в голосе:

«Извольте также, мсье, когда будете в Канаде, разузнать о женщине, которая живет с графом де Пейраком. Не та ли это особа, которая некогда потерпела поражение в провинции, по имени Мятежница Пуату? Она скрылась. И вот уже в течение двух лет моя полиция не в состоянии ее разыскать. Она так же опасна, как и граф де Пейрак».

А полицейский Дегре, спрятавшись за голубой занавеской с королевскими лилиями, подслушивает эти речи и прячет под маской безразличия насмешливую улыбку.

Дегре, должно быть, здорово развлекался, плетя сеть этой интриги. Она представила, как зажигаются искорки в его глазах цвета красноватой меди. Случайно ли целью его плана было отыскать именно ее, Маркизу ангелов, снова найти ее... «Дегре, мой друг Дегре», — подумала она, внезапно охваченная ностальгией.

— Вы думаете о Дегре, — с горечью заметил мсье де Бордагне. — Нет, не возражайте, это очевидно. Ваш взгляд стал мягче. Но я прослыл бы злопамятным негодяем, если бы держал за пазухой камень на него. Хотя он мне и неприятен, я не должен забывать, что именно благодаря Дегре я на свободе и сегодня

нахожусь в Канаде, рядом с вами. А ведь я мог томиться на гнилой соломе в тюрьме.

Невинный Бордагне!

Рассуждая так, он сделал несколько шагов, не обращая внимания на обычную сутолоку. Канадцы посматривали на них. Эти двое отличались от других людей. Они были и знакомы давно, еще там, откуда приехали, — в Европе, в Ла-Рошели. У них были общие воспоминания.

— Как я любил Ла-Рошель! — вздохнул он.

— Я тоже.

— Я часто мечтаю о Ла-Рошели. Мне кажется, что это был лучший период в моей жизни. Я тогда испытывал вдохновение, готов был решать любые проблемы. Этот город имел неповторимый облик. И там я встретил вас. Я любил даже несносных гугенотов. Мне нравился их семейный уклад. Их женщины — серьезные, рассудительные. Кстати, вы говорили о женитьбе.

Был момент, когда я хотел вступить в законный брак со старшей дочерью мсье. Маниголя, красавицей Жснни. Но один только намек вызвал неопиcуемый страх в этой кальвинистской семье. Я для них был чертом. Мне предпочли какого-то глупого офицеришку. Зато он был гугенотом.

Упоминание о Женни расстроило Анжелику. Бедняжка Женни! Ее украли дикари. Она исчезла в чаще американского леса. Это жестокая страна.

Бордагне не расспрашивал ни о чем, и она решила не говорить ему, что случилось с Женни, прелестной жительницей Ла-Рошели.

— А вы исчезли из Ла-Рошели по совету вашего хозяина, этого Берна. Он страстно желал вас. В вашем присутствии он боялся поднять на вас глаза. Знаю я эти штучки. Я сомневаюсь,

что он мог не поддаться искушению.

— Когда же вы оставите в покос несчастного Берна?
— вздохнула она. — Его здесь нет, и вы можете с ним никогда не встретиться. Напоминаю еще раз, что я больше не служанка Берна.

— Правда, вы супруга этого пирата, высокомерного сеньора. Он соблазнил вас своей фортуной. Это само собой разумеется. Но это несправедливо, и я никогда с этим не смирюсь. Вы должны принадлежать мне, должны стать моей любовницей.

— Здесь? Сейчас? — спросила она, указывая на сельскую местность, посреди которой они остановились. Затем она рассмеялась, заметив его растерянность.

— Дорогой мсье де Бордагне, взвешивайте ваши слова, пожалуйста. Они смешат меня, но будьте благоразумны. Вы находитесь рядом с супругой графа де Пейрака, и как бы неприятен он вам ни был, я обязана быть верной ему. Думаю, что я не обижу вас, если напомню, что мужчины такого темперамента очень высоко ценят честь. И вы тоже не из числа тех, кого страх перед дуэлью заставит остановиться. Будьте добры сохранить дружбу, которую вы мне внушаете, и не обижайтесь на то, что я вам сказала.

Анжелика заметила, что Бордагне слушает ее с мечтательным видом, как будто его внимание больше привлекают модуляции голоса, нежели значение слов. Он страдал, но испытывал при этом наслаждение.

— Я снова вижу очаровательную Анжелику, вспоминаю, как умело вы вели семейное, хозяйство в доме Берна. Как вы умеете воспитывать детей! Дело доходило до того, что я ревновал вас к детям Берна. Я мечтал быть ребенком, которого вы ласково брали на руки, побранив с нежностью.

— Но я не в ваших руках, увы, и вы не ласкаете меня.

Они расслабились, и оба дружески рассмеялись. Мсье де Бордагне взял Анжелику под руку.

— Не бойтесь ничего. Мне, конечно, очень тяжело, но вы настолько очаровательны, что я не могу на вас долго сердиться. Злопамятство с моей стороны по отношению к вам было бы несправедливым. Вы влили яд в мою кровь, но вы же и подарили большое счастье. Я обещаю впредь быть благоразумным. Но не скрывайтесь больше!

— Куда же я скроюсь, мой бедный друг? — спросила она смеясь. — Хочешь не хочешь, а жизнь ведет нас к Квебеку, где мы обречены зимовать все вместе.

— Тогда я вас увижу... я вас увижу, — прошептал он, как бы боясь поверить подобному счастью. — Я предполагал вчера вечером, что при этой встрече случится что-то замечательное.

Анжелика не чувствовала подобного восторга. Она видела за его спиной ироническое лицо Дегре. Если она и рассматривала проживание в Квебеке как западню, непредвиденное появление Бордагне вносило в нее новый элемент, скорее благоприятный.

Если он действительно любит ее до такой степени, когда страсть ослепляет и мужчина готов на все, чтобы удовлетворить желание, то она сохранит власть над ним. Он может быть ей полезен, как это было в Ла-Рошели.

В конце концов, даже сам мсье де Фронтенак должен выказывать повиновение посланнику короля.

Анжелика почувствовала облегчение и невольно прижала к себе руку де Бордагне, на которую опиралась. Он с удивлением взглянул на нее счастливыми глазами.

В это время глаза Анжелики, блуждающие по горизонту, заметили белое пятно, которое постепенно увеличивалось в размерах: в верховьях реки появился парус.

Несколько мальчишек ринулись к реке с возгласами: «Мирабелла!»

Глава 27

— «Мирабелла»! — воскликнул Николас де Бордагне. — Это же королевский корабль, который должен прийти из Квебека, чтобы выручить меня!

— Но на вас никто не нападал, — в гневе возразила Анжелика. Она отдернула руку, которую он нежно пожимал. — Перестаньте говорить об опасности. Вам никто не угрожает. И объясните этому слабоумному, что не стоит пускать в ход пушки. От этого ваше положение станет незавидным. В отношении меня запомните хорошенько: все, что касается графа де Пейрака, моего супруга, касается также и меня. Напрасно вы будете надеяться на мою дружбу, если вы окажетесь на стороне его врагов.

Она покинула его, рассерженная и огорченная, и побежала к берегу, где ее ждали дети и телохранители.

Она почти столкнулась с Маргаритой Буржуа. Женщины обменялись быстрым взглядом. Они не встречались два дня. Анжелика сказала:

— Не думайте, что прибытие этого корабля может что-нибудь изменить. Мы явились сюда не для того, чтобы воевать.

— Я целиком разделяю вашу надежду, — согласилась Маргарита Буржуа.

Но жители поселения были в недоумении. Среди безучастных созерцателей стали выделяться группы вооруженных матросов. Постепенно пляж заполнялся людьми.

Люди де Пейрака не проявляли враждебности, но их поведение озадачивало окружающих. Анжелика заметила, что корабли поменяли позицию. Те, которые охраняли фланги утром, поднимали паруса и разворачивались в маневре. Корабль, которым командовал Бассомпье, подходил поближе к

«Голдсборо». Небольшие яхты и самое тяжелое судно выстроились в каре. Как и в тот день, когда они захватили «Сен-Жан-Батиста», указав ему направление в Тадуссак, корабли расположились полукругом, закрыв путь из реки, блокировали пролив с севера. Прибывающему кораблю ничего другого не оставалось, как остановиться в Тадуссаке. Пока Анжелика вела шутливую беседу с посланником короля, Жоффрей де Пейрак и его корабли быстро заняли свои позиции и побеспокоились о защите. Оставалось надеяться, что во имя чести флага «Мирабелла» не совершит непоправимой ошибки.

— Мне очень не хотелось бы открывать огонь по кораблю Его Величества, — прошептал де Пейрак.

Анжелика увидела, что он стоит неподалеку со своими старшими офицерами.

— Не хотите ли вы возвратиться со мной на борт «Голдсборо»? — спросил он ее. — Возможно, именно там мы встретим командира «Мирабеллы», и ваше присутствие будет крайне необходимым в наших переговорах.

Он галантно приветствовал Николаса де Бордагне, который держался на небольшом расстоянии, и помог Анжелике, детям и Иоланде с Адемаром усесться по местам в шлюпке. Анжелика была так взволнована, что даже не взглянула на посланца короля.

Когда они подплывали к «Голдсборо», то прошли на близком расстоянии от «Мирабеллы». Они слышали даже команды капитана на мостике. Было видно, как матросы поднимаются по лестницам, расчаливают ванты, другие занимались парусами. Тяжелый корабль поворачивал в сторону.

— Он уходит в Квебек, — воскликнула Анжелика.

-Все, кто был в шлюпке» заинтригованно наблюдали за «Мирабеллой». Но судно просто повернулось к устью

Сугенея и постепенно удалилось вверх по реке. Послышался всплеск воды: бросили якоря.

— Оказывается, это осторожный корабль!

— Я не предполагал, что эти господа из королевского мореходства будут так настороженно вести себя.

Они поднялись на борт «Голдсборо» и продолжали издали наблюдать за маневрами прибывшего судна. Корабль Бассомпье находился поблизости, в готовности вступить в бой, если в этом возникнет необходимость.

Все заметили, как на прибывшем корабле отделили бортовую шлюпку, потом направили ее к «Голдсборо».

— Разве я не предсказывал этот визит? — спросил де Пейрак.

Виль д'Эвре старался разглядеть, что там происходит.

— Эти молокососы из королевского мореходства... Они только и годны, чтобы гулять по мирным морям. А «Мирабелла»? Я вас спрашиваю, разве это подходящее название для корабля? Такое возможно только в Англии.

— А какое дали бы вы своему кораблю, мсье де Виль д'Эвре? — спросила Онорина.

— Я еще не знаю, дитя мое. Я подумаю...

В шлюпке с гребцами сидел очень солидный, крепкий мужчина. Ворот его мантио был поднят и закрывал лицо. На голове — высокая меховая шапка.

— Это не командир «Мирабеллы», — пояснил Виль д'Эвре.

— Обычно они одеваются иначе: носят пеструю одежду, расшитую золотом и украшенную галунами, на голове — роскошный парик.

Человек очень быстро поднялся по высокой лестнице, которая была спущена для него, взошел на палубу. Он был обут в огромные сапоги из моржовой

кожи. Его кружевное жабо было завязано черт знает как, но он носил шпагу.

— Мсье барон д'Арребу! — воскликнули все, увидев президента, синдика Квебека, который был гостем в Вапассу прошлой зимой. Он остановился, посмотрел на Пейрака, потом на Анжелику, и суровое выражение его лица смягчилось. Он направился к ним с протянутой рукой. С явным удовольствием поцеловал руку Анжелике, показывая мимикой, как приятно поражен новой встречей с гранд-дамой. Он помнил ее по суровой атмосфере форта.

Он остановился, заметив Виля д'Эвре и интенданта, не ожидая встретить их в качестве гостей де Пейрака на борту «Голдсборо», затем повернулся к графу. Здесь барон увидел его в новой роли. Граф стоял на капитанском мостике корабля, управляя своим флотом с многочисленным экипажем. Он показал себя хозяином Тадуссака.

— Добро пожаловать на борт «Голдсборо», — сказал граф, приближаясь к барону. — Вы прибыли как представитель командира «Мирабеллы»?

— Нет, а почему вы так полагаете? — спросил, не скрывая удивления, барон д'Арребу.

Он бросил взгляд в сторону «Мирабеллы».

— Этот олух де Люпе поклялся своим спасением, что добьется повышения по службе. Меня это не волнует. Но я потребовал, чтобы в мое распоряжение выделили одну шлюпку, чтобы я мог приветствовать вас и предупредить.

— О чем?

Барон д'Арребу немного отступил. У него был расстроенный вид.

Глава 28

Торжественным и трагическим голосом мсье д'Арребу сообщил: «Над Квебеком проплыли пылающие лодки». Затем замолчал.

Вдали у розового утеса Святого Лаврентия стоял на причале корабль. Он вынырнул из зимнего тумана и теперь четко выделялся своими тремя мачтами. Больше ничего. Этот корабль приплыл сюда напрасно. Что он сможет сделать? Разве дожидаться, чтобы пять кораблей ни с того ни с сего уступили свои позиции? Оки сделал, что мог, — направил к «Голдсборо» шлюпку с человеком горячим и крепким и в то же время обходительным. И человек этот искренне обрадовался неожиданной встрече с четой де Пейрак.

Мсье д'Арребу был преданным другом.

Появление «Мирабеллы» само по себе не являлось трагедией. Трагедию предрекало только что сделанное бароном д'Арребу заявление: «Над Квебеком проплыли пылающие лодки». Анжелике показалось, что барон хотел еще сказать: «Поверните! Поверните назад! Вы прокляты!» Она огляделась, чтобы понять, как присутствующие отреагировали на эту новость. Анжелика видела в этом дурное предзнаменование, ведь она была родом из Пуату, где народ суеверен. В ее провинции рассказывали об охотнике со сворой собак. Когда он в огне пересекал небо, это предрекало чуму, всяческие беды и даже смерть. Небольшая часть офицеров и компаньонов де Пейрака отнеслись к заявлению д'Арребу равнодушно. Они даже не поняли, о чем идет речь. Граф де Пейрак выел у шал эту новость спокойно и иронично. Он не боялся знаков, предвещавших беды. Карлоном овладел страх, а Виля д'Эвре новость развлекла.

— Эти народные легенды прекрасны, не правда ли?
— восхитился маркиз.

— Да, знаете ли, моя дорогая, — обратился он к Анжелике, — здесь рассказывают, что периодически по небу проплывает огненное каноэ, это то же, что лодки в Канаде. А во Франции по небу бродит огненный охотник со сворой собак. Это нормально. Мы находимся в

Канаде. Фантазия разных народов не очень-то отличается друг от друга. Люди нуждаются в чудесах.

Народ верит, что небо посылает ему знак. Я сам видел. В 1660

году, в момент землетрясения, помните, д'Арребу?

— Да, я помню, — подтвердил барон. — Поэтому я хочу вас предупредить, мсье де Пейрак. Огненные лодки проплыли над Квебеком несколько дней назад. Тому много свидетелей.

Часть очевидцев утверждает, что видели далекую флотилию, пересекавшую небо в направлении Виль-Мари де Монреаль.

— А кто был на борту? — спросил Виль д'Эвре.

— Мученики-иезуиты: отцы Бребеф, Лалиман, а также охотники, но их трудно было различить в пламени. Возможно, среди них был Никола Перро.

— Никола Перро? — воскликнула Анжелика. Ее это взволновало так, как будто ей только что сообщили о смерти ее дорогого друга-канадца. — Не говорите мне, что с ним случилось несчастье.

— Прекратите разговоры! — потерял терпение Карлон. — Мы все хорошо понимаем, что это вздор суеверных бродяг.

— Полегче, мой друг! — прервал его Виль д'Эвре, — я сам видел, своими глазами.

— О, вы! Вы всегда все видите. А вот я «их» никогда не видел. Впрочем, это неважно. Видел ли их кто-нибудь или не видел, но ясно, что город охватило волнение. Уверен, что половина горожан в церкви, а другая половина — на крепостном валу. Держу пари.

— Вы совершенно правы. Урсулилки уже начали молиться о том, чтобы корабли мсье де Пейрака повернули обратно.

— Это никоим образом не облегчает ваш визит в Квебек, граф.

— Вы прибыли к нам по поручению испуганного народа, барон? — спросил де Пейрак.

Д'Арребу задумался над вопросом, затем помрачнел и тяжело склонил голову, — Нет, нет, наоборот, меня никто не уполномочил.

— Что вы хотите сказать этим «наоборот»?

Барон опустил голову.

— Я возвращаюсь во Францию, — сказал он, — вот почему я оказался на борту «Мирабеллы». — Он выглядел очень расстроенным. — Я был арестован, — добавил он.

Удивленное восклицание вырвалось у присутствующих.

— Из-за чего? — спросила Анжелика. — По какой причине:

— Из-за вас, — ответил барон, пристально взглянув на нее.

Все замерли в молчании. Мсье д'Арребу был одним из первопроходцев Канады. Казалось невозможным, что с ним могут обойтись подобным образом. Никто не представлял, как Анжелика стала причиной его ареста.

— Но когда я говорю «вы», то имею в виду и мсье де Пейрака. Мадам, извините меня. Короче, я был горячим приверженцем вас обоих.

— Так вот что нас ожидает! — изрек с печалью интендант Карлон.

Граф де Пейрак обратил внимание барона на корабль.

— Вы предполагаете, что господа на «Мирабелле» считают нас врагами?

— Я так не предполагаю. Командир корабля мсье де Люпе — он мой родственник — молодой человек, заинтересованный в том, чтобы не ссориться с канадцами. На борту его корабля я был заключенным, взятым им на поруки. Не желаете ли вы переговорить с ним?

— Конечно!

— В таком случае нет ли у вас белого шарфа или фонарика, чтобы я мог послать ему сигнал?

Виль д'Эвре предложил барону свой белый шарф, и д'Арребу взмахнул им несколько раз, прикрепив к шпаге.

Мсье де Люпе оказался молодым офицером, высоким, хорошо сложенным. У него был гордый, высокомерный вид. Это был довольно распространенный тип куртизана. Он походил на маркиза де Варда или на брата Луизы де Лавальер. Избалованное дитя светского общества. Его сопровождали шесть моряков с мушкетами.

— Мсье, — сказал он, едва ступив на палубу «Голдсборо», обращаясь к Пейраку, — питаете ли вы враждебные чувства к нам?

— Это я вас об этом должен спросить, — ответил де Пейрак.

Де Люпе посмотрел вокруг, примечая парусники, маневрирующие невдалеке.

— Я умею видеть, мсье, и умею считать. Я один против пяти кораблей. У меня нет приказа свыше о вас. Вы на меня не нападали. Франция не воюет с вашей провинцией. Почему я должен враждебно относиться к вам?

— Тогда мы квиты, мсье, вы можете продолжать свой путь!

— Я хотел бы остановиться на два дня в Тадуссаке, чтобы сделать запасы питьевой воды и дров.

— Как вам угодно, но при условии, что ваши люди будут с уважением относиться к нам и не станут проявлять враждебности.

— Подождите-ка, добрый молодец, — вмешался в разговор Жан Карлон, выступая вперед. — Нужно, чтобы вы погрузили мои мачты и древесный уголь для Гавра.

— Но мой трюм полностью забит, — воскликнул офицер, краснея. — И кто вы такой, чтобы разговаривать со мной в таком тоне?

— Кто я такой? Вы сейчас узнаете, мой мальчик! — воскликнул интендант Новой Франции.

Анжелика не стала дожидаться конца этого бурного диалога. Видя, что все складывается как нельзя лучше, она увела барона д'Арребу в кабинет для карточной игры. Ей не терпелось поговорить с ним и выяснить, каким образом из-за них оказался в числе арестованных.

Глава 29

— Что же произошло? — начала Анжелика, когда они поудобнее устроились за столиком, где стояли бокалы бургундского вина.

— Вы об этом спрашиваете? — вздохнул он. — Увы, и вы тоже... Мы, Ломени и я, прикинулись дурачками. Когда мы вернулись из Вапассу, то оба наперебой говорили, что мы влюблены в Даму Серебряного Озера, то есть в вас.

— Яне представляю себе, как мсье де Ломени рассказывал об этом, — засмеялась Анжелика. — Это не в его привычках.

Разве он не священнослужитель? Кавалер Мальтийского ордена.

— Абсолютно верно! Его поведение шокировало еще больше, чем мое. Вы плохо знаете его, мсье де Ломени — человек легкомысленный и вспыльчивый. Когда речь заходит о страстных увлечениях, то он с охотой рассказывает о своих приключениях, не зная меры. Так вот, нас посылали к вам, чтобы мы могли составить мнение о вас. Нас выбрали, наверное, потому, что мы должны были легко заслужить и ваше доверие. Только позже я понял это. Мы не оправдали надежд наших сограждан.

Мы поведали о том, что видели. От нас потребовали письменный отчет, но и тогда мы написали только о том, что видели. Мы не хотели лгать, как это было угодно властям. Вот. и все.

— Выпейте еще, — предложила она, видя, что его нервы натянуты до предела. Куда же девался тот спокойный и уравновешенный человек, каким он был в прошлом году в Вапассу?

— Это вино Бургундии.

— Оно действительно очень вкусное. Настоящий нектар.

Я чувствую себя лучше.

— Успокойтесь. Теперь вы с нами. Мы вас спасем.

— Это невозможно. Я не могу успокоиться: я — человек, впавший в немилость. Во Франции меня ждет только Бастилия.

В этот момент дверь открылась, и появился маркиз де Виль д'Эвре, потирая руки.

— Хо, хо! Хорошенькое дело! Прибытие «Мирабеллы» позволяет мне написать мадам де Понтарвиль и попросить прислать мне одного из ее мавританчиков. Он станет моим пажом.

Он присел рядом с ними и налил себе вина в бокал.

— Вы говорили о Бастилии, барон. Не волнуйтесь. Кто не побывал в Бастилии? Даже я сам, как и все. Но я, например, притащил туда своего слугу и повара. Насчет обслуживания вы не сомневайтесь. Там можно все уладить.

— Благодарю вас за совет, — сказал д'Арребу.

— Уверяю, что нам будет не хватать вас, когда зимними вечерами мы станем собираться за карточным столом в Квебеке.

— Не веселитесь заранее. Вас тоже могут выкинуть метлой из Квебека.

— Меня? Меня никто не посмеет тронуть!

— Я тоже точно так же говорил еще несколько месяцев назад. Но вы видите, — обратился он к Анжелике, — как плохо обернулось дело, помимо нашей воли. Коннополицейская стража явилась арестовать меня однажды утром. Арестовать меня, президента, синдика Квебека!

— Коннополицейская стража?! — вытаращил глаза Виль д'Эвре. — Никогда я не поверю, что Фронтенак мог отдать такой приказ.

— Нет, но он дал Кастель-Морга все полномочия. Это военный губернатор города, не будем забывать об этом. Да, пожалуй, он является и военным губернатором всей Новой Франции. Это он направил коннополицейскую стражу.

— А ваша жена? — спросил Виль д'Эвре, как бы осененный внезапной мыслью. — Она тоже возвращается с вами во Францию? Вы до сих пор не говорили мне, что она на борту «Мирабеллы». Скорее в шлюпку, я еду к ней с визитом, к моей обожаемой подруге.

— Нет, ее нет на борту «Мирабеллы», — проворчал д'Арребу и, вскочив на ноги, повлек маркиза к двери. — Ее нет со мной. Вы прекрасно знаете, что она находится в монастыре в Монреале.

— В монастыре! В монастыре! — повторил Виль д'Эвре, как будто не понимая. — Это же заключение! Это все равно, что она замурована. И вы разрешили ей это? И вы можете уехать в Европу, оставив ее здесь? Вы — чудовище. Я на вашем месте разбил бы ее камеру киркой. Люси — в заключении...

Такая чарующая красота... Куколка... У нее самая совершенная в мире грудь, а вы пренебрегли...

— Замолчите! Замолчите сейчас же! — Д'Арребу покраснел и схватил его за галстук. — Замолчите, несчастный! Вы вонзаете нож в мою рану...

Он так покраснел, что впору было применить кровопускание. Мужчины внезапно вцепились друг в друга, и Анжелика не успела помешать им. Она не знала, как их помирить. Они поняли, что поступили, как дикари, прервали свою ссору и попросили у нее извинения.

— Извините меня, мадам, — сказал д'Арребу. — Все эти события меня подкосили, а мсье де Виль д'Эвре меня распалил.

Виль д'Эвре привел себя в порядок. Он был раздосадован, особенно его поразила новость о Люси д'Арребу.

— Что ж, вы увели от меня Люси и хотите, чтобы я вас поздравлял! Убирайтесь! Уезжайте! И пусть вас упрячут в Бастилию...»Я буду рад.

И он удалился, чтобы написать письмо мадам де Понтарвиль.

— Он прав, — сказал барон д'Арребу. — Если я уеду, то уже никогда не увижу Люси. Я это чувствую. Она замурована здесь, в Виль-Мари, а я тоже буду замурован в Бастилии. А кто о нас позаботится? Ах, как много несчастий и бедствий обрушилось на меня за такое короткое время!

— Нужно что-нибудь сделать для мсье д'Арребу, — с такими словами Анжелика шагнула навстречу Жоффрею де Пейраку. — Он разлучается с женой.

Она объяснила мужу все, что только что рассказал ей барон: как он скомпрометировал себя, выказав лояльность и дружбу по отношению к ним.

— Если он уедет в Европу, то, наверное, больше никогда не встретится с ней снова. А кто освободит его из Бастилии?

Пройдут годы. Я предложила ему остаться на борту «Голдсборо», но он сказал, что дал слово чести дворянину Люпе.

Жоффрей де Пейрак взглянул на капитана «Мирабеллы», который собирался уже вернуться на свой корабль. Граф спросил его о бароне. Тот ответил, что его арестовал не Фронтенак, что капитану абсолютно все равно, где будет мсье д'Арребу, — в Канаде или в Бастилии.

— Тогда есть решение этого вопроса, — сказал де Пейрак, входя с женой в комнату для игр.

— Мсье, хотели бы вы остаться в Канаде?

— Конечно! Сто раз — да! Ведь здесь остается мое сердце и моя жизнь. Но меня прогнал Большой Совет. Теперь мне нет места в Новой Франции. И я дал слово чести мсье де Люпе, что не убегу.

— Неважно, барон! Что можно сделать пирату? Вы оказались в моей власти. Мне нужен заложник. Мсье де Люпе вынужден уступить требованию флибустьера.

— Что вы хотите сказать?

— Вы — у меня в плену! Это очень просто.

Глава 30

«Этот Дегре — подлец, пройдоха». Это словечко, вынесенное из «Двора чудес», Анжелика вспомнила, думая о разговоре с Бордагне. Во «Дворе чудес» слово это произносилось с восхищением.

Она находилась одна в салоне «Голдсборо». Стоя у своего письменного столика, она вспоминала Дегре. Дело было вечером. Лампа, заправленная моржовым жиром, освещала все мягким желтым светом. Эскимосы выменивали такие светильники на соль и жемчуг. Лампа освещала и обогревала.

Сегодня Анжелика не захотела сойти на берег. Она не желала вновь встречаться с де Бордагне. Анжелика узнала у него все. «Сен-Жан-Батист» отправляется, говорят, завтра. И. будь что будет! Она еще встретится с влюбленным в нее молодым человеком в Квебеке! В связи с Бордагне ее мысли перешли на Дегре.

Перед ней возник его образ. Дегре смотрел на нее из сумрака и говорил ей: «Вот и я, Маркиза ангелов».

Это привело к следующим рассуждениям: если в дело вмешается Дегре, это будет к лучшему. Дегре удачлив. В то же время Дегре всегда появляется в опасных ситуациях. Он может вмешаться в дело, чтобы помешать де Бордагне. Ведь тот думает, что Дегре позаботился о важной миссии, оценив его качества. А разыграть эту карту должна она. Здесь! Теперь!

Вот факты: д'Арребу был арестован, Ломени-Шамбор попал в немилость, угроза нависла над Вилем д'Эвре и интендантом Карлоном — и только потому, что они оказали им помощь в Акадии. Была еще Амбруазина — символ, квинтэссенция враждебных сил. Она как бы связывала заговоры двух миров. Ее предназначением было сражаться против Анжелики и Пейрака. Она исчезла. Но пришли другие. Как стоголовая гидра. Почему?

Вновь появляется Дегре. Он опять занял свое место. Нет, он никогда не покидал этого места.

Анжелика напрягла свою память.

Амбруазина когда-то поведала ей, что Дегре усиленно преследовал ее подругу, маркизу Бренвилье, отравительницу. Амбруазина сказала: «Я сбежала от него. Он был слишком любопытен, ой наступал мне на пятки».

Анжелика вскочила.

Зашевелился кто-то невидимый, как будто живое существо осторожно приближалось к ней, коснувшись ее платья. Анжелика отскочила назад. Она уже открыла рот, чтобы закричать от страха. Она стала очень нервной после истории с Демоном.

— Ах, это ты... Ты меня сильно напугал. Иди сюда, мой котенок.

Кот привык к ее апартаментам. Может быть, даже и спал на ее постели? Он удивился, что Анжелика стоит

неподвижно, прыгнул на стол и теперь был очень близко; он легонько коснулся щеки Анжелики своей мордочкой. Золотистые глаза заглянули в глаза Анжелики. Казалось, кот спрашивал: «Что случилось? Ты больна? Не хочешь ли ты поиграть?» Анжелика рассмеялась: «Иди ко мне, моя кошечка!» Она взяла его на руки, всматриваясь в кошачьи зрачки. Приласкав кота, она несколько успокоилась. Теперь она верила в будущее... Кот свернулся клубочком под лампой и удобно устроился на отдых.

Анжелика продолжала мечтать. Зло гуляло вокруг. В одном из будуаров Версаля когда-то, тоже ночью, она заметила, как при свете свечей новорожденному проткнули горло спицей. «Не заглядывайте в корзину!» — говорил стражам ужасный глухой голос колдуна, который на рассвете выносил из дворца неподвижный трупик. Она вновь испытала тошнотворный ужас той ночи.

Анжелика уселась перед секретером. Подобрав под себя лапки, прищунив глаза, кот с интересом наблюдал за необычными приготовлениями.

Шелковистые веленевые листы, чернильница, хорошо отточенное гусиное перо, скребок, перочинный ножик, восковая палочка, золотая коробочка с мелким песком. Этот последний предмет как раз и заинтересовал кота. При возможности он совал туда свой любопытный нос.

Анжелика редко присаживалась к своему секретеру. Узнав о решении Виля д'Эвре отослать в Европу почту, она подумала, что стоит последовать его примеру.

Туман темной ватой окутал окрестности и задерживал отъезд «Мирабеллы».

Поколебавшись, Анжелика принялась писать письмо. Всего, что она знала, достаточно для того, чтобы заставить замолчать эти змеиные языки, этих

желчных сластолюбцев, этих ревнивых святош, всегда готовых на подлость.

«Дегре, мой друг Дегре, я вам пишу из далекой страны. Вы знаете из какой. Вы должны это знать. Вы всегда знали все, что касается меня...»

Ей вспомнилось давнее. То время, когда он отправил ее в парильни мэтра Жоржа на улице Сен-Никола. То время, когда он гонялся за ней по улицам со своей собакой Сорбонной. Глубокой парижской ночью к его ногам упал кинжал. Ее кинжал... Полицейский исчез, растаяв во тьме. Время от времени Дегре возникал в ее жизни. А в Ла-Рошели он дал ей бежать.

«Дегре, мой друг Дегре! Вот что я хочу вам сказать. Шесть или семь лет тому назад вы пытались узнать некоторые секреты относительно знатных лиц, которых подозревали в преступлении. Сегодня я вам их выдам. Я знаю маленький домик на углу улицы Блан-Манто, на площади Трике. Живет там, по крайней мере, тогда жила, гадалка по имени ля Вуазин. У нее есть в Гравуа, со стороны предместья Сен-Дени чудесное жилище, есть и другие пристанища, где она занимается приготовлением своих снадобий и ядов. Там же убивали и детей».

Перо легко бегало по бумаге. Кот не сводил глаз с этого белого перышка в пальцах Анжелики. Когда котенок прикасался к нему лапкой, перо падало, но Анжелика не обращала на это внимания. Она полностью погрузилась в воспоминания. В те годы мсье де ля Рейни и Франсуа Дегре старались заполучить от нее секретные сведения. И вот сегодня она их выдаст. Когда-то то, что она знала, могло разрушить многое, весь двор отдать на поругание толпе, многих подвести под топор палача или передать в инквизицию, сослать в ссылку, исковеркать многим карьеру, поразить в сердце самого короля. Полицейские были уверены, что она знает тайны, и умоляли выдать их.

«Скажите, мадам, — настаивал де ля Рейни. — Какова она, ваша женщина-враг, кто она — колдунья, подкупленная ею?» Она ничего не сказала... Но сегодня она расскажет о врагах-невидимках.

«Эта женщина, ля Вуазин, имеет доступ в Версаль. Если вы приметесь за некую мадемуазель Дезайн...»

Дегре терпеливо дожидался этого часа. Он не мог сам, не имея доноса, проникнуть в Версаль, чтобы арестовать преступников. Он знал, что придется арестовывать высокопоставленных лиц.

«Благодаря этой девице вы найдете конец клубка. Эта особа — горничная одной из самых знатных дам в окружении короля. Искать нужно именно там».

Она остановилась и восстановила в памяти образ мадам де Монтеспан (которая когда-то была ее подругой), постоянно торжествующей любовницы короля, той, которая, считая Анжелику своей соперницей, пыталась ее убить. Она добавила:

«Именно эта высокопоставленная дама велела вышеупомянутой ля Вуазин приготовить мне «отравленную рубашку».

Она подумала и не написала огненного имени: «Атенаис де Монтеспан»... Довольно! Дегре поймет. Если же письмо попадет в чужие руки, то лучше, чтобы никто ничего не разобрал.

Мсье д'Арребу сказал: «Мой слуга отправится в путешествие. Он хочет возвратиться в Европу. Думаю, что он выполнит ваши поручения».

Дегре, наконец, получит ключ, который поможет ему приоткрыть дверь в этот вертеп преступлений. Крепость хорошо охраняется. При дворе люди спесивые, аморальные, надменные, уверенные в своих привилегиях, гордящиеся своими пороками, готовые на все ради удовлетворения своих страстей; слуги, камеристки, горничные идут по стопам своих господ. Черные грифы де ля Рейни не доводили расследования

дела до верхов. В Сене вылавливали пронзенные насквозь трупы; бродили слухи по поводу внезапных смертей, а они в спешке проводили расследование, не смея доводить дело до конца. Во всяком случае, даже самые ловкие полицейские и тс гонялись за призраком.

Герцогиня до Бодрикур была образцом такой крупной дичи, которую напрасно пытались преследовать, Анжелика вспомнила, что прибывшая в Голдсборо Амбруазина знала о многом из ее прошлого: что она бывала при дворе, что там она носила имя мадам дю Плесси де Бельер, понимала, что Атенаис ее всегда ненавидела. Дегре по этой ниточке сможет добраться даже до мадам де Бренвильс. Но отравительница — только мелкая рыбешка. Она действовала, как персонаж за сценой, в узком кругу своих близких и любовников, ради собственного удовольствия. Мышьяком ее обеспечивал Глазгер. Этот простак не любил болтать о своем товаре, он был скромнее, чем расторопная ля Вуазин, которая поставляла яд всему Парижу. Приведя маркизу де Бренвилье к эшафоту, полицейский рисковал остаться за бортом. Другая птичка, Амбруазина, улетела, и крупные преступники по-прежнему оставались неуловимы.

Неожиданно Анжелика вспомнила одну деталь. Ее порыв заставил вздрогнуть кота, мирно мурлыкавшего у нее на коленях. Она схватила перо и записала:

«Чтобы узнать все, вскройте конверт, который я оставила мсье де ля Рейни, попросив его вскрыть только после моей смерти. Я не умерла, но сегодня я вам говорю: сорвите печати с этого моего заявления. В нем вы найдете все документы, необходимые вам для расследования покушения, жертвой которого я должна была стать в Версале.

Там вы найдете также имена, знание которых позволит вам успешно расследовать злодеяния

презренных, которые безнаказанно готовят покушения на жизнь других людей и предали Сатане».

Она вычеркнула конец этой фразы. Комментарии не нужны. Она вспомнила, что в записке, которая находилась у ля Рейни, говорится о камеристке мадам де Монтеспан. Камеристка, по приказу своей госпожи, проносила во дворец таблетки для короля, возбуждающие его чувственность. Стража получила приказ пропускать водворен Вуазин в любое время дня и ночи. Они знали, что у нее в корзине находились новорожденные, которых через некоторое время задушат на жертвеннике Сатаны.

Как только черная месса завершалась, гадалка проходила с той же корзиной, в которой находился маленький трупик. Привратники и стража получали плату звонкой монетой.

Сколько задушенных детей, столько загубленных жизней, любви, красоты, молодости. Так злодеи платили Сатане за свое благополучие. Сотни флаконов с ядом таились в складках одежды.

Анжелика глубоко вздохнула. Когда по Парижу и его окрестностям проходили слухи о злодеяниях, их встречали смехом: «Вы говорите — отравители во дворце? И вы верите этим сплетням?»

Только упрямый и суровый Дегре мог положить конец этим глупым насмешкам. Превратить этот смех в слезы.

«Мой друг, отнеситесь благосклонно к моим разоблачениям. Я прошу вас: будьте внимательны к тому, что будут говорить о нас — Он догадается, что она говорит о себе и Жоффрее. — Отыщите врагов, которые теперь занимают высокое положение и пытаются погубить нас, хотя мы далеко от них. Будьте любезны, в меру ваших возможностей, защитите наши интересы перед королем».

Она зачеркнула и эту фразу. Дегре и сам догадается защитить их интересы перед королем. Ведь их судьба в руках короля. Поколебавшись, Анжелика подписала: «Маркиза ангелов».

Он вспомнит ее, почти ребенка, бегущую по грязным улицам Парижа в глухую ночную пору. Ее преследует собака.

«Сорбонна», — говорит вполголоса Анжелика. Она, должно быть, уже сдохла, собака Сорбонна. А как Анжелика боялась ее! Как только тогда не оборвалось ее сердце от этого бега! Сорбонна... Сорбонна...

Такой вновь ее увидит Дегре...

Она оторвала глаза от письма, посмотрела на котенка, который продолжал мурлыкать.

— Может быть, мы доберемся до конца? До самой вершины, до победы?

Анжелика посыпала письмо песком, а потом приписала внизу: «Может случиться так, что нам потребуются сведения относительно герцогини де Бодрикур. Не сможете ли вы передать их? Сообщите, что вы знаете о ней конкретно. Если в вашем распоряжении есть надежный курьер, пусть он нас предупредит. Герцогиня мертва, но в один прекрасный день могут поинтересоваться ею и ее исчезновением, тогда неплохо бы сослаться на конкретные сведения».

Глава 31

Вошел Жоффрей и через плечо Анжелики посмотрел, что она делает. Он был поражен при виде того, с каким усердием она пишет. Такое случалось редко. «Не могу же я проверять счета и посылки, ведь я не занимаюсь торговлей в Париже?» — Это были ее обычные отговорки.

— Кому вы пишете во Францию?

— Полицейскому Франсуа Дегре.

Она встала, протянув ему письмо.

— Хочешь прочесть?

Он молча пробежал глазами по строчкам. Жоффрей не спросил, почему она именно теперь решила открыться своему далекому другу. Он знал, что она обладает сильной интуицией. Ее тонкая рука поражала короля Франции в самое сердце. Когда-то давно, оставшись одна, она смогла защитить своих детей. Теперь она поднялась, чтобы встать на защиту его, ее — их.

При свете лампы она показалась Жоффрею такой красивой, что у него перехватило дыхание. Гладкая кожа и благородные черты лица с возрастом стали тоньше, изящнее. Величавую строгость ее лицу придавали покой и серьезность. Взгляд ее огромных глаз казался бездонным. Жизненные невзгоды не испортили его — лицо богини, мадонны.

Он громко сказал:

— Король получит удар в самое сердце.

— А разве он раздумывал, когда нанёс удар мне? И преследует меня поныне! — Она продолжала прерывающимся голосом: — Он преследует меня всевозможными способами. Он требовал, чтобы я в черном одеянии принесла публичное покаяние. Он требовал моей безоговорочной капитуляции... Чтобы я легла... в его постель. Он всеми силами, используя свою власть, пытался загнать меня в безвыходное положение, заставить меня уступить...

Она прервала свою речь и спросила:

— Что вы об этом думаете?

— О чем? Об этом письме? О вашем решении написать?

— И то, и другое.

— Я думаю, что это послание подобно дрейфующей mine.

Когда она попадет под корабль, то может взорвать его.

— Если она не будет дрейфовать слишком долго и попадет прямо в цель.

— А кто этот Дегре, который подожжет шнур и обеспечит взрыв?

— Дегре — единственный наш союзник там, во Франции.

Она встала, положила свою руку на его камзол, поглаживая бархат на том месте, где слышались удары его сердца.

— Вы не помните его? Он был вашим адвокатом.

— Я вспоминаю. Он здорово дрался на процессе.

Он ощущал робкое прикосновение ее теплой руки через ткань одежды. Хрупкая, нежная женская рука имела большую силу. Он вздрогнул от прилива любви.

— После этого процесса Дегре грозила смерть, и он спрятался. Я только теперь поняла, что мы с вами прожили долгую общую жизнь — вы и я, — потому что в прошлом у нас был преданный друг... Он, Дегре. Когда я потом снова встретила его, он был уволенным со службы полицейским, а я — преследуемой, гонимой женщиной. Он узнал меня. Так мы стали друзьями.

— Разумеется, он был без ума от вас.

— Дегре ни от кого и ни от чего не теряет голову.

— Но для вас он сделал небольшое исключение, не так ли?

— Может быть, но дело никогда не доходило до безумия.

— Он действовал в обход закона. Это уже много значит!

Он помог вам бежать из Ла-Рошели. Для полицейского высокого ранга это не так уж плохо.

Анжелика рассказала ему, какие свидетельства заключаются в записке, которую она оставила мсье де ля Рейни.

Слушая ее, Жоффрей размышлял о бесконечной борьбе, которую ведут люди, и высокопоставленные, и

те, кто обитает на дне. Везде вражда. Чтобы запрещать, требовать, брать. На вершине один человек — король. Его действия сконцентрированы только на том, чтобы разрушать единство людей, сеять рознь и вражду. Его жертвами становятся даже женщины. Чтобы служить королю, мадемуазель Лавальер предпочитает оскорбить Бога. Чтобы укрепить свою власть над королем, мадам де Монтеспан убивает своих соперниц, отдавшись Дьяволу. Анжелике нанесли много ударов, которые должны были показать его силу и победить ее окончательно. Нет ничего поразительного в том, что она так измотана, что так обессилена ее душа в этой ужасной войне.

— Мне вспомнилась одна деталь, — сказала она.

— Что? Расскажи! Я хочу знать все.

— Это... После всего я все-таки хотела выразить свою покорность королю, Это случилось в Плесси, где я вела жизнь затворницы. Я написала письмо о капитуляции. Я писала в этом письме, что склоняюсь перед ним. Если меня пустят в Версаль, я приму публичное покаяние перед лицом всего двора... Я обещала пасть перед ним на колени, как женщина-рабыня. Я вспоминаю, что действительно написала такое письмо... потому что я не могла больше... Я больше не могла смотреть, как солдаты грабят мою провинцию, как «миссионеры в сапогах» издеваются над крестьянами-гугенотами.

Особенно переживал наш сын Флоримон. Он был рядом. Он видел, как нас разоряют. Однажды он спросил меня: «Что же достанется мне в наследство?» Мне пришлось ответить ему: «Ничего, сын мой!» Как могла я его защитить? Я, бессильная женщина, заключенная в тюрьму в собственном доме, написала королю письмо. Молин, мой старый управляющий, направился с письмом в Версаль. Но было уже поздно!

Жофfrey слушал ее. Он едва сдерживал свой гнев.

— К счастью, Флоримону удалось вовремя удрать... У него была мечта. Он встретил вас с Кантором здесь, в Америке.

Ее голос оборвался. Она молчала, глядя в пустоту.

— Затем? — прошептал он.

— Затем... Вы это знаете... Нет? Разве я не говорила вам раньше об этом? Потом... «Они» явились вечером в тот же день, когда Молин повез мое послание королю. Они предали огню замок, они задушили моего младшего сына, моих слуг, они...

все разграбили, разорили, устроили ужасную бойню... Понимаете?

Так как он безмолвствовал, она продолжала:

— У них не было приказа, они действовали, руководствуясь собственными соображениями. Но мы стали жертвами этого произвола. То, что случилось той ночью, эта вспыхнувшая ярость, было последним ударом, который король нанес мне. Я расценила это, как покушение тирана. И я стала Мятежницей Пуату, я повела свои отряды против короля.

Однако я вспомнила сейчас об этом письме, в котором засвидетельствовала свою покорность. Оно могло бы перетянуть на весах, когда король будет судить Мятежницу Пуату и Рескатора.

Анжелика почувствовала облегчение, словно сбросив тяжелый груз.

— ...Я сейчас напишу Дегре, чтобы он нашел старика Молина, если тот еще жив.

Перо снова забегало по бумаге. Граф де Пейрак и кот наблюдали за Анжеликой. Она припорошила песком только что написанные строки, сложила послание в конверт и запечатала воском. В мыслях она была в Париже, рядом с Дегре.

Пейрак с нежностью смотрел на нее. Она была далеко, но рядом с ним. Он мог бы обнять ее, прижать к своей груди.

Помолчав некоторое время, Анжелика сказала:

— Трудность заключается в том, что мы должны сражаться против теней. Да, я знаю!.. Это — заговор теней. Так было в прошлом. Так и теперь. Они преследовали меня в королевстве, они подстерегают меня и в Квебеке. Каждого из этих врагов надо вылавливать по Отдельности. Сначала пересчитать их, потом разоблачить, вывести на свет Божий. Каждому лицу дать имя. Ведь с тенями не воюют. Нужно сорвать маски.

Поэтому я и боюсь, особенно иезуита д'Оржеваля, который так враждебно против меня настроен, хотя никогда меня не видел.

Он — тоже тень. Почти миф. Я даже стала спрашивать себя — существует ли он на самом деле. Но нужно идти до конца.

Она говорила все это в возбуждении, глаза ее горели. Наклонившись к ней, Пейрак очень внимательно вглядывался в ее зрачки, стараясь разгадать их волнующее выражение, которое очаровывало и влекло его сильнее, чем в молодости.

Неожиданно Анжелика заметила:

— Вы как Николас де Бордагне. Он слушает только мой голос, а не то, что я ему говорю.

Пейрак страстно обнял ее.

— Я? Я растерялся перед красотой ваших глаз, особенно, когда вы испуганы. Нет ничего более обворожительного.

— Мужчина, вы меня гневите!

И оба рассмеялись. Он нежно поцеловал ее волосы.

— Моя дорогая, я не сомневаюсь в верности ваших предчувствий. Но у меня, как у мужчины, имеется больше возможностей. Я могу успокоить вас: положитесь на меня. Есть много светлых голов, которые могли бы разделить с нами грезы о братстве. Но пока необходимо сохранить их в тайне. У меня и в Квебеке

есть единомышленники, особенно одно очень влиятельное лицо. Это мой надежный друг.

— Фронтенак?

Граф отрицательно качнул головой.

— Я не скажу вам его имени, пока мы не приедем в Квебек.

Это может навлечь на него опасность. Но я вас познакомлю.

— И все-таки мне скучновато.

— А знаете почему? Я могу сказать, что является причиной вашей скуки. Вы встревожены потому, что до сих пор не знаете, в каком платье вам появиться в Квебеке.

— Платье? — спросила она. — А ведь правда, я совсем не подумала, в каком платье я приеду в Квебек!

— Платья? Все они здесь. Какое выбрать? Есть три: одно светло-лазурное, цвета льда, другое золотистое, похожее на то, которое вы носили в Биаррице, третье — из пурпурного бархата. Лазурь из Парижа, золото из Англии, пурпур из Италии.

Анжелика от удивления открыла рот.

— Как! Вы подумали об этом? Когда? — воскликнула она.

— Всегда. Потому что в любое время мысленно я вижу вас красивой, счастливой, среди поклонников... даже в лесной глуши!

— О, вы восхитительны!

Анжелика кинулась ему на шею. Он был прав. И сразу облегчил ей сердце. Анжелика стала весело раздумывать, как лучше удивить толпу в Квебеке.

— Вы очень предусмотрительны, мой дорогой сеньор. Я перед вами просто дитя.

— Несомненно. Разве вы не знали об этом? — сказал Пейрак и поцеловал ее в губы.

Глава 32

Анжелика торопилась, пробираясь в густом тумане, окутавшем берег. За ней едва успевали Дельфина, Морис и Куасси-Ба, который нес корзины.

Заря едва намечалась, но Анжелика не хотела опоздать к отплытию «Сен-Жан-Батиста».

«Мирабелла» отплывет утром: ее капитан еще не завершил свои дела. Анжелика встретила со слугой барона д'Арребу, передала ему секретный пакет и щедро наградила его. Слуга ей понравился. Он производил впечатление человека серьезного и преданного. Ведь он готов был последовать за своим господином в Бастилию. Анжелика дала ему кучу наставлений. Слуга должен наизусть выучить адрес Дегре, некоторые имена и названия мест, где он может рассказать о письме, если оно пропадет в пути. Ни в каком случае письмо не должно попасть в руки врагов.

«Сен-Жан-Батист» наконец подготовился к отплытию. Де Пейрак радовался, что уезжает посланник короля.

— Вы раньше нас придете в Квебек. Сообщите о нас, — сказал он Николасу де Бордагне и капитану, который немного пришел в себя после запоя.

Анжелика поторопилась попрощаться с мадемуазель Буржуа, держащей направление к кораблю.

— Я принесла вам немного продуктов и кое-какие лекарства. Вот пузырек с моржовым жиром, которым спасают обмороженных рыбаков, но им можно лечить и ослабевших детей.

Я надеюсь, что мы скоро вновь увидимся. Хотя «Сен-Жан-Батист» отправляется раньше нас, мы ненамного отстанем от него. Мы увидимся скоро, не правда ли?

Монашка казалась высокомерной и холодной. Анжелика этого ожидала. Отведя мадемуазель Буржуа в сторону, она спросила:

— Маргарита, что случилось? Вы больше не желаете быть моим другом? Я знаю, что вас беспокоит. Вы услышали о лодках, которые проплыли над Квебеком. Не так ли?

— Послушайте, — сказала матушка Буржуа. — Это важное предостережение. Ведь мы живем в такое тревожное время.

В любой момент может разразиться катастрофа. Когда в последний раз мы увидели на небе пылающие лодки, началась страшная война с ирокезами. Были слышны жалобные голоса с неба, а потом появились огненные лодки. За этим последовало разорительное землетрясение. Что же сегодня предвещает появление пылающих лодок? Какую опасность? Против чего предостерегает нас небо? И мы вправе спросить вас: «Что несете вы нам? Что привезут нам ваши хорошо вооруженные корабли:

добро или зло?»

— Боже мой! — воскликнула Анжелика. — О каком вооружении вы говорите? Вы видите, что мы не ирокезы. Вы разумная женщина и должны заметить, что в этом сезоне на рейде было мало врагов. Это сказалось наше влияние на вождя Пяти Племен Уттаке. Мы взяли на абордаж ваше судно, это так, но мы не открыли огонь.

— Туман поднимается, — сказал чей-то голос.

Анжелика опасалась, что заметив ее, появится де Бордагне, а ей не хотелось сейчас разговаривать с ним.

Мадемуазель Буржуа, которую здесь очень любили и уважали, могла бы успокоить горячие головы.

— Послушайте, Маргарита, — торопливо сказала она ей.

— Я вас умоляю, расскажите о нас в Квебеке, верните нам доверие обезумевшего города. Я не прошу вас говорить неправду, расскажите только то, чему сами были очевидицей.

Маргарита Буржуа покачала головой, давая понять, что она не имеет влияния в Квебеке. Ее сфера влияния — это Виль-Мари, то есть Монреаль, куда она и спешит попасть. Анжелика чувствовала, что Буржуа изменилась по отношению к ней. Ее первоначального доброжелательного отношения как не бывало, лишь только появилась «Мирабелла». Причиной этого, как предполагала Анжелика, был не только рассказ о лодках.

Туман расползлся клочьями, касаясь их лиц.

— Еще нельзя отчаливать, — сказал кто-то.

— Слава Богу, у меня есть время поговорить с вами. Я не могу отпустить вас в таком состоянии. Маргарита, скажите мне все. Вас что-то беспокоит, волнует. И это не только предзнаменование. Расскажите, прошу вас.

— Я узнала, что епископ готов вот-вот разогнать мою общину в Монреале, — призналась монахиня. — Боюсь, что я найду только обломки моего строения.

Она добавила, что ее сместили с поста старшей, на ее место поставили монашку из Квебека. И еще, мсье де Ломени-Шамбор потерял рассудок.

— Ломени-Шамбор! Но это невозможно, — воскликнула Анжелика.

Она не видела, какое отношение имеет несчастье обители Виль-Мари к кавалеру Мальтийского ордена. Но она начала понимать, что это очень сложные отношения.

— Что же случилось?

— Он влюблен в вас, — с болью в голосе бросила мадемуазель Буржуа и закрыла лицо руками. — Такой праведник, само совершенство. О, Боже мой! Это ужасно.

— Но это неправда, — запротестовала Анжелика. — Вы отлично знаете, как и я, что мсье де Ломени-Шамбор очень далек от подобных страстей.

Мадемуазель Буржуа уныло покачала головой.

— ...Как Пон-Бриан, как другие, которых вы довели до гибели. После нескольких встреч с вами они готовы были изменить своим клятвам, оставить своих друзей и перейти в стан врагов Бога и короля.

— Но это ни в какие ворота не лезет... Ах! Мы ведь во Франции... Я забыла... Любовь царит повсюду, Маргарита, возьмите себя в руки. Дождитесь, пока приедете в Квебек, там вы вновь встретите мсье де Ломени и надежда вернется к вам.

Не отчаивайтесь. Все это только сплетни. Он принимал нас дважды за городом, в Кеннебеке, и все.

Порывистым движением она схватила бедную монашку за руку и заставила ее поглядеть в глаза.

— Если говорить серьезно, разве между нами не может быть других отношений, как только бойня, убийство, месть;

око за око, зуб за зуб? О Маргарита, я знаю и Священное Писание, и Евангелие. Я была воспитана урсулинками в Пуату. Я знаю, там сказано: «Мир на земле людям и добрая воля».

Скажите же, скажите мне, Маргарита, вы действительно думаете, что между нами не может быть ничего, кроме войны и пушечной стрельбы?

— Вы взволновали меня, — сказала Маргарита Буржуа.

Она наклонилась, чтобы отодвинуть корзины с продуктами, принесенные Анжеликой.

— Оставьте, — сказала Анжелика, — возьмите корзины с собой. Вы вернете их нам в Квебеке. И поразмышляйте о том, что я вам сказала: «Мир на земле людям и добрая воля». Если мы, женщины, не будем сохранять мир, то чего же нам ждать от мужчин, которые только и мечтают о поводе для ссоры.

Стали загружать шлюпки, помогали женщинам и детям занимать места в каютах.

— Могу я попросить вас присмотреть за бедным англичанином? — продолжала Анжелика. — Он не может оставить медведя, а экипаж относится к ним враждебно.

Маргарита Буржуа искоса взглянула на нее.

— Разве вы не знаете?

— О чем?

— Я слышала, что мсье де Пейрак выделил на борт «Сен-Жан-Батиста» несколько человек из своего экипажа, чтобы они сопровождали нас до Квебека. Может быть, они будут помогать команде корабля, а возможно, им приказано охранять нас, как пленников, во всяком случае, при них никто не посмеет обидеть англичанина.

— Ах, так. Приятная новость. Это хорошо и для англичанина, и для всех путешественников. Значит, Жоффрей так решил... Он ничего не говорил мне об этом. Теперь я спокойна.

— Я тоже. Уверяю вас, — сказала Буржуа.

У нее было уже хорошее настроение. Она заняла место в лодке, и ей подали ребенка, о котором она заботилась. Она не давала никаких обещаний, но Анжелика втайне рассчитывала, что ее слова услышаны.

Пока ждали попутных волн, чтобы оттолкнуть лодку, Маргарита сделала Анжелике знак подойти, как будто она забыла ей сказать что-то важное. Анжелика устремилась к насыпи и склонилась к путешественнице.

— Вы мастерски сделали выговор, мадам. Я благодарна вам. В свою очередь, обращаюсь к вам с просьбой.

— Я вас слушаю.

— Помните, вы когда-то высказали одну поговорку, говоря о ложных образах, которые создают себе люди. Вы сказали:

«Очень часто видят страшилище, а не человеческое существо.

У страха глаза велики».

— Да, действительно.

— Постарайтесь вспомнить эти слова, когда вы столкнетесь лицом к лицу с отцом д'Оржевалем.

Глава 33

Анжелика избегала думать об отце д'Оржевале. Но мадемуазель Буржуа угодила в точку. В течение этого года, думая об иезуите, Анжелика испытывала безотчетное чувство страха, горечи, озлобленности, даже отвращения. Особенно с тех пор, как она связала его имя с именами Амбруазины и Залила. Слова Демона во время бреда приоткрыли завесу над детством человека, который сегодня являлся духовным господином Канады.

«Мы трое были проклятыми детьми, сорванцами: он, Залил и я. О, мое замечательное детство! У него небесно-голубые глаза и кровавые руки. Он и Залил пропитались человеческой кровью».

Анжелика замерзла в тумане. Она сделала усилие, чтобы избавиться от воспоминания об этом безумном голосе. Она должна будет уверенно посмотреть в лицо мужчине, в которого превратился этот ребенок. Когда его познакомят с Анжеликой, он будет одет в сутану своего ордена. Она обязана спокойно встретить этот голубой взгляд, о котором все говорят.

«Он меня никогда не видел»... В ней проснулось чувство неопределенности, лицо покраснело, ее мучила мысль, которая зашевелилась в сознании. Ей сказали, что «некто» из Канады наблюдал, как она однажды осенью купалась обнаженная в Мэнском озере. Отсюда и происходит легенда о нечестивой и роковой женщине.

Она спросила себя: «Кто меня видел?» Теперь она знала, у нее было внутреннее предчувствие. «Это он

видел меня. Он видел меня, когда я плескалась в озере. И за это он меня ненавидит».

Только через минуту она вновь ощутила себя спокойной. Она решила, что не имеет значения, правда это или нет. У нее будет еще время подумать об этом, когда она окажется перед отцом д'Оржевалем. Или, скорее, нет, она предпочла бы вообще не думать об этом времени.

Вдруг она залилась смехом. Люди переполнены противоречиями, неожиданностями, страстями, фантазиями. Нет одинаковых людей. Человек, наводящий страх, вдруг вызывает жалость и нежность. Она не одинока. С ней рядом Жоффрей.

Глава 34

Корабль «Сен-Жан-Батист» поплыл к верховьям Святого Лаврентия, а «Мирабелла», подняв паруса, направилась вниз, устремившись к морю Мрака. Анжелика им не завидовала. Она будет продолжать путь с флотом своего мужа к Квебеку, который теперь уже близко. И слава Богу! Трудные времена уже в прошлом. Скоро они попадут в благоустроенные дома, окажутся среди людей.

В свою очередь, флот де Пейрака готовился к отплытию. На кораблях кипела работа. На палубу вынесли рулоны ярко-красного фриза, отороченного золотым галуном. Такие «дорожки», закрепленные колышками, украшали балюстраду. Ими застилали палубу и украшали корабль, когда он заходил в гавань в праздничные дни. В последний вечер назначили праздничную прогулку.

В сопровождении местных жителей пассажиры «Голдсборо» спустились к Сугенею, чтобы полюбоваться рекой. В приближающихся сумерках она казалась неподвижной золотой скатертью. Дети побежали к пляжу.

— Мама! Мама, иди взгляни на моржей, — закричала Онорина.

Моржи уже давно ушли с этих берегов. Но сегодня вечером здесь появился большущий морж с тремя маленькими моржатами.

Сплоченные музыкой, дети организовали круг и пустились в пляс.

— Посмотрите! — закричала Катрин-Гертруда.

Эта старуха, прибывшая сюда из Перигора по набору 1630 года, всегда говорила, что когда дети танцуют — это предвещает опасность. Катрин-Гертруда кинулась домой за святой водой.

Анжелика не уловила причины ее беспокойства и спокойно спускалась к реке. Дети танцевали от радости и от избытка энергии. Они были очарованы звучанием флейты и гитары.

«Мы восторжествуем», — подумала Анжелика, любуясь красотой этого вечера. Она воспринимала его как подарок, как обещание.

Опустилась ночь, и погасли огоньки на небе и на реке. Прибежала Катрин-Гертруда, но дети уже прекратили танцевать. Старуха начала рассказывать легенду об охотнике и кунице. Повернувшись к верховьям Сугенея, Анжелика заметила, скорее угадала, силуэт де Пейрака. Проплывали лодки индейцев, и последний луч солнца высветил силуэт графа. Он стоял на маленькой площадке. Казалось, что он, сделав несколько шагов, оказался на этом конце поселка. Движения его были необычны. Анжелика решила, что это галлюцинация. Добравшись до своего корабля, Анжелика увидела де Пейрака. Он со своей командой был занят ревизией грузов.

— Вы не были только что на берегу Сугенея? — обратилась она с вопросом к мужу.

Он удивленно посмотрел на нее и сказал, что, покончив с делами в порту, он вернулся в шлюпке на

«Голдсборо» и никуда не отлучался.

— Однако мне показалось, что я видела вас внизу, около Сугенея.

«Решительно, я теряю голову», — сказала она себе.

Вскоре после этого Кантор пришел за котом: на его корабле завелись крысы и мыши, а его росомаха Волверина куда-то скрылась. Это случилось и раньше, но хитрое животное всегда возвращалось к хозяину.

— Плохо, если она объявится во время официального кортежа в Квебеке. Канадцы и индейцы считают, что в росомахе сидит нечистый дух. На деле же это самое хитрое животное.

Юноша поднялся на борт корабля и поймал кота. Онорина обрадовалась этому поводу, она не хотела спать. Она изъявила желание проводить своего сэра кота и брата до каюты. Таким образом, вся семья собралась вместе. Здесь были граф и графиня де Пейрак, Кантор, Онорина, кот и мсье Виль д'Эвре.

На поверхности воды отражались огоньки. Приближалась какая-то лодка. Индейцы, которые в ней ехали, подняли факелы.

— Ох, посмотрите! Что значит этот маскарад? — воскликнул Кантор.

Из темноты появилась кошмарная косматая маска не то вепря, не то бизона. Рога ее были раскрашены красной краской, глаза из белых камней вылезали из орбит. Рядом со страшилищем сидел мужчина, одетый в замшу и меха. Приплыли они на маленькой лодке.

— Колдун! Что ему нужно от нас?

Эта лодка подплыла к шлюпке Кантора, которую тот оставил у борта «Голдсборо». Прибывших сначала приняли за индейцев. Послышался чистый голос:

— О-ля-ля! Европейцы, хотите иметь самые пушистые в мире меха? Мы привезли их с Великого Севера, с самого поста Рюпер.

При звуке этого голоса Виль д'Эвре издал восклицание и наклонился через борт.

— Но это же Анн-Франсуа де Кастель-Морга!

— Он самый. Кто меня зовет?

— Виль д'Эвре.

— Рад вас вновь увидеть, маркиз. Какой счастливый случай привел вас в Тадуссак?

— А вас, мой милый?

— Я спускаюсь от Гудзона и везу превосходные меха.

— Вам могут предложить только водку. Какая жалость, мой милый паж!

Ответом ему был раскатистый смех охотника, эхом повторенный маской.

— А кто эта страшная рожа, сопровождающая вас и развлекающаяся за ваш счет?

— Тот, кто хочет приблизиться к вам, чтобы быть представленным. Угадайте!

Особа с маской бизона на голове поднялась на корабль. Анжелика сразу узнала того, кого она вечером видела издали и которого спутала с Жоффреем.

Онорина категорически заявила:

— Но я знаю... я знаю, кто это. Я угадала его по рукам и ножу. Это же Флоримон!

Глава 35

Остров Орлеан раскинулся полевому борту, словно огромная акула с черным холмистым хребтом, закрывая горизонт, и река заблестела чешуей. Судну приходилось лавировать, преодолевая неблагоприятные течения. За отдаленным мысом пастью чудовища показался Квебек. Низкое и тяжелое небо опускало бахрому тумана на возвышающиеся берега. Вода была сине-зеленого цвета. Приближалась зима, тоскливое время, когда все замерзает, когда кажется, что люди и весь мир скованы в ледяных потемках. Ночь мешается с днем.

На кораблях шли приготовления к прибытию в Квебек. Оживление, царившее на них, составляло контраст застывшей природе окружающих берегов.

Нужно было позаботиться об униформах, о параде, о туалетах, приготовить барабаны и трубы, которые должны будут сообщить всем о прибытии графа де Пейрака. Нужно было сшить новую форму для Адемара и выучить Онорину и Керубино делать реверансы перед губернатором Фронтенаком.

Приезд Флоримона и его друга Анн-Франсуа де Кастель-Морга придал путешествию романтическую тональность. Кто бы мог сохранить кислую физиономию, увидев этих добрых молодцев. Они были больше канадцами, чем сами канадцы. По своим манерам и остроумию они были французами в большей степени, чем те французы, которые ожидали их в Квебеке. Они были благородными кавалерами, совершавшими подвиги не менее славные, чем герои «Романа о Розе» или рыцари Круглого Стола, а.

Обстоятельства, которые свели их вместе на Севере, оставались неясными. Флоримон не мог приступить к подробному описанию своих приключений, потому что всеобщее внимание было приковано к Квебеку.

На самом деле они повстречались случайно на посту у берега Теплых морей, они узнали друг в друге гасконцев и отправились вдвоем в круиз. Жизнь для них была наполнена цветом моря и запахом лесов, она имела вкус скитаний, холода, дыма и подарила им прозорливость индейцев. Когда к ним присоединился Кантор, все услышали замечательное трио:

«У меня есть три корабля на чудесном море.

Один нагружен золотом, другой — драгоценными камнями...»

Так нежданно вновь найдя Флоримона, Анжелика почувствовала ни с чем не сравнимую радость. Этот случай помог утвердить мнение многих о том, что

Канада не обыкновенная страна. Ее навещают святые и ангелы.

Хотя Анжелика верила в светлую судьбу старшего сына, она все же понимала, какие случайности подстерегают его.

Что касается де Пейрака, то он тоже был очень обрадован встречей с Флоримоном. В одиссее Флоримона он во многом узнавал свои приключения молодости.

Глава 36

— Они склонят голову перед вами, и вы посмотрите на мир иными глазами. Красота! Негаснущая красота, которая очаровывает и примиряет с несправедливостью жизни, — говорил жене граф де Пейрак.

— Разве я так красива? Откуда эта легенда?

— Она исходит от вас, — прошептал он. — Нужно оправдать их надежды.

Она улыбнулась его словам и его отражению в зеркале.

— При такой щедрости это нетрудно!

Он помог ей надеть платье. Все ее платья были прекрасны. Анжелика выбрала пурпурное. Бархатные складки подчеркивали ее фигуру и придавали величественный вид.

Жоффрей подошел сзади и положил ей на плечи бриллиантовое украшение. Это был пластрон из бриллиантов и рубинов. Жоффрей рассматривал ее в зеркале. Анжелика вспомнила, как Жоффрей надел ей на шею свой первый подарок, когда ей исполнилось семнадцать лет.

Она вздрогнула от ласкового прикосновения его теплых рук. Он остался таким же — Лангедокский трубадур. Тот же огонь светился в его взгляде. «После стольких лет мы вернулись туда, откуда ушли».

Благодаря Жоффрею де Пейраку отбрасывается реальность, все неприятное отступает прочь,

смягчается горечь предзнаменований и мир становится не таким враждебным.

Повсюду были разложены подарки: для губернатора, дам, карлиц, сирот, богатых и бедных, добродетельных и грешных.

Восхищение и счастье проглядывали в темном взгляде Жоффрея, когда он любовался отражением силуэта в пурпурном платье, достойном королевы Лувра.

— Вы похожи на кота, который облизывается, — засмеялась Анжелика.

— Пожалуй. Я думаю о наших врагах.

— Вы намерены быть злым?

— Едва ли.

— Так ли я сильна, чтобы оправдать ваши надежды? Смогу ли я помочь вам победить?

— Вы давно стали такой. Что для вас какой-то город? Вы смогли покорить двор, короля. Если вы пожелаете, то все будут лежать у ваших ног.

— Сейчас это не одно и то же. Я другая. Менее... менее дикая, может быть. Больше всего меня страшит встреча с отцом д'Оржевалем.

— Я уверен в вас, — сказал он с нежностью в голосе.

И ее опасения рассыпались. Он будет там. Он будет ее поддержкой. Человек, наделенный умом и силой, доблестный и справедливый, он любит ее, а она, его жена, любит его больше всех на свете.

Она наклонила голову и коснулась щекой его руки, лежащей на ее плече. А он долгим поцелуем приник к ее затылку.

— Я хочу, чтобы все они были у ваших ног, — прошептал он. — Они все полюбят вас. И он тоже. Я хочу видеть его влюбленным, вашего врага. Охваченный фанатичной верой, он осмелился напасть на вас и оклеветать. Наступит день, когда он узнает, что такое Любовь.

«Однажды он тоже полюбит вас. И это будет ему наказанием», — вспоминала Анжелика.

Глава 37

В тот вечер они бросили якорь у крайней точки острова Орлеан. На борт корабля поднялись два человека: Мопертюи и его сын Пьер-Андре.

Узнав о прибытии де Пейрака, город заволновался, и Мопертюи мудро рассудил, что об этом надо предупредить заранее. Он приехал на Орлеан, где жила его семья. Остров населяют люди, совсем не такие, как в Квебеке. Многие считают этот остров незаселенным. Он покрыт непроницаемой мглой, но его массивные очертания вырисовываются на фоне ночного неба.

Жоффрей де Пейрак расспрашивал о подробностях квебекской жизни. Мопертюи сказал, что в городе готовится праздник по поводу их прибытия. Хотят встретить их с почетом. Особенно беспокоится об этом мсье де Фронтенак. Большая часть наиболее важных представителей Большого Совета желают выказать любезность могущественному визитеру. Но епископ колеблется. Иезуиты? Неизвестно. Мсье де Кастель-Морга советует сопротивляться. До сих пор он молчал. Но когда появились в небе огненные лодки, сторонников у военного губернатора стало гораздо больше. За городом, на плато, собралось огромное количество диких племен. Они возбуждены из-за пугающих небесных знамений. Если Кастель-Морга, который оказывает на них большое влияние, возьмет их под свою опеку, дело примет плохой оборот.

— А Пиксарст? Где он? — спросила Анжелика.

— Неизвестно. Возможно, среди них. Но дикари непостоянны. На них нельзя полагаться, мадам.

Анжелика покачала головой:

— Нет Пиксарет меня не предаст.

Мсье д'Арребу, присутствующий при этом, с любопытством взглянул на нее.

— Это так. После Уттакс-ирокеза вы приручили его врага абенака Пиксарета. Невозможно... На это понадобилось всего несколько месяцев. Как вам удастся расположить к себе этих...

неприступных бродяг? Это подозрительно. Они знают, что это вы провалили кампанию против англичан, включив в борьбу вождя патсуикстов, изменившего своему роду. Какими слова ми смогли вы убедить Пиксарета? Это совсем не простофиля, я его знаю. Он подчиняется только отцу д'Оржевалю, он и его племя. Но на этот раз он отбился от рук. Чем вы его пленили? Околдовали? Сглазили?

— Конечно же, нет. Мы с ним просто дружим, вот и все.

— Дружите? Это непросто! Вам это только кажется. А ты, Мопертюи, говоришь, что за городом собрались дикари. Гуроны и абенаки ненавидят друг друга. Не хватает только вашего появления в Квебеке. — Виль д'Эвре отвел Анжелику в сторону.

— Покажите мне его! — прошептал он.

— Что?

— Вампум Уттаке, который он отдал вам в знак союза. Это самое дорогое украшение, каким только владеют индейцы.

— Когда-нибудь я вам его покажу, но знайте, что я никогда его вам не отдам. Мне сказали, что я не должна расставаться с этим вампумом. Я прикажу положить его в мой гроб, когда меня будут провожать в последний путь.

— Может быть, именно поэтому нас сопровождали невзгоды в Порт-Руаяле и в других местах.

Маркиз огорченно надул губы. Он был ненасытным коллекционером драгоценных редкостей, И он отомстил Анжелике:

— Моя дорогая, не стоит рассказывать, как вам подарили эту вещь... Нужно быть хоть в определенной

мере... колдуньей.

Имя, произнесенное в это мгновение Мопертюи, привлекло внимание Анжелики. Она оставила маркиза и подошла к беседующим. « — Вы говорили о Никола Перро?»

— Да, я видел его два дня тому назад.

— О, какое счастье! Я так боялась за него. Когда я узнала, что бравый канадец видел Никола Перро в огненной лодке, у меня появилось нехорошее предчувствие на его счет.

Жоффрей де Пейрак взглянул на нее, улыбнувшись уголками губ. Когда они остались одни, Пейрак сказал:

— Новый Свет богат странными явлениями, которые наука когда-нибудь объяснит. Я хочу сказать, что их не следует бояться. Я сам видел... На полях Флориды светились огоньки...

Люди были испуганы. Логического объяснения мы не находили. Нас окружает мир со всеми его секретами и загадками.

Пока мы вынуждены принимать их как есть. Наука не в состоянии объяснить некоторые явления... — И, меняя тему разговора, спросил:

— Вы уже решили с вашими служанками, в каком платье вы покажетесь в Квебеке?

— Нет еще, — вздохнула она. — Тем более, что у меня нет служанок.

— Однако сейчас это более важная тема, чем обсуждение таинственных загадок.

Анжелика отправилась к Дельфине. Она предложит ей побыть ее служанкой. Это наилучшее решение. Она попросит ее сохранить тайну позорного клейма на плече — будь проклят король Франции и этот ужасный обычай клеймить людей каленым железом. У нее всегда при этом воспоминании поднимается гнев против Людовика XIV, так как это клеймо не позволяет носить

открытые платья. Анжелика уверена: Дельфина не использует во зло ее доверие.

Она шагала по палубе. Вдруг она почувствовала присутствие живых существ и увидела фосфоресцирующие огоньки. Такой ночи она еще не видела. Воздух казался непривычно застывшим.

Анжелика ощутила какое-то стеснение, ее движения стали нечеткими, что-то оттолкнуло ее в сторону, она повернулась и почувствовала, что над ней что-то парит в воздухе. Она подняла глаза и увидела в темном пространстве неба светящееся пятно продолговатой формы. Пятно сразу же стало уменьшаться, сокращаться, таять с невероятной скоростью. Это было похоже на свечу, которую задувают со страшной силой. Она окаменела.

Что это было? Какой-то свет? Молния? Посмотрев направо, она заметила, как Жоффрей де Пейрак поднимается по лестнице. Она сделала усилие, чтобы сбросить шоковое состояние, и подошла к мужу. Только сейчас она почувствовала ледяное дыхание ночи. Она бросилась к Жоффрею и крепко прижалась к нему, она старалась объяснить ему только что увиденное.

— Значит, вы получили морское крещение. Это удел всех мореплавателей. Сколько уже моряков видели этот феномен.

Но морякам обычно не верят. Вы лучше молчите об этом. Я любовался этим видением во Флориде. Это раскаленные частицы света. До меня их созерцал Колумб из Генуи. Не волнуйтесь. Ничего не случится. — Он обмял ее за плечи.

Несмотря на его спокойствие, она продолжала чувствовать, что происходит что-то невероятное. Она стучала зубами и дрожала от холода. Он укрыл ее своим манто.

— Ах! Вот снова, — воскликнула она, — и здесь, и там!

— Нет, глупышка.

— Тогда что означают эти светящиеся точки, которые расположены в несколько рядов на небе?

— Приглядитесь получше, и вы поймете. Мы дрейфовали и подошли к Квебеку. То, что вы заметили, — это огни города.

К ней вдруг вернулась реальность окружающего. Здесь, во тьме, располагался город, поднимаясь к небесному своду. Мало-помалу из тьмы стали вырисовываться детали. Можно было отличить палевые пятна крыш, тонкий слой снега, утес. Анжелика услышала лай собак, которые бродили по закоулкам города. Это взбудоражило ее больше всего.

Глава 38

На рассвете, после короткого отдыха, нужно было завершить последние приготовления. Еще царила ночь, а на кораблях кипела бурная деятельность.

Иоланда постучала в дверь комнаты, в которой Анжелика заканчивала туалет. Перед ней на столике стояла масса баночек и флаконов. Сейчас придет Дельфина с ее платьями. Она и Генриетта помогут ей причесаться. Потом она оденется.

— Иоланда, как ты прелестна, моя дорогая! — сказала она акадийке, которая действительно отлично выглядела в оранжевом платье с большим белым воротником. — Но как жаль, что ты продала свои коралловые бусы. Они бы оченьгодились сегодня.

— Это была глупость. Я знаю. Тем хуже для меня.

— Но чего ты хочешь от меня?

Иоланда объяснила, что не может сладить с Онориной, которая заявила, что не желает надевать приготовленное для нее платье. Она хочет надеть костюм мальчика. И ни за что не сделает реверанса перед губернатором.

— Приведи ее ко мне, — сказала Анжелика.

Вошла Онорина с бесстрашным лицом. Она надела задом наперед брючки от мушкетерского костюма, который подарил ей де Пейрак. Он знал, что такой подарок понравится ей больше всего.

— Дорогая моя девочка, — воскликнула Анжелика, — как ты можешь предпочитать эти грубые темно-серые брюки такому красивому платью? Замечательному платью!

Иоланда развернула платье, но Онорина отвела глаза.

— Я так одеваюсь, потому что скоро будет война. Если они там начнут сражение, я хочу быть солдатом, — сказала Онорина.

— Но если они устроят парадную встречу, нужно быть принцессой. Взгляни на меня. Я одета в платье.

— Ноты ведь Дьяволица, — невозмутимо произнесла Онорина. — Они тебя ждут. — И добавила проникновенным голосом: — Ты должна быть красивой!

Онорина обычно запоминала обрывки разговоров, которые слышала вокруг. Анжелика пришла в смущение. Благодарение Богу! Онорины не было в Голдсборо в то проклятое лето. Амбруазина, ревнивая, как кошка, без всяких раздумий могла бы погубить этого прелестного ребенка. Задним числом Анжелика задрожала от страха.

«Золотце мое! Боже мой! С тобой ничего не случилось, какое счастье!»

— Значит, ты не возражаешь, чтобы я оделась мальчиком?

— спросила Онорина.

— Нет, я огорчена, но тем хуже для меня. Я не хочу, чтобы ты была несчастной. Только я думаю, что... Может быть, мсье Ломени-Шамбору будет досадно, что он не увидит тебя среди присутствующих в такой торжественный день.

Аргумент подействовал. Онорине действительно была неприятна мысль сделать реверанс губернатору в компании этого простофили Керубино. Она знала его — он мог сплеховать и испортить все дело. Она бросила подозрительный взгляд на своего друга, который крался по комнате, как шkodливый котенок. Они хорошо играли вместе, но в серьезных обстоятельствах на Керубино нельзя было положиться. И потом, она была дочерью мсье де Пейрака, зачем же ей выглядеть посмешищем.

Она выйдет вперед одна, в голубом платье, и мсье де Ломени будет очень рад увидеть ее такой красивой.

И Иоланда начала одевать Онорину.

В глубине комнаты что-то изменилось. Свет свечей и ламп поблек. Повернувшись к окнам салона, Анжелика увидела мерцающий пурпурный цвет.

— Пожар! — закричала она.

Анжелика бросилась к окнам и с шумом распахнула их. У нее перехватило дыхание как от ледяного воздуха, так и от чудесной картины, которая открылась перед ней. То, что она приняла за пожар, оказалось утренней зарей, светом восходящего солнца. Это солнце окунуло в свет Квебек, окрасив его ярко-розовым огнем. В утренней свежести вырисовывался хрустальный город.

Искусно сделанные колокольни церковей казались серебряными.

Мирные струйки дыма струились над крышами домов. Анжелика иногда грезилась о Квебеке, но на деле он оказался еще красивее, чем в грезах.

— Онорина, иди сюда быстрее, взгляни на город!

Она взяла дочь за руку, испытав при этом удивительную нежность. Обе они в молчании засмотрелись на город. А город показывал им свое лицо, чистое и светлое.

В это время вошел Жоффрей де Пейрак. Его помощники внесли три набора драгоценностей:

лазурный, пурпурный и золотой. Куасси-Ба в тюрбане держал на подушке шкатулку с украшениями: перстнями, браслетами, серьгами из жемчуга и золота, золотыми диадемами, колье.

Жоффрей де Пейрак сделал жест волшебника, творящего чудеса:

— Вот платья, а вот украшения. Да здравствует праздник!